

Т. Г. Озерникова

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ И КИТАЕ В XXI ВЕКЕ**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Т. Г. Озерникова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И КИТАЕ В XXI ВЕКЕ

Текстовое электронное издание

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Иркутск
Издательский дом
Байкальского государственного университета
2021

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021
ISBN 978-5-7253-3076-2

УДК 334.012(470+510)
ББК 65-131(2Рос+5Кит)

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

*Работа выполнена и издается по гранту Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-013-00430 А
«Этно-психологические характеристики экономического самоопределения
российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса»*

Рецензенты

д-р экон. наук, проф. И. В. Цвигун, д-р экон. наук, проф. С. В. Чупров

Озерникова, Т. Г. Тенденции развития малого предпринимательства в России и Китае в XXI веке / Т. Г. Озерникова. – Иркутск : Изд. дом Байкал. гос. ун-та, 2021. – 235 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3076-2.

Изложены результаты комплексного сравнительного исследования предпринимательской среды малого и среднего бизнеса в России и Китае в XXI столетии. Рассмотрены исторические предпосылки возрождения предпринимательства, государственная политика, нормативные условия развития бизнеса, а также особенности социально-экономической макросреды предпринимательства в двух странах, оказывающие значимое влияние на экономическое самоопределение предпринимателей. На основе анализа статистической информации определены тенденции, результаты и основные проблемы развития малого и среднего бизнеса России и Китая в 2000–2020 гг. Описаны некоторые предварительные результаты влияния на сектор малого и среднего бизнеса экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Монография может быть полезна для студентов, магистрантов, аспирантов, научных работников, а также специалистов, занимающихся проблемами развития малого и среднего бизнеса России и Китая.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:

веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 и более поздние, Opera версии 7.0 и более поздние, Google Chrome 3.0 и более поздние.

Компьютер с доступом к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Редактор А. А. Невидимова, верстка Е. С. Ловчагиной

Подписано к использованию 29.11.2021.

Объем 11,87 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bg.ru>

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021

© Озерникова Т. Г., 2021

Оглавление

Введение.....	5
1. Социально-экономические условия развития	8
малого предпринимательства в России и Китае в XXI веке.....	8
1.1. Предпринимательство в сфере малого бизнеса как социально-экономический феномен	10
1.2. Предпосылки и особенности возрождения предпринимательства в Российской Федерации и Китайской Народной Республике во второй половине XX века.....	30
1.3. Государственная политика и государственная поддержка малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах	43
1.4. Сравнительный анализ нормативных условий развития малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах	56
2. Тенденции развития малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах.....	74
2.1. Макроэкономическая ситуация в России и Китае и ее динамика в 2000–2020 годах.....	76
2.2. Динамика развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в 2000–2020 годах.....	94
2.3. Развитие малого и среднего бизнеса в Китае в 2000–2020 годах: основные тенденции	119
2.4. Особенности предпринимательского климата России и Китая по материалам международных рейтингов	141
2.5. Сравнительный анализ макроэкономических условий и тенденций развития малого и среднего бизнеса в России и Китае в XXI веке.....	154

3. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в России и Китае в условиях пандемии и преодоления ее последствий	164
3.1. Особенности изменения макроэкономической ситуации в России и Китае в условиях пандемии COVID-19.....	166
3.2. Динамика показателей развития малого и среднего бизнеса в России в 2020–2021 годах	176
3.3. Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Китае в 2020–2021 годах	189
3.4. Сравнительный анализ государственной поддержки малого и среднего бизнеса в период пандемии в России и Китае	196
Заключение	206
Список использованной литературы.....	210

Введение

Развитие малого и среднего бизнеса в Российской Федерации рассматривается как одна из приоритетных задач государственной экономической политики. Малое предпринимательство выполняет в обществе ряд важных функций: способствует экономическому развитию, позволяет решать проблемы занятости населения, помогает раскрытию и реализации его творческого потенциала. Кроме того, малый и средний бизнес является основой формирования среднего класса, смягчает социальную напряженность, обеспечивает социально-экономическую и политическую стабильность. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года предусмотрено доведение доли малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте до 40 %, а доли работающих в малом бизнесе – до 35 % от всего занятого населения [166]. Для достижения поставленных в Стратегии целей особый интерес представляет исследование опыта развития малого предпринимательства в Китае.

В постсоветской России быстрый экономический рост и позитивный опыт переходной экономики в Китае долгое время фактически игнорировались и отвергались экспертами, и лишь во второй половине 2000-х гг. появились весьма сдержанные позитивные официальные высказывания о возможности использования китайского опыта в отдельных областях реформируемой экономики России [76. С. 79]. В настоящее время анализ и использование китайского опыта возрождения и быстрого развития малого предпринимательства представляют для Российской Федерации несомненную ценность.

Сравнительный анализ социально-экономических условий и результатов развития малого бизнеса в России и Китае проведен в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Этно-психологические характеристики экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса». Изучение влияния внешней предпринимательской среды на экономическое самоопределение предпринимателей позволило выя-

вить следующие наиболее значимые ее компоненты, определившие структуру монографии. Во-первых, это культурно-историческая среда, влияющая на формирование предпринимательской культуры. Во-вторых, это институциональная среда развития бизнеса, определяющая «правила игры» экономических агентов. В-третьих, это государственная политика и система государственной поддержки малого бизнеса. Наконец, на экономическое самоопределение предпринимателей влияет экономическая и социальная макросреда, ее стабильность и тенденции ее развития. Все эти внешние факторы оказывают воздействие на формирование экономической идентичности предпринимателя, его мотивацию и направления активности. Условия развития предпринимательства в России и Китае вызывают и значительные различия в динамике сектора малого и среднего предпринимательства.

Первая глава монографии посвящена исследованию социально-экономических условий развития малого предпринимательства в России и Китае в XXI столетии. Рассмотрены сущность, особенности и функции предпринимательства в сфере малого бизнеса, выявлены компоненты предпринимательской среды и меры государственной поддержки, необходимые для его поступательного развития. Описаны предпосылки, этапы и особенности возрождения предпринимательства в Российской Федерации и Китайской Народной Республике во второй половине XX в. Проведено сравнительное исследование государственной политики в отношении малого бизнеса в двух странах, институциональной среды развития малого бизнеса и системы его государственной поддержки. Исследование осуществлено на основе анализа научных публикаций и нормативных документов.

Вторая глава монографии посвящена сравнительному анализу тенденций развития малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 гг. Выявлены наиболее значимые различия экономической и социальной макросреды в России и Китае, описана динамика развития малого и среднего бизнеса в двух странах. Рассмотрены тенденции изменения количества предприятий в секторе малого и среднего бизнеса, его отраслевой и региональной структуры. Проведено сопоставление предпринимательского климата России и Китая по материалам международных рейтингов. Данная глава подготовлена на основе анализа научных публикаций, статистической информации, а также данных международных рейтингов Doing Business и Global Entrepreneurship Monitor.

В третьей главе монографии рассмотрены предварительные результаты влияния экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, на развитие малого и среднего бизнеса в России и Китае. Проанализированы особенности протекания пандемии, динамика макроэкономических показателей и тенденции развития сектора малого и среднего бизнеса, а также особенности его государственной поддержки в период пандемии в двух странах. Данная глава подготовлена на основе анализа научных публикаций, статистической информации, а также публикаций в СМИ.

Монография содержит большой объем сравнительного эмпирического и аналитического материала и представляет интерес для студентов, магистрантов, аспирантов, научных работников, а также специалистов, занимающихся проблемами развития малого и среднего бизнеса России и Китая. Описанный опыт может быть использован для повышения эффективности государственной поддержки предпринимателей, а также для уточнения стратегических ориентиров развития малого и среднего предпринимательства в России.

1. Социально-экономические условия развития малого предпринимательства в России и Китае в XXI веке

Рассмотрение социально-экономических условий развития малого и среднего предпринимательства (далее также МСП) в России и Китае в новом тысячелетии следует начать с уточнения сущности предпринимательства и основных факторов его развития. Формирование научных представлений о предпринимательстве наиболее полно отражено в трудах представителей экономической науки – П. Друкера, А. Маршалла, Ф. Найта, А. Смита, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, С. Паркера и др. Инновационный характер предпринимательской активности подчеркивали Дж. С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ж.-Б. Сэй и др. В современной науке предпринимательство рассматривается с позиций системного подхода (И. А. Андрос, О. В. Кобяк, И. Т. Корогодин, Т. П. Левченко, А. Ю. Яковлева-Чернышева и др.). Значимый вклад в развитие теории и методологии исследования предпринимательства внесли А. Е. Миллер, О. И. Образцова, О. В. Телегина, А. Ю. Чепуренко, А. А. Яковлев и другие авторы. Исследователей привлекают вопросы детерминации предпринимательской активности (А. Г. Гаврилюк, К. А. Устинова и др.). Активно исследуется состав и значение для развития бизнеса предпринимательской среды (С. В. Авилкина, С. В. Перфильев, Н. А. Урузбаева, О. А. Фихтнер, Н. Р. Хадасевич и др.). Особенности малого предпринимательства и роль предпринимательской среды для его развития раскрываются в работах А. Ю. Арекеевой, С. И. Баженова, И. Э. Дорониной, Е. А. Ивановой, А. М. Платонова, И. А. Рамазанова, Е. В. Романенко, В. А. Рубе, А. Н. Струнгар и многих других. Анализ исследовательских подходов к пониманию предпринимательской среды позволил выделить такие ее компоненты, как макроэкономическая ситуация, культурно-историческая среда, государственная политика и государственная поддержка малого бизнеса, а также институциональная среда бизнеса.

Рассмотрение социально-экономической метасистемы экономического самоопределения предпринимателей как проекции предпринимательской среды предполагает исследование этой среды и ее осо-

бенностей в России и Китае. Действительно, для понимания причин существенных различий в масштабах развития малого и среднего бизнеса в России и Китае необходимо выявить особенности исторического развития предпринимательства и системы его государственной поддержки, особенности институциональной среды в этих странах. Исследование опыта КНР может способствовать решению стратегических задач в области развития малого бизнеса в Российской Федерации.

Проблемы формирования и развития малого и среднего предпринимательства в России и Китае активно изучаются как отечественными, так и китайскими исследователями. Значение малого бизнеса для развития экономики, актуальность китайского опыта для Российской Федерации обосновываются в работах И. А. Рамазанова и А. Н. Струнгар, С. Ю. Цёхлы и Е. А. Полищук, А. П. Кудина, И. А. Горошкова, Е. В. Трифонова и др. Исторические аспекты развития отечественного предпринимательства во второй половине XX в., в том числе в его нелегитимных формах, рассматриваются в исследованиях экономистов (А. А. Бессолицын, В. В. Милосердов, К. В. Милосердов и др.), историков (Е. А. Андрюхин, Р. Г. Кирсанов, Е. В. Тышта и др.), юристов (И. Н. Гидиятуллина, А. В. Полянина и др.) и философов (Н. В. Харсеева и др.). Историческое развитие предпринимательства, в том числе и малого бизнеса, в КНР наиболее полно раскрыто в работах А. П. Кудина и В. В. Карлусова.

Важнейшим регулятором поведения предпринимательского общества выступает институциональная среда развития бизнеса – те «правила игры», которые задает государство. Развитие институциональной среды малого предпринимательства и его государственную поддержку в РФ в XXI в. исследовали Д. В. Завьялов, Н. Б. Завьялова, О. В. Сагинова, А. А. Плеслов, Н. С. Ермашкевич, Н. Н. Калмыков, Т. Б. Иванова, И. С. Землянская, Н. И. Мирошников, А. П. Исаев, В. В. Погорелов, С. А. Коробов, О. Л. Рубцова и др. Развитие системы нормативного регулирования малого бизнеса в КНР раскрыто в работах А. П. Кудина, В. Ф. Попондопуло и О. А. Макаровой, Л. Ф. Султановой, Л. И. Цедилина, В. В. Хаблак, Чжуан Сяожань и др. Стратегия государственной поддержки предпринимательства в КНР описана Н. В. Климовой и О. С. Глушенко, Т. А. Левченко, Е. Цигелковой, И. Н. Платоновой, Е. Д. Фроловой, В. В. Чуванковой и др. Вопросам поддержки инновационного бизнеса в Китае посвящены работы Lin Hanchuan, Chi Renyong, Ma Chao, Fang Hanqing и др.

Несовершенство системы государственного регулирования МСП, экономическая нестабильность и другие факторы вызывают многочисленные проблемы в развитии малого бизнеса как в России, так и в Китае. Проблемы развития малого бизнеса в современной России раскрываются И. А. Горошковым, Д. В. Завьяловым, Н. Б. Завьяловой, О. В. Сагиновой, Л. С. Шавалеевой, Е. Г. Шеиной, А. Ю. Серебряковой, Т. В. Тищенко, А. С. Милевич, О. Ю. Гончаровой и др. Динамика и проблемы развития МСП в Китае анализируются в исследованиях Lin Hanchuan, Qin Zhihui, Chi Renyong, Wen Xiaoying, Luo Ya, Xia Huqian, Lan Min, Chen Siting и др. Сравнительный межстрановой анализ развития малого бизнеса и системы его государственного регулирования и поддержки в РФ и КНР представлен в работах Е. Цигелковой, И. Н. Платоновой, Е. Д. Фроловой, А. М. Гринкевич и Д. Д. Каримовой, Т. В. Абалакиной, К. Д. Гвасалия, До Хыонг Куен и других исследователей.

В данной главе представлены результаты исследования сущности и особенностей малого предпринимательства как социально-экономического явления, истории возрождения предпринимательства в России и Китае во второй половине XX в., особенности формирования государственной политики в отношении малого бизнеса и нормативных условий его развития в двух странах в XXI столетии.

1.1. Предпринимательство в сфере малого бизнеса как социально-экономический феномен

Феномен предпринимательства: обзор подходов к определению

Развитие исследований феномена предпринимательства давно вышло за пределы экономики. В настоящее время специалисты из разных областей гуманитарных наук, например психологии, политологии, философии, социологии, истории и даже экологии, занимаются различными вопросами предпринимательства, способствуя формированию междисциплинарного направления в исследованиях данной области [70. С. 65].

Предпринимательство как социально-экономический феномен достаточно давно изучается в науке, однако единых общепризнанных подходов к его пониманию нет. Базовые научные представления о предпринимательстве содержатся в работах исследователей-экономистов П. Друкера, А. Маршалла, Ф. Найта, А. Смита, Ф. Хайека, Й. Шумпетера и др. Рассмотрение предпринимательства в условиях ценовой конкуренции сформировало представление о предпринимателе как

«экономическом человеке», рационально действующем в условиях неопределенности и риска, осуществляющем оптимальное комбинирование ресурсов, позволяющее получить наилучшие экономические результаты (прибыль). В качестве определяющей черты предпринимательства признана его новаторская роль, а в качестве определяющего условия развития предпринимательства – наличие экономической свободы. В наиболее общем смысле предпринимательство понимается как человеческая деятельность, направленная на изменение настоящего, чтобы достигнуть лучших результатов в будущем, и представляющая собой готовность людей постоянно искать, открывать, создавать, выявлять средства для достижения новых целей [73].

Предпринимательство выступает формой проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ [70. С. 65]. Как правило, деятельность предпринимателя нацелена на получение прибыли (дохода), предприниматель несет имущественную ответственность и действует в условиях риска.

Признанные исследователи предпринимательства (Дж. С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ж.-Б. Сэй и др.) отличали предпринимательство от хозяйственной деятельности как таковой, определяя особенность предпринимательства: осуществление новых комбинаций факторов производства и обращения [203. С. 105]. Й. Шумпетер отмечал: «Осуществление новых комбинаций – дело сложное и доступно лишь людям, обладающим определенными качествами» [Там же. С. 404]. Потенциальной способностью к успешной предпринимательской деятельности наделены лишь 5–8 % трудоспособного населения. Фактическая ограниченность социального слоя предпринимателей на фоне высокой значимости выполняемой ими общественной роли обуславливает необходимость выработки на государственном уровне экономико-правовых условий, способствующих легальному раскрытию производственного, организационно-управленческого и инновационного потенциала этой группы хозяйствующих субъектов в целях наиболее полного удовлетворения общественных потребностей [70. С. 66]. В условиях перехода к инновационному типу развития еще более актуальным становится положение Й. Шумпетера о том, что предприниматели являются основными двигателями механизмов производства, обмена и распределения в условиях рынка, а новаторство в деятельности предпринимателя – это источник общего

движения [203. С. 192–194]. Предпринимательская деятельность выступает жизненно важным источником инноваций, занятости и экономического роста [245]. Это экономический взгляд на роль предпринимательства в развитии общества.

Критика традиционного подхода к предпринимательству связана с рассмотрением данного феномена экономической наукой вне действия неэкономических факторов – социальных, психологических, экологических и др. В то же время возникает множество вопросов: какие факторы способствуют предпринимательству? Что ограничивает его развитие? По каким правилам функционирует предпринимательство? Очевидно, что в процессе реализации предпринимательской деятельности его субъектами возникает множество связей и отношений. Со второй половины XX в. развивается институциональный подход к исследованию предпринимательства, в рамках которого изучается система социальных институтов, составляющих внешнюю среду развития предпринимательства, и характер их влияния на предпринимательскую деятельность и ее эффективность.

В настоящее время изучение предпринимательства осуществляется в рамках концепции человеческого развития, объединяющей философские, социальные, экономические, технократические и институциональные теории развития. Выделены четыре основных направления, в рамках которых проводится исследование предпринимательства в социальных науках: изучение специфических проблем, связанных со стадией жизненного пути, анализ роли социальных сетей в формировании репутации, доверия и в обеспечении доступа предпринимателей к ресурсам, рассмотрение этнической принадлежности как фактора успеха предпринимательства в закрытых сообществах, исследования в рамках популяционной экологии [186].

В социологических исследованиях акцент делается на феномене предпринимательского поведения, которое понимается как активный тип экономического поведения с выраженными инновационными компонентами. В социальных науках исследуются новые социальные функции бизнеса, дополняющие его экономическое новаторство. Социальная функция предпринимательства заключается в возможности индивидуума быть собственником дела, лучше проявлять свои способности и возможности. Эта функция выражается в формировании особой прослойки общества – предприимчивых людей, склонных к самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности, способных преодолевать сопротивление среды и добиваться поставленной

цели. Развитие предпринимательства обеспечивает рост количества рабочих мест, сокращение уровня безработицы, укрепление социального положения наемных работников. Исследование социальных функций предпринимательства связано с анализом аспектов социальной справедливости и уровня взаимного доверия [70. С. 70]. Активно изучаются факторы формирования предпринимательских намерений, внешние и внутренние условия, побуждающие людей к предпринимательской деятельности. Понимание предпринимательства как социального явления опирается на теоретические положения о социальном капитале и социальных сетях [29. С. 3916]. Концепция социальных сетей и социального капитала основана на признании социальной обусловленности динамики экономического обмена.

Наиболее распространенный методологический подход к исследованию предпринимательства в настоящее время – системный подход, представляющий предпринимательство как социально-экономическую систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов. При этом предпринимательство является подсистемой общества как социально-экономической системы, выполняя ряд важных функций. Отмечается, что «предпринимательство, выступая системообразующим элементом развивающейся социально-экономической системы, способно влиять на структуру системоугрожающих событий, ослабляя влияние легальной и катастрофической нестабильности. Его инновационная способность, адаптируемая к проблемам нестабильности, должна реализовываться в соответствии с мотивационным вектором развития и стратегическим ориентиром системы» [204. С. 478]. Предпринимательство дает обществу источник социально-экономического развития, снижая угрозы нестабильности. Содействие развитию предпринимательства является приоритетом государственной политики стран с развитой рыночной экономикой.

Предпринимательство – это открытая социально-экономическая система, целенаправленное функционирование которой определяется осуществлением взаимосвязанной и взаимообусловленной совокупности инновационных, экономических, социальных, управленческих и ресурсно-экологических функций в процессе предпринимательской деятельности [80]. В таком случае предпринимательская деятельность понимается как процесс [73], а совокупность условий (факторов), влияющих на его протекание, – как внешняя предпринимательская среда.

Таким образом, предпринимательство рассматривается как многомерное явление в связи с тем, что предполагает учет, с одной сторо-

ны, многообразия предпринимательских качеств, а с другой стороны, многочисленных факторов, влияющих на этот тип деятельности, имеющих экономическую, социальную и психологическую природу. В развитии предпринимательства важны не только объективные социально-экономические условия и государственная политика, но и восприятие населением среды для осуществления этого вида деятельности [175. С. 2561]. Восприятие предпринимательской среды принято называть предпринимательским климатом.

На предпринимательские намерения и предпринимательское поведение влияют как внешние, так и внутренние предпосылки. Соотношение внешних и внутренних побудительных сил к предпринимательской деятельности вызывает большой исследовательский интерес. При этом результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что несколько большее влияние из всех рассматриваемых факторов оказывают внутренние, в первую очередь связанные с отношением к малому бизнесу, а также с возможностью обеспечения себя и своей семьи без помощи государства [Там же. С. 2562–2563]. Результаты ряда исследований говорят о более высокой значимости именно внутренних мотивов при принятии решения о предпринимательской карьере [255]. Наиболее высока вероятность «предпринимательского старта» для внутренне мотивированной части населения [228]. Для внутренне мотивированных предпринимателей характерна более активная жизненная позиция, стремление воздействовать на внешнюю среду с целью ее изменения, а не пассивное принятие происходящего [256].

Влияние внешней, в том числе институциональной, среды на развитие предпринимательства проявляется через восприятие и осознание субъектами предпринимательства сложившихся условий, их субъективную оценку. При этом особенно важна оценка институциональных условий: политической и экономической ситуации в стране и в регионе, экономической политики, функционирования политической системы, соблюдения отдельных прав и свобод личности, возможности повлиять на ситуацию в стране и в регионе. Отмечается особое значение ситуации в регионе: оценка этих аспектов на региональном уровне оказывает большее влияние на предпринимательские намерения, чем на уровне страны [175. С. 2576].

Существует представление о предпринимательстве как о социальном институте. Предпринимательство как институт является сводом правил поведения хозяйствующего субъекта с соответствующими механизмами поддержания данных правил, в качестве которых

выступают правовые нормы и деловые схемы, поддерживаемые деловыми традициями, нормами хозяйственной культуры, социально-этическими нормами [170. С. 14–15]. В данном случае предпринимательство отождествляется с институциональной средой его развития. При исследовании предпринимательской активности принимаются во внимание не только экономические условия деятельности, но и социальная и культурная среда [215].

Понятие предпринимательской среды в отечественных исследованиях является дискуссионным. Можно выделить несколько направлений научной дискуссии:

1. Дискуссия о природе предпринимательской среды. Имеются представления о предпринимательской среде как о совокупности условий и факторов, влияющих на развитие предпринимательства, и представления о предпринимательской среде как о социально-экономической системе [131]. Не отвергая возможность обеих трактовок, отметим, что в настоящем исследовании целесообразно рассмотрение предпринимательской среды как многоуровневой системы, являющейся подсистемой социально-экономической системы общества.

2. Дискуссия о структуре предпринимательской среды и уровне ее формирования. Имеются предельно широкие трактовки данного понятия, включающие все виды внешних условий ведения бизнеса, в том числе и природно-географические [135]. Есть мнение, что предпринимательская среда формируется на региональном уровне, где создаются конкретные условия реализации государственной политики в отношении предпринимательства. На наш взгляд, предпринимательская среда формируется на макроуровне (страна), мезоуровне (регион) и микроуровне (бизнес-организация). Структура предпринимательской среды как социально-экономической системы включает экономическую и социальную макросреду, культурно-историческую подсистему, институциональную подсистему и подсистему государственной поддержки предпринимательства. Важно отметить, что предпринимательская среда формируется как вследствие управленческого воздействия, так и под влиянием процессов самоорганизации [106].

3. Дискуссия о том, является ли предпринимательская среда совокупностью благоприятных условий для бизнеса, или она может быть как благоприятной, так и неблагоприятной [174]. Характеризуя предпринимательскую среду как подсистему социально-экономической системы общества, оказывающей влияние на развитие предпри-

нимательства, мы разделяем точку зрения исследователей, признающих возможность как позитивного, так и негативного влияния предпринимательской среды на развитие бизнеса [179].

4. Дискуссия о соотношении понятий «предпринимательская среда», «деловая среда», «бизнес-среда», «предпринимательский климат», в рамках которой обосновываются представления как о дифференциации, так и об отождествлении указанных понятий. Мы склонны принять точку зрения Н. А. Урузбаевой, заключающуюся в том, что деловая среда (бизнес-среда) характеризует внешние условия ведения бизнеса, тогда как предпринимательская среда включает как внешние, так и внутренние условия [174]. С данной точкой зрения согласны многие другие исследователи: «Предпринимательская среда представляет собой сложную динамическую систему как внешнего регулирования предпринимательской деятельности, так и совокупности внутренних условий» [106. С. 53]. «Предпринимательская среда представляет собой сложную интегрированную систему, она подразделяется на внешнюю среду и внутреннюю» [10. С. 245]. Что касается предпринимательского климата, то данное понятие характеризует отражение предпринимательской среды в общественном сознании. Понятие «предпринимательский климат» обычно используется применительно к анализу регионального уровня развития бизнеса. Так, А. А. Давыдова трактует предпринимательский климат как степень воздействия сложившейся среды на комфортность ведения бизнеса: в нескольких регионах при наличии сходной предпринимательской среды экономические субъекты одновременно могут по-разному оценивать предпринимательский климат [40].

Таким образом, при исследовании проблем предпринимательства, особенно при проведении межстрановых сравнений, необходим не только анализ результатов развития предпринимательства, но и сравнительный анализ компонентов предпринимательской среды.

Малое предпринимательство: социально-экономическое значение, особенности и проблемы развития

Все положения, касающиеся предпринимательства, в полной мере относятся и к малому бизнесу. В то же время малое предпринимательство имеет ряд существенных особенностей – как преимуществ, так и специфических проблем и уязвимостей.

Малое предпринимательство занимает особое место в социально-экономической системе любого общества. Необходимость наличия в любой национальной экономике высокоразвитого и эффектив-

ного сектора малого предпринимательства подтверждает и опыт ведущих стран современного мира. Роль малого бизнеса проявляется как в решении задач экономического развития (увеличение налоговых поступлений, развитие потребительских рынков, инноваций, повышение занятости населения и уровня его жизни и др.) [147. С. 3480], так и в обеспечении социальной и политической стабильности общества (формирование среднего класса) [184. С. 2587].

В экономической теории нет единого подхода к определению понятия «малое предпринимательство». Достаточно часто малое предпринимательство понимается как особый сектор экономики [148], как форма проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ [70]. Наиболее распространенным является понимание малого предпринимательства как сложной динамической системы, которая может рассматриваться как в производственном аспекте, так и в социально-экономическом [180].

Для малого и среднего предпринимательства характерны те же черты, что и для предпринимательства вообще: ведение бизнеса в условиях риска и несения имущественной ответственности, новаторство, эффективное использование ресурсов с целью удовлетворения потребительского спроса и получения прибыли. Специфика МСП проявляется, безусловно, в его масштабах: более низких, чем у крупного бизнеса, финансовых, экономических и кадровых показателях. Именно показатели оборота и численности работающих, как правило, используются в качестве критериев отнесения предприятий к субъектам МСП. Однако из этих, казалось бы, количественных различий следуют особенности МСП, которые определяют необходимость формирования особой государственной политики в отношении малого бизнеса для обеспечения его поступательного развития.

Говоря о малом бизнесе, обычно имеют в виду совокупность хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса, а также микропредприятия. Сложилось понятие «малые и средние предприятия» (small and medium enterprises, SME), активно используемое как в науке, так и в практике управления экономикой, поскольку комплекс мер поддержки, оказываемой государством малому бизнесу, как правило, реализуется в отношении и малых, и средних предприятий.

Специфика МСП заключается и в особенностях социально-экономического статуса и мотивации представителя малого бизнеса.

Й. Шумпетер, проводя анализ фигуры мелкого предпринимателя, отмечал, что они не всегда владеют средствами производства и при этом не всегда продают свой труд (в отличие от наемного работника). В условиях, когда предприятие не приносит прибыли, предприниматель «работает, по существу, бесплатно» [202. С. 133]. «В сегодняшней России такой предприниматель – «вечный должник», которому, возможно, еще не раз придется разориться и вновь «попытаться встать на ноги», «в последний раз» получив кредит в банке под свое последнее имущество; это «самоэксплуататор», работающий без отпусков и без нормированного рабочего дня, не позволяющий себе даже при успешном ходе ведения дел тратить на собственное потребление больше, чем самый высококвалифицированный рабочий» [97. С. 72–73]. Высокая прибыль – редкая удача для малого бизнеса. Можно согласиться с А. Е. Миллером, полагающим, что предпринимателем в малом бизнесе движет не стремление к деньгам как таковым, а извлечение дохода, который следует рассматривать не как денежную сумму или меру покупательной способности, а как объективное стремление к определенному статусу [Там же. С. 73].

Не исследуя подробно вопрос о мотивации предпринимательской активности в сфере МСП, необходимо подчеркнуть, что для анализа динамики МСП в РФ и КНР нам представляется важной дифференциация предпринимательской мотивации на вынужденную и инициативную. Соответственно, возможно выделение вынужденных предпринимателей, или предпринимателей по необходимости, и «высокопритязательных» предпринимателей [56. С. 131].

Важность такого деления в межстрановых сравнениях подтверждает методология Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM), в рамках которого в зависимости от мотива открытия бизнеса выделяются две категории предпринимателей: вынужденные предприниматели и предприниматели, мотивированные потенциальными возможностями роста [220]. Это различие значимо ввиду разного влияния указанных категорий предпринимателей на развитие экономики и общества. «Высокопритязательные» предприниматели преобладают в развитых странах и вносят более существенный вклад в социально-экономическое развитие страны вследствие большей инновационности, создания большей добавленной стоимости и высокодоходных рабочих мест. Вынужденные предприниматели доминируют в развивающихся странах или регионах с высоким уровнем безработицы и, как правило, не обладают

высоким потенциалом роста. Подобная занятость лишь позволяет сократить уровень безработицы путем создания малоэффективных рабочих мест [170. С. 18]. Именно преобладание предпринимателей, ориентированных прежде всего на поддержание дохода, на выживание, а не на развитие, рассматривается как слабая сторона российского малого бизнеса, обусловленная спецификой процесса становления малого предпринимательства в 1990-е гг. [158. С. 61].

При определении направлений государственной политики в отношении МСП необходимо понимать, какого рода предприниматели преобладают в стране, какие задачи в области МСП ставятся. Решение таких задач, как стимулирование занятости, рост экономической эффективности, инновационное развитие, требуют различных инструментов государственной поддержки.

Большинство исследователей отмечают объективную необходимость государственной поддержки малых и средних предприятий. Мировой опыт свидетельствует об активной государственной политике в области поддержки МСП, что обусловлено его особенностями.

Особая роль малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии общества заключается в следующем:

1. Практика развитых стран показывает, что именно малый и средний бизнес является ключевой «точкой роста» экономики государства и способен обеспечить рост конкурентоспособности страны [5. С. 3495]. МСП мобилизует ресурсы населения: финансовые, трудовые и сырьевые [181].

2. МСП играет значимую роль как в развитии национальных экономик, так и в региональном развитии [43. С. 224].

3. МСП обладает стабилизирующим фактором для экономики – это гибкость [7] и приспособляемость к конъюнктуре рынка, способность быстро изменять структуру производства, оперативно создавать и применять новые технологии и научные разработки [26], создавать широкий спектр товаров и услуг в условиях быстрой дифференциации и индивидуализации потребительского спроса [152]. Малые предприятия, непрерывно приспосабливаясь к конъюнктуре рынка, постоянно ищут то появляющиеся, то исчезающие потребности [181].

4. МСП позволяет решать проблемы занятости населения, в том числе его социально уязвимых групп [152], способствует раскрытию и реализации творческого потенциала человека [201]. Отмечается особая роль МСП в условиях реиндустриализации: именно небольшие компании являются базой для создания основного массива новых

рабочих мест и получения гражданами не только предпринимательского, но и трудового дохода [43. С. 223].

5. Малый и средний бизнес благодаря быстрой генерации новых рабочих мест способен обеспечивать высокую эффективность капиталовложений и, как следствие, увеличивать налоговые поступления в бюджеты всех уровней [5. С. 3495].

6. МСП, являясь наиболее массовой формой деловой жизни, представляет собой основу формирования среднего класса, смягчает социальную напряженность и способствует демократизации рыночных отношений, обеспечивает социально-экономическую и политическую стабильность развития общества, является фактором обеспечения экономической безопасности страны и ее регионов [10. С. 241].

7. Малые и средние предприятия отличаются гибкостью и быстрее адаптируются к незатратным изменениям, более тесно связаны с местными сообществами и более активны в социальном плане [91. С. 13–14].

8. МСП может обеспечивать прорыв по ряду направлений научно-технического прогресса [7], являться его катализатором [201].

Особую роль МСП играет в условиях экономической нестабильности: способствует формированию конкурентной среды на национальных и региональных рынках товаров и услуг, созданию рыночного предложения в нишах, неинтересных для крупного бизнеса, появлению новых рабочих мест как в сфере наемного труда, так и в сфере самозанятости, повышению устойчивости общественного психологического климата и среднего класса как основы социальной стабильности, увеличению налоговых поступлений в федеральный, региональный и местный бюджеты [25].

Таким образом, сущность малого предпринимательства проявляется в его специфических функциях, его особой роли в социальном и экономическом развитии. Обобщенно функции МСП можно разделить на две группы:

– экономические функции: МСП, выступая наиболее массовой формой предпринимательства, обеспечивает динамичное экономическое развитие, занятость населения, приток налоговых поступлений и удовлетворение потребительского спроса, содействует развитию конкуренции, внедрению инноваций и др.;

– социальные функции: МСП, являясь базой формирования среднего класса, смягчает социальную напряженность в обществе, способствует реализации предпринимательского и творческого потенциала населения и др.

Выполнение МСП указанных функций способствует социально-экономической и политической стабильности общества. Однако для успешной реализации этих функций необходимо создание определенных условий.

В настоящее время разработка мер стимулирования малых и средних предприятий и предпринимательства является приоритетом как развитых, так и развивающихся стран, и данный вопрос привлекает все больше внимания как на национальном, так и на международном уровне. Как отмечено в предисловии к докладу ОЭСР «Малые, средние, сильные. Тенденции в секторе МСП и условия ведения бизнеса» [243], значительная роль малых и средних предприятий в экономике стран стала еще более заметной после кризиса 2008–2009 гг., поскольку особенно сильно негативное влияние кризиса коснулось именно этой группы предприятий.

Специфические черты малых и средних предприятий определяют не только их уникальную роль в социально-экономическом развитии, но и особые риски и уязвимости, которые требуют активной государственной политики и реализации программ государственной поддержки МСП на различных структурных уровнях. Так, определяют основные, наиболее типичные *препятствия* для развития субъектов малого и среднего предпринимательства:

- ограниченный доступ к стартовым капиталам для организации нового бизнеса и последующего ведения предпринимательской деятельности;

- отсутствие реальной возможности по коммерческому найму недвижимости, соответствующей профилю бизнеса, вследствие высоких арендных платежей, ограниченности приспособленных помещений и транспортной доступности;

- финансовые ограничения для субъектов малого и среднего бизнеса по выходу на региональные и зарубежные рынки и их неинформированность в этом вопросе;

- ограниченность профессиональных компетенций самих предпринимателей в области построения бизнеса и управления им, подборе и развитии наемного персонала;

- отсутствие механизмов адресной комплексной поддержки предпринимательских структур на разных этапах их развития [43. С. 225].

Малые и средние предприятия имеют меньше возможностей для продвижения своих интересов и получения особых условий, поскольку у них нет такой лоббистской силы, как у крупных компаний, они более сосредоточены на краткосрочных задачах и выживании в сред-

несрочной перспективе, чем на выстраивании долгосрочной стратегии или на завоевании рынка [91. С. 13–14].

Исследователями отмечается, что развитие МСП невозможно без создания благоприятных внешних условий. Такие условия может создать только государство. При наличии благоприятных внешних условий МСП может проявить свой потенциал к самоорганизации и саморазвитию. Обеспечение конкурентоспособности МСП становится важной задачей государственной политики. При аргументации необходимости активной поддерживающей роли государства в развитии МСП отмечается, что субъекты малого и среднего предпринимательства, даже объединившись, не в состоянии противостоять всем рискам и угрозам, порождаемым новыми реалиями, таким как кризис спроса на рынке товаров и услуг, недостаток финансовых ресурсов, кредитные и инвестиционные риски и т. д. [10. С. 244].

Существуют общие внешние условия, необходимые для поступательного развития предпринимательства (в том числе малого и среднего), и особые условия, значимые именно для малого и среднего бизнеса.

При рассмотрении общих условий развития предпринимательства исследователями отмечается важность обеспечения стабильности политической обстановки, отсутствия ограничений прав и свобод человека [175. С. 2564]. Эффективная экономика строится на принципах правового поля и партнерства, а при управлении на основе силы неизбежно формирование сопротивления и ухода в тень [187].

Наиболее подробно описываются экономические условия, необходимые для развития предпринимательства: экономическая ситуация в стране и регионе [175. С. 2564], наличие экономической свободы [60. С. 2511], гарантии собственности граждан, взаимное доверие участников экономического процесса [172. С. 21], развитие конкурентной среды и ограничение монополизма, эффективные налоговая и финансовая политика, борьба с коррупцией. Отмечается необходимость формирования государственной политики и инструментов поддержки предпринимательства, а также инфраструктуры предпринимательства [135. С. 106].

Основа формирования экономических условий развития предпринимательства – это его нормативно-правовое регулирование. Нормативная база развития предпринимательства должна обеспечивать хозяйствующим субъектам равные возможности. Указывается на необходимость сбалансированности и устойчивости институциональной среды, стабильность нормативно-правового пространства, в котором функционируют предприниматели [60. С. 2515–2517], наличие ясных и надежно защищен-

ных «правил игры» [172. С. 21]. Стабильность институциональной среды как необходимое условие развития предпринимательства отмечается многими исследователями. Нужна последовательность государственной политики в отношении бизнеса, стабильность нормативного регулирования, ограничение принятия изменений в законодательные акты, предусматривающих увеличение нагрузки на предпринимательский сектор (таких, как повышение НДС и ставок страховых взносов, отмена налоговых льгот для плательщиков специальных налоговых режимов, введение торговых сборов и пр.) [154. С. 842].

Не менее важное значение для формирования предпринимательского климата имеют условия, характеризующие культуру предпринимательства и отношение к предпринимателям. Отмечается необходимость поддерживающей культуры, обеспечивающей достойную оценку значимости предпринимательства [44], благоприятной культуры, в которой формируется положительный социальный статус предпринимателя [99] и негативное восприятие коррупции [56].

Все виды внешних условий развития предпринимательства тесно связаны между собой. Так, указывается на важность тождественности нормативных институтов социальным ценностям общества [Там же], значение политической воли в развитии нормативного регулирования предпринимательства и т. д. Трансформация культуры предпринимательства в цивилизованную форму предполагает снижение коррупционности, ограничение возможности институтов власти вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий, создание барьеров для использования властных полномочий, ужесточение антимонопольной политики, создание условий для состязательности субъектов за счет снижения барьеров, оптимизации внешнеторговой политики, развития рыночной инфраструктуры, активизации инвестирования, льготного налогообложения и снижения налогового бремени [9. С. 43].

Отмечается также значение для развития предпринимательства системы образования, в том числе бизнес-образования.

Особые условия должны быть созданы для развития инновационного предпринимательства. Так, развитие инновационно-предпринимательской экосистемы предполагает прямую государственную поддержку инновационной деятельности и управление ею на макро- и мезоуровне, поддержку НИОКР и инновационного предпринимательства в рамках частно-государственного партнерства, страхование финансовых рисков и льготы для инвесторов, создание правового поля стартапов и др. [46].

Несоблюдение общих условий развития предпринимательства приводит к отказу многих потенциальных предпринимателей от организации собственного дела, уходу предпринимателей в серые зоны рынков, широкой коррумпированности государственного аппарата [172. С. 26] и другим проявлениям оппортунистического поведения участников рынка. Так, отмечается, что современное состояние российской деловой среды характеризуется низким качеством институционального обеспечения деловых практик в процессах взаимодействия экономических агентов, что проявляется в достаточно высоком уровне оппортунистического поведения как представителей властных структур, так и субъектов предпринимательства [60. С. 2510].

Значимость общих условий развития предпринимательства для МСП неодинакова. На основе анализа зарубежных методик исследования предпринимательской среды определены условия, наиболее значимые для развития МСП:

- институциональные условия (нормативная правовая база, налогообложение, административный климат и коррупция);
- меры государственной поддержки МСП и их реализация;
- доступ к спросу на производимые товары и услуги (возможность участия субъектов МСП в госзакупках, внешнеэкономической деятельности и пр.);
- инфраструктурные факторы (дорожно-транспортная, энергетическая, телекоммуникационная, инновационная инфраструктура и др.);
- ресурсные факторы (недвижимость, трудовые и финансовые ресурсы);
- социальные условия (социальная напряженность, преступность и неравенство населения) [10].

Многие исследователи подтверждают значимость данных условий. Так, Н. Р. Хадасевич и А. А. Гардт отмечают, что основными факторами, создающими благоприятный климат для МСП, являются: безопасность и сотрудничество, экономическая стабильность, обоснованная экономическая политика, качество управления, верховенство закона, институциональный и человеческий потенциал, финансовая и физическая инфраструктура [179].

Н. А. Урузбаева выделяет пять ключевых с позиции представителей малого и среднего бизнеса факторов, значимых для развития: финансовые ресурсы, административное регулирование, человеческие ресурсы, государственная поддержка, недвижимость и инфраструктура [174. С. 153].

А. Ю. Арекеева отмечает особое значение для развития МСП таких условий, как:

1. Развитие государственной налоговой и финансовой политики и стабильность законодательства в данной сфере.

2. Развитие государственной политики в области снижения административной нагрузки на бизнес и уровня коррупции для органов власти и местного самоуправления, осуществляющих регулирование предпринимательской деятельности.

3. Развитие внешней государственной политики. Речь идет как об ограничении присутствия иностранных компаний (продукции) на российском рынке (с возможностью развития при импортозамещении), так и о политике государства по поддержке экспортно ориентированных предприятий.

4. Общая макроэкономическая ситуация. Данный фактор значим для всего сектора МСП, при этом в наибольшей степени его влияние может ощущаться в промышленности: определенные макроэкономические условия способны стимулировать переориентацию государства с поддержки крупной промышленности на поддержку малого и среднего предпринимательства в данной отрасли экономики.

5. Наличие спроса со стороны государства. Например, результаты детального исследования развития различных сегментов МСП в г. Москве в 2010–2013 гг. показали, что наиболее активно развивались сегменты МСП, где предприятия имеют стабильный заказ со стороны государства.

6. Возможность привлечения трудовых ресурсов требуемой квалификации.

7. Изменения в системе образования в сфере развития предпринимательских навыков, повышения престижности предпринимательской деятельности [5. С. 3500–3501].

Все исследователи отмечают принципиально важное значение государственной поддержки МСП, реализацию программ и проектов как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. В зависимости от макроэкономической ситуации значимость различных условий развития МСП и, соответственно, видов господдержки меняется. Так, в условиях экономической нестабильности важным условием развития МСП является его финансовая поддержка, включающая доступ к кредитным ресурсам, развитие гарантийного механизма поддержки малого и среднего бизнеса и др. [92].

Нестабильность законодательства имеет для развития МСП критически важное значение. Действительно, отсутствие финансовой по-

душки безопасности делает МСП крайне чувствительным к изменению государством «правил игры»: даже небольшое повышение ставки налога, отмена ряда льгот, введение новых штрафных санкций и пр. могут привести к необходимости закрытия предприятия МСП или возникновению его оппортунистического поведения. «Рассогласованность и зачастую разнонаправленность государственных мер в отношении субъектов малого и среднего бизнеса влечет снижение уровня доверия предпринимателей к государству и уход предпринимательского бизнеса в «тень», формирует у предпринимателей «психологию временщиков», а также сводит на «нет» все планируемые положительные эффекты от реализуемых мер государственной поддержки» [6. С. 887].

Даже наличие справедливых и стабильных законов, федеральных программ и проектов развития предпринимательства не гарантирует отсутствие административных барьеров для малого бизнеса. Правоприменительная практика формируется «на местах». Исследователи отмечают, что для МСП особое значение имеет фактор административного давления на бизнес, проявляющийся на региональном уровне [86. С. 1163]. При этом для различных сегментов МСП снижение административной нагрузки может стать ключевым фактором развития [5. С. 3500–3501].

Соответственно, ключевыми проблемами и факторами, ограничивающими процессы развития МСП, являются: проблемы с поиском рынков сбыта продукции и выходом на них, нестабильность законодательства, высокое налоговое бремя, высокие издержки предпринимательства, связанные с прохождением разнообразных административных процедур, нарушения прав предпринимателей со стороны контролирующих и регулирующих государственных органов, высокая стоимость капитала и низкая доступность финансирования [6. С. 887].

Большинство исследователей МСП подчеркивают значимость регионального уровня управления для создания благоприятных условий развития МСП. «Именно институты территориального управления определяют порядок, пути и механизмы совершенствования деятельности предпринимательских структур в целях развития территориального образования» [Там же. С. 885]. Описываются факторы повышения предпринимательской активности на региональном уровне:

– неформальный подход государственных и муниципальных органов управления к проблемам малого и среднего предпринимательства, проведение целенаправленной политики в сфере МСП;

– создание и стабильное функционирование институтов взаимодействия власти и бизнеса на основе сбалансированности интересов их участников;

– наличие региональных и муниципальных информационных каналов, доступных всем категориям предпринимателей, в том числе начинающим, и способствующих формированию положительного имиджа предпринимательства [10. С. 242].

Таким образом, на мезоуровне необходима разработка и реализация региональной политики содействия развитию МСП и использование административного ресурса не для создания барьеров малому бизнесу, а для целенаправленного улучшения возможностей его развития. Предлагаются такие меры, как формирование регионального государственного заказа для МСП, создание информационных условий для стратегического планирования бизнеса, определение отраслевых приоритетов в экономике регионов для развития МСП и др. [5. С. 3502]. При этом наиболее значимыми ресурсами органов власти региона, которые позволяют влиять на развитие МСП, являются:

– возможность предоставления налоговых льгот и предоставленные налоговые льготы;

– многообразие видов государственного и социального заказа;

– введение и отмена собственных видов налогов, оговоренных федеральным налоговым законодательством;

– установление региональных преференций в процедурах землеотвода, разрешения на застройку и т. п. [Там же].

Меры, необходимые для создания благоприятной предпринимательской среды для МСП, активно обсуждаются исследователями. Формирование благоприятной предпринимательской среды предполагает обеспечение достаточного объема ресурсов и равного доступа к ним, гарантий минимизации рисков, повышение эффективности административно-правового механизма, содействие повышению профессионального правосознания субъектов предпринимательства, развитие взаимовыгодного сотрудничества органов управления с предпринимательскими объединениями [10. С. 244].

Предлагаются меры по повышению обеспеченности МСП имущественными, информационными, трудовыми и финансовыми ресурсами на макро- и мезоуровне:

– защита имущественных прав малых и средних предприятий, формирование условий для обеспечения их деятельности имущественными ресурсами (на основе аренды и инвестиционных площадок);

– создание информационных и образовательных программ, направленных на повышение качества управления малым и средним бизнесом и, как следствие, увеличение эффективности и доходности этих организаций;

– обеспечение равного доступа субъектов малого и среднего бизнеса ко всем видам финансовых ресурсов за счет прозрачности участия в тендерах и конкурсах, компенсирования ставок по кредитам [43. С. 226].

Исследуется конфигурация и особенности благоприятной для развития МСП предпринимательской среды на региональном уровне. Отмечается, что благоприятная предпринимательская среда стимулирует повышение конкурентных преимуществ МСП, выступает в качестве фактора его саморазвития, предусматривает организацию государственной поддержки на основе дифференцированного подхода с учетом различных функциональных потребностей малого и среднего предпринимательства [10. С. 241].

Для решения задач развития МСП важное значение имеют особенности отдельных его сегментов. Особые меры поддержки необходимы начинающим собственное дело, инновационным и экспортно ориентированным предпринимателям. Создание благоприятной среды для развития МСП должно лежать в основе государственной политики и включать несколько направлений:

– создание системы государственной поддержки стартующих предпринимателей с учетом предоставления им равных возможностей;

– формирование институтов и механизмов поддержки, функционирование которых должно быть направлено на снижение рисков и повышение конкурентоспособности действующих субъектов МСП;

– обеспечение условий для развития малого наукоемкого предпринимательства;

– содействие внешнеэкономической деятельности инновационного и экспортно ориентированного МСП [Там же. С. 245].

Для исследования особенностей развития малого бизнеса в РФ и КНР необходимо сформировать четкое представление о том, какие предприятия относятся к сектору МСП в этих странах.

Можно выделить две основные траектории развития малого предприятия с момента его создания:

1. Быстрый рост компании, ее переход из статуса «микропредприятие» к статусу «малое предприятие», из статуса «малое предприятие» к статусу «среднее предприятие» и далее к статусу круп-

ного бизнеса. Причем данный процесс может быть приостановлен на любом этапе. Известны примеры такого развития: создание крупной торговой сети из небольшого торгового предприятия, сети ресторанов – из небольшого кафе и пр. На возможности такого бурного роста влияют многие факторы: личность предпринимателя, его талант и амбиции, социальный и административный капитал; инновационность и ценность бизнес-идеи для стартапа; особенности государственной политики и проектов государственной поддержки МСП. В то же время подобное развитие может быть следствием политики протекционизма, коррупции, ограничения конкуренции и др. Можно сказать, что доля таких организаций МСП невелика и возможности такого развития характерны для внутренне мотивированных предпринимателей. При формировании системы государственной поддержки МСП особенно важно стимулировать развитие именно инновационного бизнеса, имеющего потенциал для масштабного роста и оказывающего наиболее благотворное влияние на развитие экономики.

2. Стабильное функционирование организации МСП без перехода в статус более крупного предприятия. Эта траектория развития характерна для большинства компаний МСП – ее гораздо легче реализовать. В данном случае особенностью мотивации предпринимателя является его стремление к независимости, стремление заниматься своим делом. Случаи вынужденного предпринимательства, как правило, характеризуются именно этой траекторией. Инновационность таких компаний значительно ниже. В то же время и такие организации МСП положительно влияют на социально-экономическое развитие общества, обеспечивая занятость, удовлетворение потребностей общества в товарах (услугах), социально-экономическую и политическую стабильность.

Понимание стратегий предпринимательской активности субъектов МСП необходимо для выработки государственной политики в отношении МСП и построения адекватной системы государственной поддержки малого предпринимательства:

1. Для развития инновационного предпринимательства требуются систематические целевые действия по поддержке стартапов, формированию системы венчурных фондов, инфраструктуры поддержки предпринимателей. Возможна реализация целевых проектов по поддержке малого бизнеса в отдельных сферах деятельности, например в области IT-предпринимательства. Такая система получила название экосистемы предпринимательства [50].

2. Для развития массового МСП нужны не целевые, а общие программы поддержки, направленные на смягчение основных проблем МСП: обеспечение макроэкономической и социальной стабильности, стабильности нормативного регулирования, смягчение административного бремени, расширение доступа к кредитным ресурсам и пр.

Можно заключить, что значение МСП как фактора социально-экономического развития достаточно велико. Для определения причин различий в уровне и масштабах МСП в РФ и КНР необходимо обратить внимание на исторические условия возрождения предпринимательства в двух странах.

1.2. Предпосылки и особенности возрождения предпринимательства в Российской Федерации и Китайской Народной Республике во второй половине XX века

И в Российской Федерации, и в Китайской Народной Республике вторая половина XX в. ознаменована возрождением предпринимательства, в том числе и малого бизнеса, после его законодательного запрещения в период социалистической командно-административной экономики. Различия в темпах и методах проводимых преобразований создали существенные особенности условий развития предпринимательства в XXI в., поэтому исследование социально-экономических условий развития МСП в РФ и КНР следует начать с краткого рассмотрения исторических условий и предпосылок возрождения предпринимательства.

Возрождение предпринимательства в России во второй половине XX века

Основные этапы формирования условий развития предпринимательства в СССР и Российской Федерации, особенности государственной политики на каждом этапе и ее влияние на сознание и поведение населения в сфере предпринимательства представлены в табл. 1.1. До начала рыночных преобразований в условиях социалистической экономики и идеологии предпринимательская активность являлась уголовно наказуемой деятельностью (за исключением разрешенных кустарно-ремесленных промыслов). Потенциал предпринимательской активности реализовывался особым контингентом граждан, склонных к делинквентному поведению, а в общественном сознании сформировались соответствующие стереотипы в

отношении теневых предпринимателей. Однако нельзя не отметить, что деятельность части теневых предпринимателей дореформенного периода была востребована ввиду недостаточного развития сектора государственных услуг и производства товаров народного потребления (спекулянты, фарцовщики, шабашники). Именно наличие объективных предпосылок искаженного, нелегитимного развития предпринимательства в этот период привело к росту масштабов теневой экономики: с 1960-х по 1990-е гг. теневая экономика выросла в 14,0 раза, а экономика СССР – всего в 3,6 раза, число теневых предпринимателей в начале 1960-х гг. составляло 6 млн чел., в 1974 г. – 17–20 млн чел., в 1989 г. – 30 млн чел. [182. С. 1793].

Таблица 1.1

Этапы формирования условий развития предпринимательства в СССР и РФ во второй половине XX в.*

Период	Характеристика государственной политики в отношении предпринимательства	Влияние на сознание и поведение в сфере предпринимательства
1950-е гг. – середина 1980-х гг.	Запрет предпринимательской деятельности: в уголовном законодательстве всех союзных республик предусматривалось наказание за незаконную предпринимательскую деятельность. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 22 апреля 1958 г. легальным в СССР было предпринимательство в форме кустарно-ремесленных промыслов (утвержден перечень разрешенных промыслов). Частнопредпринимательская деятельность, предполагавшая использование в целях наживы общественной собственности, каралась наиболее строго (Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.)	Развитие незаконного предпринимательства ввиду, с одной стороны, дефицита потребительских товаров и услуг, порождающих спрос на них, и, с другой стороны, наличия людей, обладающих предпринимательскими способностями и стремящихся их реализовать. Людям, занимающимся незаконным предпринимательством, присуща особая система ценностей, склонность к авантюризму, девиантному и делинквентному поведению. Незаконное (неофициальное) предпринимательство проявлялось в трех основных сферах: торговле (спекулянты), производстве (цеховики) и сфере услуг (шабашники, занятые частным извозом, и др.). Получила развитие теневая экономика

Период	Характеристика государственной политики в отношении предпринимательства	Влияние на сознание и поведение в сфере предпринимательства
1985–1991 гг.	Первые шаги в легитимизации предпринимательства в годы перестройки: в 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», в феврале 1987 г. – пакет постановлений правительства, направленных на возрождение кооперативного сектора, в середине 1988 г. вступил в силу закон «О кооперации в СССР». Кооперативы получили налоговые преференции и пользовались банковскими кредитами по низким процентным ставкам	Цель – стимулирование развития предпринимательства для преодоления товарного дефицита. Характеристики новых кооператоров во многом соответствуют предыдущему этапу. В деятельности кооперативов были распространены финансовые нарушения. Закон о кооперации фактически легализовал теневой бизнес
1990–2000 гг.	Принятие в 1990 г. законов РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и «О собственности в РСФСР». В 1991–1992 гг. изменено уголовное законодательство – исключена уголовная ответственность за частно-предпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. В 1996 г. принят новый УК РФ, ограничивающий вмешательство государства в экономику	Расширяется социальная база малого предпринимательства. В условиях роста безработицы малое предпринимательство стало способом выживания людей, потерявших источники заработка в разрушенном государственном секторе. Малое предпринимательство в этот период развивалось под жестким прессингом криминальных структур. Распространяются девиантные формы экономического поведения

* Составлена по: [3; 8; 14; 66; 139].

Традиционно развитие предпринимательства в России анализируется с начала экономических реформ в середине 1980-х гг. Именно

в годы перестройки приняты законодательные и нормативные акты, направленные на легитимизацию малого предпринимательства: закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.), пакет постановлений правительства, направленных на возрождение кооперативного сектора (1987 г.), и закон «О кооперации в СССР» (1988 г.) [66]. Меры по стимулированию частной инициативы граждан (налоговые преференции для кооперативов и банковские кредиты по низким процентным ставкам) осуществлялись в рамках социалистической идеологии и экономической модели и были, по существу, вынужденной мерой для преодоления товарного дефицита [173].

Безусловно, легитимизация предпринимательства расширила социальную основу малого бизнеса, привлекая и законопослушных граждан, которые увидели для себя возможности реализации предпринимательского потенциала. В то же время новой предпринимательской генерации в то время в стране не было, и кооператорами чаще всего становились граждане, характеризующиеся теми же чертами, что и представители теневой экономики, что подтверждается результатами исследований финансовых нарушений в деятельности кооперативов и позволяет сделать вывод о том, что фактически закон о кооперации легализовал теневой бизнес [66. С. 192].

Кооперативное движение 1980-х гг. не решило задачи преодоления товарного дефицита (в общем объеме производства непродовольственных товаров народного потребления на долю кооперативов приходилось около 0,5 %) [173. С. 211], но способствовало накоплению стартового капитала наиболее успешными кооператорами. Таким образом, в 1980-е гг. в СССР были созданы ограниченные предпосылки развития рыночной экономики и предпринимательства, поскольку все формальные преобразования происходили в рамках социалистической политической, идеологической и экономической модели, а новые формы экономических отношений были в определенной степени криминализированы.

Начало собственно рыночных преобразований в 1990-е гг. связано с принятием в 1990 г. законов РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и «О собственности в РСФСР». Новые экономические реалии отражены в изменениях уголовного законодательства в 1991–1992 гг. (исключена уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество) и принятии нового УК РФ в 1996 г., ограничивающего вмешательство государства в экономику [139]. В 1995 г. принят закон

«О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ». Таким образом развивалась институциональная основа предпринимательства. В 1990 г. учрежден Российский союз промышленников и предпринимателей.

Развитие предпринимательства в России после распада СССР проходило в условиях резкого перехода от социалистической командно-административной экономики к капиталистической либеральной рыночной экономике. Новые подходы к экономической политике были обнародованы президентом РСФСР Б. Н. Ельциным в октябре 1991 г. и включали три крупные рыночные меры: разовое введение свободных цен, либерализацию внешнеторговой деятельности, приватизацию и акционирование в промышленности и сельском хозяйстве [14. С. 91].

Трансформация экономической системы была реализована в 1992 г. правительством во главе с Е. Т. Гайдаром и получила название шоковой терапии. Ее основные этапы: отпуск цен в январе 1992 г. и массовая приватизация предприятий государственной собственности, начавшаяся с декабря 1992 г. Вместо продекларированного создания массового слоя собственников приватизация привела к созданию, с одной стороны, крупного бизнеса, с другой – широкого слоя наемных работников.

Впервые происходит расширение социальной базы малого предпринимательства: помимо бывших кооператоров, малым предпринимательством стали заниматься широкие массы людей, потерявших источники заработка в разрушенном государственном секторе [13]. Наиболее массовой формой предпринимательства стало челночное движение. В общей сложности численность челноков и тех, кто их обслуживал (водителей, продавцов и т. д.), достигла к 1996 г. 30 млн чел., а это составляло более 40 % трудоспособного населения России [14. С. 94]. Наиболее быстро развивается бизнес в торговле и сфере услуг, а производственный и другие виды бизнеса отстают [13]. Быстрая оборачиваемость мелких торговых капиталов способствовала формированию среднего бизнеса. Необходимо отметить, что и на этом этапе мелкое предпринимательство развивалось под жестким прессингом криминальных структур.

Несмотря на огромный дореволюционный опыт предпринимательства, в России фиксируется генетический разрыв в передаче навыков предпринимательства от поколения к поколению. «Большинство нынешних предпринимателей – предприниматели в первом

поколении... За короткий период развития малого бизнеса предпринимателям пришлось пройти через становление налоговой системы, формирование института собственности, развитие инфраструктуры бизнеса, внутренние конфликты в предпринимательской среде и внешние угрозы от воздействия экономических кризисов» [52].

Исследователями данного периода отмечается, что в 1990-е гг. произошла институционализация девиантных форм экономического поведения в стабильные «правила игры», чему способствовали особенности социально-экономической среды. Девиантное экономическое поведение субъектов на всех уровнях социальной иерархии в постреформенный период получило столь широкое распространение, что стало, по сути, социальной нормой. Даже некоторые преступления стали считаться нормальными видами заработка и нормами поведения (например, откаты) [132. С. 175].

Дефолт 1998 г. наиболее сильно ударил именно по малому бизнесу. Население снова лишилось своих сбережений. В то же время девальвация рубля позволила российской экономике стать более конкурентоспособной. Таким образом, в результате кардинальных реформ и болезненных для большей части населения преобразований в экономике к началу XXI в. в России сложился капиталистический уклад, основанный на частной собственности. При этом произошел резкий спад объемов производства, усилилась социальная дифференциация российского общества. Малый бизнес в это время остро нуждается в государственной поддержке.

Возрождение предпринимательства в Китае во второй половине XX века

Развитие предпринимательства в социалистическом Китае началось раньше, чем в России, и так же было вызвано объективной необходимостью. Этапы развития предпринимательства в КНР во второй половине XX в. наиболее полно представлены в монографии А. П. Кудина, рассматривающего периодизацию системы государственного регулирования экономики и предпринимательства в Китае [76]. Кратко описание трех этапов (вторая половина XX в.) представлено в табл. 1.2.

На первом этапе развития КНР (конец 1940-х – первая треть 1950-х гг.) осуществляется национализация собственности бюрократического и иностранного капитала и образуется масштабный госсектор. Сохраняется многоукладность национальной экономики, в ко-

Таблица 1.2

Этапы формирования условий развития предпринимательства в Китайской Народной Республике во второй половине XX в.*

Период	Характеристика государственной политики в отношении предпринимательства	Влияние на сознание и поведение в сфере предпринимательства
Конец 1940-х – первая треть 1950-х гг.	Начало этапа – победа народной революции 1949 г. и становление «новой демократии» Мао Цзэдуна. Ориентация на экономический союз Коммунистической партии Китая с национальным бизнесом, предполагавший длительное развитие частного капиталистического предпринимательства как одной из важных форм роста многоукладной экономики и рыночных отношений	Связь Коммунистической партии Китая с национальным бизнесом обосновывалась апелляцией к патриотизму китайских предпринимателей, провозглашением надклассовой, общенациональной общности. Трудолюбие и патриотизм китайских предпринимателей использовались партией для развития экономики. Предпринимательский потенциал общества имел определенные возможности развития и реализации
Вторая половина 1950-х – 1970-е гг.	Становление и развитие административно-командной экономики китайского типа – так называемой коммунистической модели Мао Цзэдуна. Проведение политики «высокого накопления и низкого потребления»; запрещение и попытки полной ликвидации частного предпринимательства; построение «чистого социализма» в виде народных коммун в деревне с их тотальным обобществлением. Рыночные процессы существовали в форме теневой экономики	Реализация этой стратегии, несмотря на ряд достижений в 1950-е гг., в итоге привела к острому социально-экономическому кризису, особенно в годы культурной революции (1966–1976). Происходит прерывание национальных предпринимательских традиций, занятие частным бизнесом становится нелегитимным. Относительно короткая продолжительность периода прерывания предпринимательских традиций позволила сохранить предпринимательский потенциал

Период	Характеристика государственной политики в отношении предпринимательства	Влияние на сознание и поведение в сфере предпринимательства
Конец 1970-х – 1990-е гг.	Стратегия перехода к рыночной экономике – так называемая модель Дэн Сяопина. Ускорение экономического роста за счет возрождения и допуска частного предпринимательства в большинство отраслей экономики (как «дополнения экономики, основанной на общественной собственности»), активное формирование рыночных механизмов и институтов, стимулирование конкуренции	Широкая социальная база развития малого предпринимательства – многочисленные мелкотоварные крестьянские хозяйства. Факторами возрождения предпринимательства стали трудолюбие китайских предпринимателей, а также их патриотизм (китайские предприниматели-эмигранты возвращались на родину)

* Составлена по: [64; 76; 102; 120; 183].

торой преобладают мелкотоварные формы производства. Радикального вмешательства в отношения собственности не происходит, что позволяет частному капиталу сохранять высокий уровень деловой активности. В данный период политика Коммунистической партии Китая (КПК) в отношении частного предпринимательства позволила использовать его в качестве источника финансирования и одного из субъектов индустриализации, средства преодоления товарного дефицита, развития и стабилизации товарного рынка и средства поддержания занятости населения. Взаимодействие КПК с национальным бизнесом осуществлялось под девизом патриотизма и формирования надклассовой, общенациональной общности [76. С. 39]. В данный период национальный бизнес продолжал развитие и предпринимательский потенциал китайского общества развивался и реализовывался.

На втором этапе развития социалистического Китая (вторая половина 1950-х – конец 1970-х гг.) происходило формирование и функционирование административно-командной экономики китайского типа, характеризующейся отказом от использования рыночных инструментов и введением директивного и прямого государственного

управления хозяйственными процессами. Решение задачи индустриализации страны вступило в противоречие с сохранением рыночного механизма соединения факторов производства и легитимного частного предпринимательства [82]. Политика запрета частной собственности привела к мимикрии частных предприятий с помощью получения статуса коллективных предприятий или лизинга [84. С. 121].

Следует отметить, что прерывание легитимной предпринимательской традиции в КНР было относительно кратковременным (около 20 лет), что позволило сохранить потенциал предпринимательской активности населения.

Недостаточная эффективность административно-командной системы управления экономикой в Китае проявилась уже в конце 1950-х гг. Мао Цзэдун попытался покончить с политическими противниками и с 1965 г. развернул культурную революцию, одним из основных лозунгов которой была борьба с «идущими по капиталистическому пути». Только после завершения этой борьбы предполагалось приступить к социально-экономическим преобразованиям. В результате после окончания культурной революции и смерти китайского лидера Мао Цзэдуна китайская экономика оказалась в тяжелом положении [120. С. 12] и к концу 1970-х гг. вступила в фазу острого кризиса.

Возрождение предпринимательства в КНР началось в конце 1970-х гг., когда политика Мао Цзэдуна и развитие административно-командной экономики привели к кризисным явлениям и возникла проблема обеспечения населения продовольствием [102. С. 122]. Под руководством Дэн Сяопина были реализованы реформы, позволившие решить продовольственную проблему, насытить внутренний рынок и позже, в XXI в., обеспечить быстрый рост экономики Китая. Коренным отличием проводимой в Китае экономической реформы от аналогичных реформ в РФ и странах Восточной Европы с переходной экономикой стала ее неторопливость, последовательность и поэтапность в проведении мероприятий при переходе к рынку [120. С. 21]. Важной составляющей реформ явилось развитие предпринимательства.

Необходимо отметить, что рыночные реформы и правовая институционализация предпринимательства в Китае осуществлялись постепенно. Эти вопросы были предметом длительных теоретических дискуссий в конце 1970-х – начале 1990-х гг., когда учеными и партийными идеологами обосновывалась возможность сосуществования частной и общественной собственности на начальной стадии социализма. По итогам таких дискуссий принимались решения и законы,

которые дали возможность развития в Китае сначала малого, а затем и крупного частного бизнеса. Эти вопросы подробно и системно проанализированы А. П. Кудиным [76].

Поэтапное политическое возрождение частного предпринимательства началось в Китае в 1978 г. с возврата к частному хозяйствованию в деревне, а в 1980-х гг. появились мелкие частные предприятия в сопутствующих сельскому хозяйству отраслях экономики. В середине 1980-х гг. частное мелкотоварное производство было легализовано, а КПК приняла курс на «рациональное сочетание и развитие многообразных хозяйственных форм» [Там же. С. 87–88]. Индивидуальное хозяйство рассматривалось как необходимое дополнение общественной собственности.

В форме семейного подряда было восстановлено частное хозяйствование крестьян, базирующееся на аренде земли и частной собственности на остальные производственные фонды. Реформа отношений собственности на селе объективно подталкивала и к развертыванию адекватных или близких ей по социально-экономическому содержанию процессов в городе, проявившихся, в частности, в возрождении предпринимательства в различных формах несельскохозяйственного частного сектора, а в последующем – в крупномасштабных мерах по структурно-организационной перестройке и коммерциализации экономики, основанной на общественной собственности [64. С. 90–91]. «Вынужденная, обусловленная глубоким кризисом передача прав собственности в деревне от государства частным лицам послужила катализатором товаризации в масштабах всей экономики, что в свою очередь создало материальные условия для дальнейшей диверсификации и углубления де-факто приватизационного и в целом рыночного реформенного процессов» [Там же. С. 93].

В 1980-е гг. мелкое частное хозяйство развивалось в среднее и крупное, чему способствовали неудовлетворенный общественный спрос и избыток свободной рабочей силы. В 1987 г. на XIII съезде КПК были приняты принципиальные для развития предпринимательства решения о развитии в экономике Китая частного бизнеса с неограниченным использованием наемной рабочей силы [76. С. 89]. Легализация предпринимательства в определенной степени узаконила объективные процессы функционирования малого бизнеса и его развития в средний и крупный, при этом ставка делалась прежде всего на развитие и последующую экспортную ориентацию трудоемких отраслей агропромышленного комплекса, легкой и обрабатывающей

промышленности. Разгосударствление в Китае протекало довольно медленно, причем частный сектор разрастался не столько за счет изменения характера собственности старых предприятий, сколько в результате создания новых частных [183].

Описан достаточно значимый вклад в возрождение китайского предпринимательства богатых китайских предпринимателей-эмигрантов (хуацяо), которые возвращались в Китай и вкладывали в развитие своей страны не только инвестиции, но и свой богатый опыт работы в условиях рыночной экономики [102. С. 123].

Таким образом, если в 1960–1970-х гг. рыночные процессы существовали в Китае в рамках теневой экономики, то в 1980-е гг. произошло сначала политическое признание частной собственности, а затем и ее правовая легитимизация [76. С. 90]. Так, в 1982 г. в Конституцию КНР (ст. 11) было включено положение, согласно которому «индивидуальное хозяйство городских и сельских тружеников, функционирующее в установленных законом рамках, является дополнением к социалистическому общественному хозяйству. Государство охраняет законные права и интересы индивидуального хозяйства. Государство посредством административного управления направляет, поддерживает и контролирует индивидуальное хозяйство» [Там же. С. 113].

Были приняты документы, характеризующие механизм реализации правомочий мелких частников и их отношений с государством, такие как Некоторые политические установки Госсовета КНР в отношении несельскохозяйственных индивидуальных предприятий в городах и поселках (1981 г.) и Дополнительные установки Госсовета КНР к Некоторым политическим установкам в отношении несельскохозяйственных индивидуальных предприятий в городах и поселках (1983 г.), а также документы, регламентирующие налогообложение мелких частников. В этих документах подчеркивается долговременность стратегии КНР в отношении мелкотоварного предпринимательства и обеспечивается стимулирующая роль налоговой системы [Там же. С. 94–100]. В 1988 г. в Конституции КНР был узаконен не только малый, но и средний и крупный бизнес в качестве дополнения к социалистическому общественному хозяйству.

В 1990-е гг. в результате приватизации государственных предприятий сократилось количество рабочих мест. Для предупреждения роста безработицы государство стимулирует занятость в секторе МСП через созданный Китайский центр координации и кооперации бизнеса, оказывающий предпринимателям информационную, орга-

низационную, консультационную, образовательную, а также финансовую поддержку [84]. В этот период проведение реформ и политики открытости способствовало росту числа предприятий МСП.

Таким образом, на данном этапе осуществлена реформа хозяйственного механизма и отношений собственности. Реформа началась как стихийное общественное движение в деревне и в итоге привела к постепенному демонтажу всей административно-командной системы управления национальной экономикой в КНР. Следует согласиться с Л. И. Цедилиным, который в качестве основного признака, отличающего «китайский путь» трансформации экономической системы, отмечает именно постепенность рыночных преобразований, что не наблюдалось ни в России, ни в других постсоциалистических странах, которым не удалось избежать шоковой терапии [183. С. 127].

Особенности условий возрождения предпринимательства в России и Китае

Таким образом, и в России, и в Китае развитие предпринимательства в конце XX в. было разрешено государством как неизбежная мера для решения серьезных социально-экономических проблем общества. В то же время исторический анализ позволяет выявить значительные особенности возникновения и реализации предпосылок возрождения предпринимательства в двух странах:

1. Период институциональной нелегитимности предпринимательства в России был значительно длиннее, чем в КНР. Фактически (за вычетом непродолжительного периода новой экономической политики в 1921–1924 гг.) предпринимательская деятельность в СССР находилась под запретом с 1917 г., до начала развития индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения в середине 1980-х гг., т. е. около 70 лет (в течение жизни примерно трех поколений). Исследователи констатируют факт «обрыва» исторических трендов в ментальности людей, что сыграло решающую роль в формировании траекторий поведения как субъектов бизнеса, так и бизнес-сообщества в целом [188]. В КНР запрет предпринимательства в период построения командно-административной системы Мао Цзэдуна (середина 1950-х – середина 1970-х гг.) продлился около 20 лет – одно поколение. Таким образом, изменение общественного сознания и укоренение в нем представлений о нелегитимности предпринимательской деятельности проявились в России в гораздо большей степени, что сузило социальную базу развития бизнеса и способствовало его значительной теневизации.

2. Социальная база развития малого предпринимательства в КНР была гораздо более широкой: новый бизнес в КНР вырос прежде всего из многочисленных мелкотоварных крестьянских хозяйств и продолжал развиваться в трудоемких отраслях агропромышленного комплекса, легкой и обрабатывающей промышленности. В Российской Федерации социальная база малого бизнеса в 1990-е гг. представляла собой мелких кооператоров и бывших наемных работников закрывшихся государственных предприятий. Во многом вынужденная предпринимательская активность, как правило, осуществлялась в сфере торговли. Соответственно, и численность организаций малого бизнеса, и их отраслевая структура, и роль в создании валового внутреннего продукта в РФ и КНР принципиально различаются по масштабам. Преобладание предпринимателей, ориентированных в первую очередь на поддержание дохода, на выживание, а не на развитие, признается слабой стороной российского малого бизнеса, что обусловлено спецификой процесса его становления в 1990-е гг. «В преддверии радикальных реформ 1990-х гг. становление и развитие малого бизнеса воспринималось главным образом как важнейший канал реализации предпринимательской активности, источник формирования социального слоя, который мог бы выступать в качестве опоры модернизационных преобразований. Однако в период системного кризиса 1990-х гг. на первый план выдвинулась его роль в сдерживании безработицы и смягчении социальной напряженности. Обобщение исследований становления малого предпринимательства на протяжении кризисных 1990-х гг. подводит к выводу, что в его составе преобладала вынужденная составляющая, нацеленная на выживание, а не на более полную реализацию возможностей его субъектов» [158. С. 61].

3. Сравнивая две страны с переходной экономикой – Россию и Китай, А. В. Островский отмечает: «Основное отличие переходных экономик обеих стран состоит в том, что в Китае переход от плана к рынку носит эволюционный характер при контроле за этим процессом государства и прямом и непосредственном участии КПК, а в России – революционный, где КПСС передала государственную власть в обмен на собственность, и в результате государство оказалось в значительной степени отстранено от процесса управления переходом к рыночной экономике» [120. С. 23]. Таким образом, развитие предпринимательства в России осуществлялось в ходе резкого перехода к рыночной экономике, шоковой терапии и продолжительного периода нестабильности, резкого снижения уровня жизни населения. Рефор-

мирование экономики Китая было более продолжительным процессом и привело к возникновению уникального синтеза социализма и рынка. Такое реформирование создало более благоприятные условия для развития бизнеса, в том числе малого и среднего.

В начале XXI в. и в Российской Федерации, и в Китайской Народной Республике развитие предпринимательства, и прежде всего малого бизнеса, рассматривается как приоритет государственной экономической политики. Продолжаются процессы институционализации предпринимательства, развиваются системы государственной поддержки малого бизнеса.

1.3. Государственная политика и государственная поддержка малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах

Формирование государственной политики и государственной поддержки малого бизнеса в России

Цели экономического развития России в XXI в. связаны со структурной перестройкой ее экономики, развитием инноваций, повышением производительности труда и уровня жизни населения. Важную роль в достижении этих целей призвано сыграть российское предпринимательство. А. П. Кудин, характеризуя предпринимательский потенциал России, указывает на его обусловленность переходным характером российской экономики. Несмотря на рост числа предпринимателей и развитие рыночной инфраструктуры, значительная часть предпринимателей не имеют необходимого образования и опыта, недостаточно развита информационная инфраструктура, низки предпринимательская этика и культура [76. С. 30]. Кроме того, в качестве характерной черты российского предпринимательства отмечается тесная связь предпринимателей с государственным аппаратом, его сильная криминализация и принадлежность целых секторов экономики к теневой экономике [Там же. С. 31–32].

В период стабилизации российской экономики (2000–2008 гг.) возрастает внимание государства к развитию цивилизованного предпринимательства, в частности к стимулированию развития МСП. Продолжается развитие институциональной среды предпринимательства:

1. Для субъектов МСП в России введены специальные налоговые режимы: упрощенная система налогообложения, единый налог на вмененный доход, патентная система и единый сельскохозяйственный налог [168].

2. Возникли новые общественные организации предпринимателей – «Деловая Россия» (2001 г.) и «Опора России» (2002 г.). «Деловая Россия» – общероссийская общественная организация, представляющая интересы частных несырьевых компаний, которые добиваются лидирующих позиций в своих отраслях независимо от направления бизнеса, его размера и местонахождения. «Опора России» – общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства, ее деятельность направлена на создание благоприятной среды для ведения предпринимательской деятельности в России, увеличение роли МСП в российской и мировой экономике, развитие российского предпринимательства, в том числе культуры ведения предпринимательской деятельности. Декларируется ведущая роль «Опоры России» в повышении внимания государства к развитию МСП, разработке стратегий и национальных проектов, улучшения законодательной базы. «Опора России» ведет анализ среды развития МСП (индексы «Опоры России»).

3. В 2007 г. принят федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ (далее – федеральный закон № 209-ФЗ), в соответствии с которым реализуются меры поддержки МСП [110]. В законе (ст. 6) определены основные цели государственной политики в области развития МСП в Российской Федерации: развитие конкурентной среды в экономике РФ, обеспечение благоприятных условий для развития субъектов МСП и их конкурентоспособности, оказание содействия субъектам МСП в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок РФ и рынки иностранных государств, увеличение количества субъектов МСП, обеспечение занятости населения и развитие самозанятости, увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта, а также увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Статья 16 федерального закона № 209-ФЗ определяет формы поддержки субъектов МСП, включающие гарантийную, имущественную, информационную, консультационную поддержку, поддержку в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации их работников, поддержку в области инноваций и промышленного про-

изводства, ремесленничества, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность. За короткий период создана система государственной поддержки МСП, включающая государственные (федеральные и региональные) и муниципальные меры поддержки.

Кризисные явления в экономике в 2008–2009 гг. оказали сильное негативное влияние на сектор МСП [198]. При этом действенность системы государственной поддержки МСП оказалась достаточно низкой. К проблемам развития МСП в данный период отнесено недостаточное бюджетное финансирование мер его государственной поддержки. При этом профинансированные программы были недостаточно востребованы предпринимателями ввиду их недостаточной информированности и слишком высоких требований к получателям поддержки. Кроме того, были выявлены факты злоупотребления бюджетными средствами, выделенными на поддержку малого бизнеса [153].

Отмечается отрицательное влияние на развитие МСП высоких страховых взносов во внебюджетные социальные фонды. 1 января 2011 г. вступил в силу федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ [111], повышающий размеры страховых тарифов для малого бизнеса более чем в 2 раза – с 14 до 34 %. Произошло фактическое уравнивание субъектов крупного и малого бизнеса и их финансовой нагрузки на фонды оплаты труда, а возможность применять специальные налоговые режимы оказалась практически нивелирована [24]. Рост платежей во внебюджетные фонды повлек за собой сокращение количества представителей малого бизнеса [39]. Подобные решения справедливо рассматриваются как серьезные риски, препятствующие развитию МСП. К значимым рискам отнесены последствия таких управленческих решений, как: повышение НДС и ставок страховых взносов; отмена льгот по налогу на имущество организаций для плательщиков специальных налоговых режимов; введение торговых сборов; взимание платы с грузовых автомобилей, имеющих разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, и др. Серьезным вызовом для предпринимательского сектора стало изменение пенсионного возраста для граждан Российской Федерации. Повышение возраста выхода на пенсию для мужчин до уровня, превышающего в настоящее время их среднюю продолжительность жизни, побуждает к уходу населения в теневую экономику и понижает уровень доверия к государству [154. С. 841].

Государственную политику в отношении МСП в 2000–2012 гг. О. И. Образцова и А. Ю. Чепуренко характеризуют как «селективный импорт институтов и инструментов (венчурные фонды, бизнес-инкубирование и т. д.)» [114. С. 76]. К основным проблемам развития МСП в данный период отнесены высокая налоговая нагрузка и регулярные изменения налогового законодательства, чрезмерные административные барьеры, невыгодные условия кредитования, низкий уровень социальной защищенности предпринимателей. Фиксируется низкая инвестиционная активность субъектов МСП [24].

Таким образом, несмотря на все прилагаемые государством усилия и достаточно высокий объем финансирования государственных программ, развитие предприятий малого и среднего бизнеса в период 2012–2014 гг. было затруднено. «Рассогласованность и зачастую разнонаправленность государственных мер в отношении субъектов малого и среднего бизнеса влечет снижение уровня доверия предпринимателей к государству и уход предпринимательского бизнеса в «тень», формирует у предпринимателей «психологию временщиков», а также сводит на «нет» все те планируемые положительные эффекты от реализуемых мер государственной поддержки» [6. С. 885].

Соответственно, во втором десятилетии XXI в. вновь ставятся задачи ускорения развития малого предпринимательства. Активизация государственной поддержки МСП обусловлена необходимостью мобилизации потенциала малого предпринимательства для решения актуальных задач устойчивого развития экономики, открытия новых направлений бизнеса, повышения производительности труда и жизненного уровня населения, а также решения проблемы импортозамещения в условиях введения международных санкций против России в 2014–2017 гг. [153].

В качестве отправной точки, давшей старт формированию современной государственной политики РФ в области поддержки и стимулирования развития МСП, называют 11 поручений по развитию предпринимательства, которые 28 апреля 2015 г. подписал Президент РФ В. В. Путин [134].

В настоящее время развитие МСП признано приоритетным направлением развития экономики России. В 2016 г. утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года [166]. Стратегия предусматривает рост значений основных показателей сектора МСП:

– увеличение в 2,5 раза оборота малых и средних предприятий по отношению к 2014 г.;

– повышение в 2,0 раза производительности труда в секторе МСП (к 2014 г.);

– увеличение доли обрабатывающей промышленности в обороте сектора МСП (без ИП) до 20 %;

– рост доли населения, занятого в секторе МСП, до 35 % общей численности занятого населения.

Стратегический ориентир – увеличение доли сектора МСП в ВВП с 20 до 40 %, что будет соответствовать уровню развитых стран [91. С. 11] (ежегодный прирост – 1 %). В Стратегии сформулированы цели и задачи для создания благоприятной деловой среды, способствующей укреплению и росту сектора МСП, а также определены пути достижения поставленных целевых ориентиров [63]. Способы и механизмы достижения цели Стратегии:

1. Интеграция функций поддержки малого и среднего предпринимательства. Создание Корпорации МСП.

2. Стимулирование спроса на продукцию малых и средних предприятий (их поддержка в социальной сфере, расширение для малых и средних предприятий доступа к госзакупкам и др.).

3. Создание условий для повышения производительности труда на малых и средних предприятиях (развитие инфраструктуры поддержки субъектов МСП, осуществляющих инновационную деятельность, совершенствование системы поддержки экспортной деятельности МСП, поддержка технологического развития и импортозамещения и др.).

4. Обеспечение доступности финансовых ресурсов для малых и средних предприятий (стимулирование коммерческих банков к расширению кредитования МСП, развитие микрофинансирования, национальной гарантийной системы поддержки МСП, лизинга, факторинга и др.).

5. Совершенствование политики в области налогообложения и неналоговых платежей.

6. Повышение качества государственного регулирования в сфере МСП (сокращение административной нагрузки на МСП со стороны контрольно-надзорных органов, обеспечение легализации работников сферы МСП, упрощение процедур доступа малых и средних предприятий к использованию объектов движимого и недвижимого имущества, создание и развитие единой информационно-сервисной инфраструктуры для МСП, упрощение отчетности, развитие механизмов обратной связи и общественного мониторинга решений в сфере развития малого и среднего предпринимательства и др.).

7. Стимулирование развития предпринимательской деятельности на отдельных территориях (реализация эффективной политики по развитию МСП в субъектах Российской Федерации, в том числе в монопрофильных муниципальных образованиях).

8. Укрепление кадрового и предпринимательского потенциала.

Корпорация МСП (АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства») создана в 2015 г. на базе Агентства кредитных гарантий в соответствии с указом Президента РФ от 5 июня 2015 г. № 287. Корпорация МСП оказывает субъектам МСП консультационную, финансовую, информационную, имущественную, налоговую поддержку [49], а также обеспечивает им доступ к закупкам компаний с государственным участием [63].

С 2016 г. реализуется приоритетный проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [130], разработанный на 2016–2019 гг. по заказу Минэкономразвития РФ. Руководителем данного проекта выступала Корпорация МСП. Проект ориентирован на обеспечение субъектам индивидуального и малого предпринимательства (ИМП) доступа к закупкам крупнейших заказчиков, определяемых Правительством Российской Федерации, предоставление предпринимателям в 171 городе всех субъектов РФ информации о формах и видах поддержки, реализуемой на всех уровнях (Бизнес-навигатор ИМП), развитие сельскохозяйственной кооперации в субъектах Российской Федерации, развитие системы предоставления услуг по принципу одного окна, сервисов, мер поддержки субъектам ИМП на базе центров оказания услуг, а также развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для ИМП.

Как следует из отчета Счетной палаты РФ, проводившей анализ осуществления мер государственной поддержки МСП, в том числе предусмотренных приоритетным проектом «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», установленные проектом на 2017 г. контрольные показатели выполнены (фактические значения 11 показателей достигли плановых значений, по 9 показателям выше запланированных). В то же время за период 2015–2017 гг. количество хозяйствующих субъектов МСП в Российской Федерации выросло с 4 531,3 до 6 039,2 тыс., но в течение 2017 г. положительная динамика замедлилась. По состоянию на 10 января 2018 г. численность занятых в сфере МСП составила 19 328,3 тыс. чел. Сделан вывод о том, что цель, обозначенная Президентом РФ, не достигнута [124].

Задачи улучшения условий развития МСП вновь ставятся в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. Сформулированы основные направления государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства в ближайшем будущем: повышение доступности кредитования МСП, упрощение взаимодействия бизнеса с государством, снижение давления на бизнес, уменьшение числа проверок бизнеса, упрощение налоговой отчетности. Отмечается необходимость поддержки инновационного предпринимательства и создания благоприятной среды для стартапов [6. С. 889]. Указывается, что к 2025 г. доля малого бизнеса в экономике России должна составить 40 % [141].

Вносятся изменения в существующее законодательство. Так, смягчены критерии для применения упрощенной системы налогообложения, улучшаются институты развития в сфере МСП (АО «МСП Банк», РЭЦ, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере), создаются региональные гарантийные организации и др. [63].

В декабре 2018 г. утвержден новый паспорт национального проекта «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [128], реализуемого Министерством экономического развития РФ. Проектом предусмотрено достижение трех целевых показателей к 2024 г.:

- численность занятых в сфере МСП, включая индивидуальных предпринимателей, – 25 млн чел. (базовое значение 2018 г. – 19,2 млн чел.);
- доля МСП в ВВП – 32,5 % (базовое значение 2017 г. – 22,3 %);
- доля экспорта субъектов МСП, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта – 10,0 % (базовое значение 2017 г. – 8,6 %).

Структура национального проекта включает пять федеральных проектов:

1. Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.
2. Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию.
3. Акселерация субъектов МСП.
4. Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации.
5. Популяризация предпринимательства.

Предусматривается достижение следующих результатов реализации проектов:

- разработка специального налогового режима для самозанятых граждан и его апробация в четырех субъектах РФ;
- освобождение субъектов МСП от подачи налоговой декларации при использовании контрольно-кассовой техники;
- принятие переходных налоговых режимов для стимулирования развития МСП и перехода микропредприятий в малые и малых в средние;
- законодательное закрепление понятия «социальное предпринимательство» в целях предоставления этой категории МСП особой поддержки;
- введение на 2019–2020 гг. моратория на проведение плановых проверок в отношении отдельных категорий субъектов МСП;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов для МСП за счет реализации программы льготного кредитования МСП, механизмов финансовой поддержки в рамках Национальной гарантийной системы, обеспечение доступа субъектов МСП к инструментам фондового рынка и лизингового финансирования;
- создание условий для развития МСП в агропромышленном комплексе и др.

Важно отметить, что национальный проект предусматривает установление четких сроков разработки нормативных актов. Это позволит зафиксировать основные механизмы поддержки МСП – «правила игры», которые и будут способствовать достижению поставленных целей: привлечение населения к предпринимательской деятельности, упорядочение ее условий, устранение административных барьеров, обеспечение роста и акселерации предприятий МСП и пр.

Описывая государственную политику в отношении МСП начиная с 2013 г., О. И. Образцова и А. Ю. Чепуренко образно называют ее «патрон-клиентским подходом», предполагающим, с одной стороны, вовлечение части субъектов МСП в орбиту государственных интересов (госзакупки, кредитная поддержка и т. д.) и, с другой стороны, борьбу против неформального предпринимательства [114. С. 76]. Имеется в виду изменение политики поддержки МСП в 2012–2016 гг. в направлении патернализма: рост роли государства в экономике логично привел к усилению попыток построить частный бизнес для обслуживания государственной политики через механизмы государственных закупок и госзаказа. Однако в специфическом российском контексте такие стандартные средства господдержки, как стимулирование госзаказа и госзакупок, приводят только к усилению рыночной

власти государственных институтов и монополий и действующей от их лица бюрократии [114. С. 77].

В научной литературе активно исследуются возможности развития МСП на основе создания благоприятной предпринимательской среды. При этом предлагается не только усиление государственной поддержки МСП, но и изменение принципов ее оказания через создание институтов, стимулирующих самоорганизационные процессы в сфере МСП и повышение конкурентоспособности субъектов МСП [10. С. 244].

Таким образом, в первые два десятилетия XXI в. в России происходит развитие государственной политики в отношении МСП, осознание важности МСП для социально-экономического развития общества и интенсивное, порой противоречивое, формирование институциональной среды МСП.

Развитие государственной политики и государственной поддержки малого бизнеса в Китае

Как и в России, в КНР в XXI в. продолжается процесс институционализации предпринимательства. Так, в 1999 г. предпринимательство КНР получило качественно новый конституционный ранг «важнейшей составной части рыночной социалистической экономики», а в 2004 г. в Конституцию страны была внесена принципиальная поправка о «неприкосновенности законной частной собственности граждан» [76. С. 101]. По мере общей радикализации проводимых Дэн Сяопином рыночных реформ существенно скорректирован политический статус частного предпринимательства, что нашло отражение в выступлениях китайских лидеров, решениях и официальных документах XVI–XIX съездов КПК, произошло постепенное уравнивание частной собственности в КНР в правах с общественной собственностью [Там же. С. 107–108].

В 2000-е гг. в КНР принят пакет документов, улучшающих условия развития частного предпринимательства, таких как Некоторые соображения о мерах поощрения, поддержки и направления развития индивидуальных, частных и других видов предприятий негосударственного сектора экономики, известные как «36 положений» (2005 г.), Положение об управлении специальными средствами для развития средних и малых предприятий (2006 г.) и др. [Там же. С. 115–116].

В КНР поддержка МСП регулируется законом «О стимулировании средних и мелких предприятий», принятым на 28-й сессии Посто-

янного комитета Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва 29 июня 2002 г., вступившим в силу с 1 января 2003 г. [119. С. 165]. Меры поддержки МСП, предусмотренные данным законом, включают организационные меры содействия усилиям по созданию новых предприятий и поддержку на начальном этапе их деятельности, меры финансовой поддержки, содействие в освоении современных технологий, стимулирование малых и средних предприятий к участию в международной торговле. Закон уравнивал малые и средние предприятия в правах с крупными компаниями, особенно в вопросе доступа к современной технике, базам данных, рыночной информации, финансированию. Участие в госзакупках способствовало созданию Государственного фонда развития малых и средних предприятий. Крупный бизнес участвует в подготовке для предприятий малого и среднего бизнеса предприимчивых специалистов, а в ответ они реализуют свою инновационную функцию, принимая участие в разработке патентов и ноу-хау [185. С. 264]. Средства Фонда поддержки малых и средних предприятий направляются на организацию мероприятий по оказанию услуг консультационного и юридического характера, создание и поддержку системы гарантирования и субсидирования кредитования, поддержку инновационной деятельности малого и среднего бизнеса, стимулирование его специализации и кооперации с крупными компаниями, подготовку квалифицированных менеджеров и специалистов для малых и средних предприятий, поддержку их внешнеторговой деятельности, развитие экологически чистых производств [79. С. 236]. Для поддержки МСП в Китае созданы Кредитный гарантийный фонд, содействующий инновационному предпринимательству, и Китайский центр координации и кооперации бизнеса, обслуживающий малый бизнес и способствующий развитию взаимодействия его представителей с отечественными и зарубежными партнерами [102. С. 124].

В 2010 г. опубликован пакет новых правил, направленных на поощрение негосударственного сектора («Новые негосударственные 36 положений»), представляющий значительный шаг вперед в легитимизации частной собственности. Так, предусмотрено создание государственного фонда развития средних и малых предприятий, возможностей малых и средних предприятий [76. С. 117].

В апреле 2011 г. Госсовет КНР издал Положение об индивидуальных предприятиях в промышленности и торговле, которое облегчает условия регистрации индивидуальных предприятий, расширяет

им доступ к получению кредитов, снижает налоговое бремя за счет отмены выплаты управленческих расходов и платы за ежегодные инспекции – теперь при регистрации индивидуального предприятия требуется внести только регистрационный взнос [190. С. 38].

В апреле 2012 г. Госсовет КНР издал специальный циркуляр «Соображения Госсовета КНР по дальнейшей поддержке здорового развития мелких и микропредприятий», направленный на повышение качества государственного обслуживания малого бизнеса, содействие технологической и структурной перестройке мелких и микропредприятий, расширение сфер деятельности, повышение их рентабельности и инновационного потенциала [Там же].

С 1 января 2015 г. вступил в действие ряд нормативных документов, касающихся вопросов администрирования предпринимательства в Китае:

1. Совместное уведомление Госсовета КНР и Министерства финансов КНР «Об отмене, приостановке и освобождении от административных сборов». Согласно документу, в целях стимулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства с 1 января 2015 г. в отношении предприятий малого и среднего бизнеса отменяется пять видов административных сборов, временно приостанавливается взимание семи видов административных сборов, а микропредприятия полностью освобождаются от уплаты 42 видов административных сборов.

2. Совместное уведомление Министерства финансов КНР и Главного налогового управления КНР «Об освобождении микропредприятий от взносов в соответствующие государственные фонды». Для микропредприятий был введен ряд налоговых послаблений, включая уплату налога на прибыль [79. С. 236–237].

В 2017 г. Министерство промышленности и информатизации КНР опубликовало Программу содействия развитию малых и средних предприятий на 2016–2020 гг. Продолжается работа по сокращению административных барьеров, стимулирование банков к кредитованию МСП, расширение льготного налогообложения его субъектов [192. С. 199].

Мощный рост экономики Китая в 2000–2010 гг. во многом обусловлен последовательным переводом экономики страны к рыночному хозяйству и развитием возможностей для проявления предпринимательской инициативы. К издержкам этого роста относят экологические проблемы, а также усиление социальной дифференциации китайского общества. Отмечается некоторое снижение в течение последних двух лет темпов развития МСП в Китае [206]. В числе фак-

торов, негативно влияющих на развитие МСП в Китае, называются социальная изоляция, информационная асимметрия и др. [230].

Новый вектор развития КНР – это высокотехнологичная перестройка экономики и экспортной политики, а также рассмотрение экономического роста не как самостоятельной цели, а как необходимой составляющей социального развития. Новая теоретическая Научная концепция развития стала основой практических шагов построения «социализма с китайской спецификой» в годы 12-й и текущей 13-й пятилеток (соответственно 2011–2015 и 2016–2020 гг.) [76. С. 67–69], ставится задача построения общества процветания и благополучия [229]. Создание системы поддержки малого и среднего бизнеса стало частью общей структурной перестройки, которую Китай реализовывал в ходе 12-й пятилетки через достижение главной цели, заявленной еще в Среднесрочном и долгосрочном стратегическом плане развития науки и технологий (2006 г.) [185].

Существенное развитие поддержки предприятий малого и среднего бизнеса связывается с переоценкой их роли после принятия Государственным советом Китая в 2010 г. документа «Решение об ускорении развития новых стратегических отраслей». Изменения в стратегии стимулирования стали основой перехода от политики «Сделано в Китае» («Made in China»), что предполагало производство товаров, разработанных иностранными компаниями, к политике «Разработано в Китае» («Created in China») на основе собственных технологических решений [Там же].

Осуществляется организационная поддержка МСП, принимаются меры для устранения административных барьеров. Так, Госсовет КНР в 2013 г. упразднил или передал на местный уровень 416 административных полномочий, требовавших от предпринимателей согласований с государственными инстанциями, а в 2014 г. – еще 200 административных процедур [100. С. 152].

В КНР действует многоуровневая (на центральном и региональном уровнях) система органов, отвечающих за работу МСП:

- Госсовет КНР (отвечает за разработку политической линии в отношении МСП);

- Национальная комиссия по развитию и реформе – NDRC (находится в подчинении Госсовета и является агентством по управлению макроэкономикой; департамент малого и среднего предпринимательства);

- Китайский центр координации и кооперации бизнеса – CCBCC (является специальным агентством по обслуживанию малого предпринимательства) [185. С. 263].

Государство расширяет свое активное участие в поддержке предприятий малого и среднего бизнеса, что позволяет им осуществлять технологическое перевооружение, используя как государственные централизованные формы поддержки, так и локальные ресурсы [185].

Благодаря принятию в 2015 г. новой программы государственного субсидирования местных предприятий сектора малого и среднего бизнеса национальной экономики и распространению в регионах страны институтов развития и инвестиционной поддержки китайские предприятия получили доступ к новым инвестиционным ресурсам, позволяющим им обновлять оборудование на новом технологическом уровне [Там же. С. 265]. Таким образом, в системе поддержки МСП в Китае имеется ряд мер, непосредственно сфокусированных на поддержке участия предприятий малого и среднего бизнеса для увеличения формирования ими добавленной стоимости. Малый бизнес обеспечивает КНР не только рабочие места, но и прорыв в инновационной сфере, позволяющий стране интегрироваться в глобальную мировую экономику, иметь лидирующие позиции на международном рынке, расширять экспорт своих товаров и увеличивать богатство государства [67. С. 75].

В условиях замедления темпов роста экономики в Китае частный сектор становится сферой, развитию которой правительство уделяет особое внимание. XIX съезд КПК назвал поддержку среднего, малого и микропредпринимательства приоритетным направлением экономической политики государства на новом этапе экономических реформ и потребовал создать максимально благоприятный климат для экономического роста предприятий малого и среднего бизнеса, вывести массовую предпринимательскую и инновационную деятельность на новый уровень [196. С. 227].

Встроив предпринимательство в китайскую модель социализма и признав законность не только малого, но и крупного бизнеса и дав ему возможность развития, КПК и Госсовет КНР особое внимание уделяют расширению возможностей для развития МСП и повышению роли его в инновационном развитии. Так, в долгосрочном прогнозе социально-экономического развития Китая до 2030 г., подготовленном экспертами Всемирного банка и специалистами Комитета по развитию и реформе Госсовета КНР, провозглашается и обосновывается цель строительства в КНР к указанному сроку «современного, гармоничного и созидательного высокодоходного

общества». Среди приоритетов такого общества – развитие малого и среднего бизнеса [76. С. 82].

Таким образом, в начале XXI в. и в России, и в Китае продолжается процесс институционализации МСП, развивается система поддержки малого бизнеса, а развитие МСП рассматривается как приоритетная зачала государственной политики. Рассмотрим сложившиеся к концу второго десятилетия XXI в. нормативные условия функционирования малого бизнеса в РФ и КНР.

1.4. Сравнительный анализ нормативных условий развития малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах

Законодательная база регулирования МСП в России и Китае создавалась, когда в странах с развитой рыночной экономикой был накоплен значительный опыт регулирования и поддержки малого бизнеса [72], который активно использовался в РФ и КНР. В связи с этим основные нормативные условия функционирования МСП в данных странах характеризуются определенным сходством, хотя существуют и различия. Рассмотрим основные параметры нормативного регулирования малого бизнеса в России и Китае, их общие черты и особенности, которые могут оказывать влияние на формирование экономического самоопределения предпринимателей двух стран.

Характеристика специального законодательства о МСП

В законодательстве и Китая, и России не содержится легального определения малого предпринимательства, но закрепляются критерии отнесения организаций и индивидуальных предпринимателей к субъектам малого и среднего предпринимательства [119].

Основным законодательным актом РФ, регулирующим развитие и государственную поддержку МСП, является Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Кроме того, нормы регулирования деятельности МСП содержатся в ряде других законов (федеральные законы «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ, «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ и др.). Индивидуальное предприниматель-

ство в России регулируется Налоговым и Гражданским кодексами Российской Федерации.

Основным законом КНР, определяющим направления господдержки МСП, является принятый в 2002 г. закон «О стимулировании средних и мелких предприятий». Кроме того, положения, касающиеся деятельности МСП, содержатся в таких законодательных актах, как Закон КНР о решениях органов власти (2004 г.), законы «О банкротстве предприятий» (2006 г.), «О компаниях» (2006 г.), «О паевых предприятиях» (2006 г.), «О регистрации паевых предприятий» (2007 г.), «Антимонопольный закон» (2008 г.) и др.

В КНР в регулировании малого бизнеса помимо законов большую роль играют государственные правила и положения: в 2010 г. опубликован пакет новых правил, направленных на поощрение негосударственного сектора («Новые негосударственные 36 положений»), а в 2011 г. – новое Положение об индивидуальных промышленниках и торговцах [76].

Критерии отнесения компании к малому бизнесу

МСП неоднородно и включает средний, малый и микробизнес, которые дифференцируются статистически в зависимости от ряда критериев. Как правило, в качестве критериев используются показатели численности работников, оборота, валового дохода и др. Набор критериев и их численные значения могут изменяться со временем и различаются в разных странах. Критерии отнесения предприятий к субъектам МСП имеют важное значение, так как именно применительно к МСП государство осуществляет адресную поддержку. Критерии отнесения предприятия к малому и среднему бизнесу в РФ изменялись, и федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 156-ФЗ [108] установлены критерии, по которым значительная часть субъектов предпринимательской деятельности попадает в категорию малого бизнеса и может рассчитывать на государственную поддержку [153].

В России установлены следующие организационно-правовые формы субъектов МСП (ч. 1 ст. 4 федерального закона № 209-ФЗ):

– юридические лица, в том числе коммерческие организации (хозяйственные общества – ООО, АО, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства) и некоммерческие организации (потребительские кооперативы);

– индивидуальные предприниматели [110].

Основными критериями отнесения хозяйствующего субъекта к малому и среднему бизнесу выступают (п. 1 ч. 1.1 ст. 4 федерального закона № 209-ФЗ):

1. Структура уставного капитала для хозяйственных обществ и хозяйственных товариществ. Суммарная доля участия (РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, иностранных граждан, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном капитале не должна превышать 25 %, доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства, не должна превышать 49 % (есть исключения).

2. Условия для отдельных хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств:

- акции АО отнесены к акциям высокотехнологичного (инновационного) сектора экономики;

- деятельность хозяйственного общества (партнерства) заключается во внедрении результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат его учредителю – бюджетному или автономному научному учреждению или образовательной организации высшего образования;

- хозяйственное общество (партнерство) является участником проекта «Сколково»;

- учредители (участники) общества или партнерства включены в перечень юридических лиц, предоставляющих государственную поддержку инновационной деятельности (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июля 2015 г. № 1459);

- участниками ООО являются только общероссийские общественные объединения инвалидов и (или) их отделения (территориальные подразделения) и в таких ООО за предшествующий календарный год среднесписочная численность инвалидов по отношению к другим работникам составляет не менее чем 50 %, а доля оплаты труда инвалидов в фонде оплаты труда – не менее чем 25 %.

3. Среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год.

4. Величина дохода за предшествующий календарный год.

Последние два критерия дифференцированы по трем группам МСП (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Количественные критерии отнесения к МСП
хозяйствующих субъектов в РФ

Категория субъектов МСП	Среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год, чел.	Величина дохода за предшествующий календарный год, р.
Микропредприятия	До 15	До 120 млн
Малые предприятия	До 100	До 800 млн
Средние предприятия	От 101 до 250	До 2 млрд

Источник: [167].

Предельные значения величины дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 265. Категория субъекта МСП для индивидуальных предпринимателей, не привлекавших для осуществления предпринимательской деятельности в предшествующем календарном году наемных работников, определяется в зависимости от величины полученного дохода.

Существуют отраслевые особенности применения критериев. Так, предприятия, которые осуществляют в качестве основного вида деятельности предпринимательскую деятельность в сфере легкой промышленности, относятся к средним при условии, что среднесписочная численность работников не превышает 1 000 чел. Предприятия, которые осуществляют в качестве основного вида деятельности предпринимательскую деятельность в сфере общественного питания, относятся к средним при условии, что среднесписочная численность работников не превышает 1 500 чел.

Ограничение отнесения к субъектам МСП государственных и муниципальных унитарных предприятий независимо от их социально-экономических параметров – это исходная позиция, на которой основывается российское законодательство.

Таким образом, система критериев отнесения хозяйствующих субъектов к МСП (что дает субъекту возможность претендовать на меры государственной поддержки) направлена на стимулирование инновационной активности МСП, решение организациями МСП социальных задач (занятость инвалидов), а также поддержку производственных организаций в сферах легкой промышленности и общественного питания.

Критерии или показатели, по которым производится систематизация организаций, относимых к субъектам малого и среднего предпринимательства в Китае, практически те же, что и в России [119. С. 165]. Впервые они были разработаны в 2003 г. и включали число работающих (среднесписочная численность работников), объем продаж (выручка от реализации товаров, работ, услуг, т. е. доход) и общую сумму активов, или балансовую стоимость основных средств и нематериальных активов.

Предельные значения показателей в КНР устанавливаются следующим образом: разработаны стандарты систематизации малых и средних предприятий, утверждаемые Госсоветом КНР. В названных стандартах содержатся предельные значения установленных критериев, которые дифференцируются по сферам (видам) деятельности предприятия.

В 2011 г. в связи с изменением экономической ситуации и необходимостью введения понятия «микропредприятия» критерии были пересмотрены. Классификация была дополнена новыми отраслями, предел численности сотрудников был снижен до 2 000 чел., предельная выручка была увеличена до 1 млрд юаней, или 159 млн долл. (табл. 1.4). Предельная выручка стала единственным финансовым критерием отнесения компаний к сектору МСП [91. С. 41].

Таблица 1.4

Критерии отнесения компаний к микро-, малому
и среднему бизнесу в Китае

Сектор	Средний бизнес		Малый бизнес		Микробизнес	
	Число работников, чел.	Выручка, юаней	Число работников, чел.	Выручка, юаней	Число работников, чел.	Выручка, юаней
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	...	< 20 млн	...	< 5 млн	...	< 500 тыс.
Производство	< 1 000	< 400 млн	< 300	< 20 млн	< 20	< 3 млн
Строительство	...	< 800 млн	...	< 60 млн	< 10	< 50 млн

Окончание табл. 1.4

Сектор	Средний бизнес		Малый бизнес		Микробизнес	
	Число работников, чел.	Выручка, юаней	Число работников, чел.	Выручка, юаней	Число работников, чел.	Выручка, юаней
Оптовая торговля	< 200	< 400 млн	< 20	< 50 млн	< 5	< 10 млн
Розничная торговля	< 300	< 200 млн	< 50	< 5 млн	< 10	< 1 млн
Транспортные перевозки	< 1 000	< 300 млн	< 300	< 30 млн	< 20	< 2 млн
Хранение товаров	< 200	< 300 млн	< 100	< 10 млн	< 20	< 1 млн
Почтовые услуги	< 1 000	< 300 млн	< 100	< 10 млн	< 20	< 1 млн
Отели, рестораны	< 300	< 100 млн	< 100	< 20 млн	< 10	< 1 млн
Передача данных	< 2 000	< 1 млрд	< 100	< 10 млн	< 10	< 1 млн
Программное обеспечение и ИТ-технологии	< 300	< 100 млн	< 100	< 10 млн	< 10	< 500 тыс.
Недвижимость	...	< 2 млрд	...	< 10 млн	...	< 1 млн
Управление имуществом	< 1 000	< 50 млн	< 300	< 10 млн	< 100	< 5 млн
Лизинг и услуги для бизнеса	< 300	< 1,2 млрд	< 100	< 80 млн	< 10	< 1 млн

Источник: [140].

Отнесение предприятий к сектору МСП в Китае полностью дифференцировано в зависимости от отрасли, в которой работает компания, и разброс количественных значений критериев отнесения к МСП в зависимости от отрасли очень велик: по численности работников – от 20 до

300 чел. (малый бизнес), от 10 до 100 чел. (микропредприятия); по размеру выручки – от 5 млн до 80 млн юаней (малый бизнес), от 500 тыс. до 10 млн юаней (микропредприятия). Определение малых и средних предприятий в Китае можно признать достаточно сложным [91. С. 41].

Следует отметить, что в КНР по закону «О стимулировании средних и мелких предприятий» 2002 г. при установлении критериев отнесения предприятия к МСП не принимаются во внимание ни формы собственности, на базе которых действуют предприятия, ни состав их учредителей (участников). Стратегия КНР – обеспечение равного правового положения участников рыночных отношений независимо от формы собственности [119. С. 167–168].

Таким образом, в настоящее время в РФ и КНР используются одинаковые критерии установления статуса МСП – численность работников и выручка, однако механизм учета отраслевых особенностей, а также количественные значения критериев сильно различаются.

Исследователи Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара отмечают, что стандартное единое определение МСП в мире до сих пор отсутствует, хотя в последнее десятилетие в разных странах отмечается тенденция к унификации данного понятия. В КНР – самый широкий диапазон критериев для сферы МСП по численности сотрудников (до 2 000). Наиболее часто встречающийся за рубежом порог по численности сотрудников для сферы МСП – 250 чел. – используется и в РФ. По финансовому критерию также наиболее широкий диапазон в Китае: для средних фирм годовой доход – до 318 млн долл., а в России – до 32,6 тыс. долл. [91. С. 143]. Различия подходов к определению критериев в определенной степени могут объясняться тем, что понятия «малый» и «средний» должны соотноситься с размером экономики [Там же. С. 14].

Таким образом, и в РФ, и в КНР выделяют три группы МСП: средние, малые и микропредприятия, однако численные значения критериев различаются. В КНР отраслевая дифференциация численных значений критериев МСП выражена значительно сильнее. Специфические критерии отнесения организации к МСП в РФ (инновационный характер деятельности, использование труда инвалидов и пр.) в КНР не применяются. В Китае статус МСП не зависит от формы собственности и состава учредителей, а в России на такой статус могут претендовать организации, в структуре уставного капитала которых ограничена доля государственной, муниципальной собственности, иностранных юридических лиц и пр., что сужает круг организаций, которые могут воспользоваться мерами государственной поддержки МСП.

Необходимо отметить, что критерии отнесения предприятий к МСП имеют значение и при рассмотрении возможных траекторий развития малого бизнеса.

Учет субъектов МСП

В России общий специальный учет всех субъектов малого и среднего предпринимательства введен в 2016 г. В федеральный закон № 209-ФЗ была включена ст. 4.1, предусматривающая ведение Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕРСМСП). Ведение реестра осуществляется федеральным органом исполнительной власти, который наделен функциями по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, т. е. Федеральной налоговой службой (ФНС России). Целью создания ЕРСМСП является не просто организация единой базы данных, содержащей полный перечень субъектов МСП, а обеспечение возможности для субъектов рынка, отвечающих требованиям для включения в такой реестр, получить полноценный доступ к мерам государственной поддержки. Таким образом, субъекты МСП не только становятся объектами пристального внимания со стороны органов власти, но и попадают под его опеку [49].

В Китае производится регистрация и учет субъектов малого и среднего предпринимательства (в соответствии со ст. 26 закона 2002 г.); они вносятся в реестры, названные в законе 2002 г. промышленными каталогами мелких и средних предприятий. Эти каталоги составляются отделами Госсовета, курирующими работу предприятий в отдельных отраслях экономики. Промышленные каталоги в Китае имеют такое же значение, как и ЕРСМСП в России: выписка из каталога является необходимым условием участия небольшого предприятия в программах и проектах, рассчитанных на мелкие и средние предприятия [130. С. 168].

Налоговое регулирование МСП

Налогообложение – один из важнейших инструментов реализации государственного регулирования предпринимательства, значимый элемент институциональной среды развития бизнеса.

Государственная поддержка малого бизнеса в сфере налогообложения в РФ направлена на предоставление налоговых льгот в рамках существующей налоговой системы, а также на упрощение системы учета, отчетности и налогообложения субъектов МСП. Государство предоставляет им два вида льгот – общие и специальные [39. С. 117]. В настоящее время малые предприятия, занятые в сферах производ-

ства товаров народного потребления, строительства и некоторых других, не уплачивают налог на прибыль в первые два года работы; субъекты малого предпринимательства уплачивают налоги по итогам работы за квартал, без внесения авансовых платежей.

Еще одна льгота – налоговый кредит в размере 10 % годовой выручки (но не более чем на 50 %) – предоставляется путем отсрочки налогового платежа в бюджет субъекта РФ. Налоговый кредит предоставляется для следующих нужд: приобретение и введение в эксплуатацию отечественного оборудования, заменяющего импортное; выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; защита окружающей среды; замена оборудования в рамках амортизационной политики при сроке службы закупленного оборудования свыше восьми лет и т. д. Налоговый кредит предоставляется на основании кредитного соглашения, заключаемого между малым предприятием и налоговым органом.

Упрощение системы учета и налогообложения для малого бизнеса включает в себя переход на упрощенную систему учета, отчетности и налогообложения и на уплату единого налога на вмененный доход. Для юридических лиц переход на упрощенную систему подразумевает замену большинства налогов единым налогом на доход, упрощение бухгалтерского учета и отчетности и уменьшение количества бухгалтерских форм и налоговых расчетов.

Единый налог на вмененный доход для определенных видов деятельности устанавливается и вводится в действие законом субъекта Федерации. Общие принципы его взимания определены федеральным законом. Налогом облагается вмененный доход организаций и индивидуальных предпринимателей (ИП) от деятельности в сферах розничной торговли, бытовых услуг и общественного питания. С введением ЕНВД субъекты, переведенные на его уплату, перестают уплачивать большинство федеральных, региональных и местных налогов (включая страховые взносы в государственные внебюджетные фонды). Кроме того, с 2015 г. вновь зарегистрированные ИП, выбравшие упрощенную систему налогообложения либо патент, в первые два года работы освобождаются от уплаты налогов, т. е. данной категории субъектов экономики предоставляются двухлетние налоговые каникулы.

Таким образом, льготные условия налогообложения МСП позволяют не только снизить налоговое бремя, но и упростить систему учета и отчетности для МСП. Кроме этого, развитие налогового регулирования МСП направлено на снижение теневой занятости в данном секторе и повышение собираемости налогов.

Налоговым режимом КНР предусмотрены льготы для субъектов малого предпринимательства при уплате всех основных налогов: подоходного налога с предприятий (налога на прибыль), налогов на добавленную стоимость, на хозяйственную деятельность и налога с продаж. Льготы по уплате налога на прибыль малых предприятий в Китае можно разделить на две группы: полное освобождение от уплаты на определенный период (налоговые каникулы) и снижение ставки налога.

Налоговые каникулы предоставляются следующим малым предприятиям:

- малые предприятия, на которых более 35 % работников являются инвалидами;

- малые предприятия, создаваемые высшими учебными заведениями;

- предприятия, занятые предоставлением технических консультационных услуг, услуг по сервисному обслуживанию новых образцов техники или оборудования;

- на три года от уплаты налога на прибыль освобождаются малые и средние предприятия, вновь создаваемые в депрессивных регионах или определенных в качестве приоритетных в соответствии с государственной отраслевой политикой, а также возникающие в городах и сельской местности малые и средние предприятия, имеющие в своем составе до 60 % работников, считающихся безработными на момент создания предприятия. Аналогичная схема освобождения от уплаты налога на прибыль применяется также к тем предприятиям, которые создаются работниками ликвидируемых государственных предприятий;

- на два года с начала производственной деятельности освобождаются от уплаты налога на прибыль инновационные малые предприятия, создаваемые в зонах технико-экономического развития;

- на один год освобождаются от уплаты налога на прибыль малые предприятия в сельской местности, занятые в сферах услуг, транспортных перевозок, связи, сфере общественного питания, туризма, образования, оказания медицинских услуг, материального снабжения, на один год, а со второго года уплачивают его в половинном размере [39. С. 116].

Если малое предприятие занято в сфере инновационной деятельности, то ставка налога на прибыль для него составит 15 %. Можно отметить нацеленность налоговых льгот в Китае на решение социальных задач (обеспечение занятости инвалидов и безработных) и задачи инновационного развития.

Начиная с 2018 г. особые усилия Госсовета КНР были направлены на масштабное снижение налогов и денежных сборов с субъектов МСП. Опубликована программа налоговых льгот по поддержке развития обрабатывающей промышленности, малых и микропредприятий. В частности, с 1 мая 2018 г. было проведено последовательное снижение ставок НДС. Приняты меры для снижения неналоговых издержек малых и средних предприятий (снижение тарифов на электроэнергию, стоимость логистических и посреднических услуг, ставки взноса на социальное страхование). Государственное налоговое управление КНР с 1 января 2019 г. приняло решение при обложении подоходным налогом расширить охват малых и мало-рентабельных предприятий 50 %-ной льготой, подняв планку не облагаемых налогом годовых доходов с 500 тыс. юаней до 1 млн юаней [196. С. 229–230].

Сопоставление условий налогообложения МСП в РФ и КНР проведено Л. Ф. Султановой (табл. 1.5) [168].

Таблица 1.5

Сравнительная характеристика благоприятности условий
для уплаты налогов в РФ и КНР*

Показатель	РФ	КНР
Место в рейтинге Doing Business по времени на открытие бизнеса	26	127
Место в рейтинге Doing Business	45	131
Индекс DTF	82,96	60,46
Платежи (количество в год)	7	9
Время на подготовку и подачу отчетности, уплату трех основных налогов, ч/год	168	259
Налоговая нагрузка, % от прибыли	47,4	68,0

* Составлена по: [168].

Как видно из табл. 1.5, условия налогообложения МСП в КНР можно признать более жесткими, нежели в РФ. Это касается не только налоговой нагрузки, но и количества платежей, времени на подготовку отчетности и пр. Закономерно эти различия находят отражение в рейтинге Doing Business, разработанном Всемирным банком. Можно согласиться с Л. Ф. Султановой в том, что особенности налогообложения не могут быть признаны основным фактором, определяющим тенденции развития МСП в двух странах.

Несмотря на более жесткие условия налогообложения, именно в Китае МСП развивается более успешно, что свидетельствует о влиянии на его развитие других факторов.

Меры государственной поддержки МСП

Структура мер государственной поддержки МСП в РФ и КНР (табл. 1.6) включает меры кредитно-финансовой, имущественной, информационной, образовательной поддержки, поддержки инновационного предпринимательства и участия МСП во внешнеэкономической деятельности.

Таблица 1.6

Основные меры государственной поддержки МСП в РФ и КНР*

Вид поддержки	РФ	КНР
Кредитно-финансовая	<p>Финансовая поддержка (субсидии, гранты, гарантии, микрофинансирование, участие в госзакупках, компенсация процентных ставок по кредитам и др.). Создание Национальной гарантийной системы, включающей АО «Корпорация МСП», АО «МСП Банк» и региональные гарантийные организации. Ключевыми программами финансовой поддержки МСП являются Программа стимулирования кредитования субъектов МСП, Гарантийная поддержка субъектов МСП, программа «Инвестиционный лифт» и др. Сформирована двухуровневая система контроля обеспечения субъектам МСП доступа к закупкам крупнейших заказчиков</p>	<p>Финансовая поддержка за счет средств Государственного фонда поддержки малых предприятий и через системы гарантий Кредитного гарантийного фонда (страхование кредитов), доступ МСП к госзакупкам, кредитование малого и среднего бизнеса, факторинг, банковский овердрафт и др. В 12 крупнейших коммерческих банках рассматривается как приоритетное направление.</p> <p>Монетарное стимулирование финансовых учреждений к увеличению кредитной поддержки МСП. Выделение финансирования на развитие МСП отдельной строкой в государственном бюджете и создание фондов развития МСП на общегосударственном и местном уровнях</p>
Имущественная	<p>Имущественная поддержка (лизинговая поддержка, компенсация затрат на приобретение оборудования, компенсация затрат по договорам лизинга и др.)</p>	<p>Имущественная поддержка за счет средств Государственного фонда поддержки малых предприятий. Лизинг является объектом госрегулирования</p>

Вид поддержки	РФ	КНР
Информационная	Информационная поддержка (портал «Бизнес-навигатор МСП», информационная система «ТАСС-Бизнес» и др.). Консультационная и правовая поддержка – Корпорация МСП	Информационная и юридическая поддержка, оказание консультационных, юридических и иных услуг. Создание онлайн-платформы для предоставления госуслуг
Образовательная	Образовательная поддержка (обучающие программы «Азбука предпринимателя», «Школа предпринимательства» и др.)	Образовательная поддержка (обучающие программы для предпринимателей)
Поддержка инновационного предпринимательства	Финансовая поддержка (субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал и пр.), налоговое стимулирование, формирование инновационной инфраструктуры для деятельности малых инновационных предприятий (например, создание бизнес-инкубаторов, технопарков, региональных центров инжиниринга и др.)	Поддержка стартапов на этапе создания предприятия малого бизнеса. Создание технопарков, бизнес-инкубаторов. Налоговые льготы отдельным категориям начинающих предпринимателей, а также компаниям и физическим лицам, инвестирующим в создание инновационных предприятий научно-технической направленности. Дополнительный вычет на НИОКР до 75 % расходов при уплате налогов
Поддержка внешнеэкономической деятельности	Создание фондов поддержки внешнеэкономической деятельности МСП (например, Московская область). Консультации, организация выставочных мероприятий, экспертиза проектов и сделок и пр.	Финансовое, кредитно-денежное, налоговое стимулирование выхода малого бизнеса на внешние рынки. Фонд расширения международного рынка – поддержка малых и средних предприятий, занимающихся внешнеэкономической деятельностью

* Составлена по: [32; 49; 63; 79; 110; 178; 185; 196].

Основные направления поддержки МСП и формы его поддержки по выделенным направлениям в двух странах совпадают, а также соответствуют мировому опыту поддержки малого предпринимательства. В РФ, кроме этого, реализуется поддержка субъектов малого предпринимательства в области ремесленной деятельности и сельского хозяйства.

В то же время российские исследователи отмечают низкую долю субъектов МСП, пользующихся государственной поддержкой. Государственная поддержка в РФ является заявительной – для ее получения предприниматели должны знать о мерах поддержки и заявить свое желание ее получить (подкрепленное документами). Так, в 2015 г. только около 2 % юридических лиц и 3,14 % индивидуальных предпринимателей являлись получателями поддержки. Причины – низкая информированность и уверенность предпринимателей в том, что обращаться за поддержкой бесполезно [49].

При анализе мер государственной поддержки МСП в КНР отмечается, что система финансовой и кредитной поддержки малого и среднего бизнеса в Китае все еще находится в первоначальной стадии и пока не достигла уровня развитых стран. Доля малого бизнеса в общем объеме выданных кредитными учреждениями Китая займов – менее 20 %, а полученные кредиты составляют только 7 % от общей величины источников финансирования малого бизнеса [79].

Таким образом, можно выделить следующие *общие черты и особенности* нормативного регулирования МСП в РФ и КНР:

1. В законодательстве и Китая, и России не дается четкое определение малого предпринимательства, но закрепляются критерии отнесения организаций и индивидуальных предпринимателей к субъектам МСП. Статус МСП дает возможность хозяйствующему субъекту претендовать на меры государственной поддержки.

2. Налоговое регулирование МСП в РФ направлено в первую очередь на решение задач снижения налоговой нагрузки, упрощение систем учета и отчетности для МСП, а также на снижение уровня теневой занятости и повышение собираемости налогов. Налоговые льготы для МСП в Китае в большей степени ориентированы на поддержку инновационного предпринимательства и решение социальных задач. Налоговая нагрузка на МСП в Китае выше, чем в России.

3. Основные направления и формы государственной поддержки МСП в России и Китае сходны и включают финансово-кредитную поддержку, имущественную, информационную, образовательную поддержку, поддержку инновационного предпринимательства и поддержку внешнеэкономической активности МСП. В структуре форм государственной поддержки РФ и КНР нашли отражение общие тенденции поддержки малого бизнеса в странах с развитой рыночной экономикой.

Завершая рассмотрение институциональной среды развития МСП в РФ и КНР в 2000–2020 гг., отметим, что малый бизнес про-

должает сталкиваться с рядом проблем, затрудняющих его развитие. Некоторые проблемы являются общими для России и Китая:

- высокие процентные ставки по кредитам, слабая их доступность для МСП;
- высокая налоговая нагрузка;
- сложность получения государственной поддержки;
- недостаток квалифицированных кадров.

К специфическим проблемам развития МСП в России можно отнести нестабильность законодательства, угрозу ухудшения условий ведения бизнеса, негативные условия развития бизнеса в виде падения спроса, роста инфляции, снижения курса рубля, а также последствия для экономики РФ, связанные с антироссийскими санкциями. Эти проблемы очень важны, так как для развития малых и средних предприятий необходима стабильная макроэкономическая среда и эффективная юридическая защита [79]. Фиксируется низкий уровень защищенности как предпринимателей [159], так и наемного персонала в сегменте малого предпринимательства [71].

К проблемам развития МСП в России относят и высокие административные барьеры, недостаточность ресурсной и инфраструктурной поддержки (финансовой, имущественной и кадровой) и т. д. [197]. Исследователями делается вывод, что барьеров для развития и расширения бизнеса в России больше, чем в Китае, а доля предпринимателей, сталкивающихся с несовершенством судебного законодательства, нестабильностью в макроэкономической сфере, бюрократизмом и коррупцией, в Китае значительно ниже [1].

Важным фактором, влияющим на развитие МСП, являются культурные особенности. Отмечается, что уровень доверия к властям и уровень законопослушности выше в Китае [Там же].

Таким образом, исторические условия возрождения предпринимательства в Китае более благоприятны, социальная база развития предпринимательства шире, чем в России. Нормативное регулирование МСП нельзя признать совершенным как в РФ, так и в КНР, однако оно быстро развивается. Необходимо отметить большую нацеленность КНР на стимулирование инновационной активности МСП. Выявленные различия проявляются в разных темпах роста сектора МСП в РФ и КНР.

Выводы по главе 1

Рассмотрев сущность малого и среднего предпринимательства как социально-экономического явления, исторические особенности

возрождения предпринимательства и особенности институциональной среды МСП в России и Китае, можно сделать следующие основные выводы:

1. Предпринимательство – это открытая социально-экономическая система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов. При этом предпринимательство является подсистемой общества как социально-экономической системы, выполняя ряд важных функций. Рассмотрение предпринимательства как многомерного явления предполагает учет, с одной стороны, многообразия предпринимательских качеств, а с другой стороны, многочисленных факторов, влияющих на этот тип деятельности, имеющих экономическую, социальную и психологическую природу. В развитии предпринимательства важны не только объективные социально-экономические условия и государственная политика, но и восприятие населением среды для осуществления этого вида деятельности.

2. Влияние внешней, в том числе институциональной, среды на развитие предпринимательства проявляется через восприятие и осознание субъектами предпринимательства сложившихся условий, их субъективную оценку. При этом особенно важна оценка институциональных условий: политической и экономической ситуации в стране и в регионе, экономической политики, функционирования политической системы, соблюдения отдельных прав и свобод личности, возможности повлиять на ситуацию в стране и в регионе.

3. Для малого и среднего предпринимательства характерны те же черты, что и для предпринимательства вообще: ведение бизнеса в условиях риска и несения имущественной ответственности, новаторство, эффективное использование ресурсов с целью удовлетворения потребительского спроса и получения прибыли. В то же время выделяется особая роль малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии общества: именно малый и средний бизнес является ключевой точкой роста экономики государства, обладает стабилизирующим фактором для экономики, позволяет решать проблемы занятости населения, в том числе его социально уязвимых групп, способствует раскрытию и реализации творческого потенциала. МСП служит основой формирования среднего класса, смягчает социальную напряженность, обеспечивает социально-экономическую и политическую стабильность. К условиям развития МСП относят макроэкономическую ситуацию, характеристики институциональной среды бизнеса, его нормативное регулирование, государственную

политику в отношении малого бизнеса и меры его государственной поддержки и др. Большое значение имеют исторические условия формирования предпринимательства, определяющие культурные нормы и направленность экономической активности.

4. И в России, и в Китае развитие предпринимательства в конце XX в. было разрешено государством как неизбежная мера для решения серьезных социально-экономических проблем общества. В то же время период институциональной нелегитимности предпринимательства в России был значительно длиннее, чем в КНР, поэтому изменения общественного сознания и укоренение в нем представлений о нелегитимности предпринимательской деятельности проявились в России в гораздо большей степени, что сузило социальную базу развития бизнеса. Социальная база развития малого предпринимательства в КНР была гораздо более широкой: новый бизнес в КНР вырос прежде всего из многочисленных мелкотоварных крестьянских хозяйств и продолжал развиваться в трудоемких отраслях агропромышленного комплекса, легкой и обрабатывающей промышленности. В Российской Федерации социальная база малого бизнеса в 1990-е гг. представляла собой мелких кооператоров и бывших наемных работников закрывшихся государственных предприятий. Во многом вынужденная предпринимательская активность, как правило, осуществлялась в сфере торговли. Соответственно, и число организаций малого бизнеса, и их отраслевая структура, и роль в создании валового внутреннего продукта в РФ и КНР принципиально различаются по масштабам.

5. Развитие предпринимательства в России осуществлялось в ходе резкого перехода к рыночной экономике, шоковой терапии и продолжительного периода нестабильности, резкого снижения уровня жизни населения. Реформирование экономики Китая было более продолжительным процессом и привело к возникновению уникального синтеза социализма и рынка. Такое реформирование создало более благоприятные условия для развития бизнеса, в том числе малого и среднего.

6. В начале XXI в. и в России, и в Китае продолжается процесс институционализации МСП, развивается система поддержки малого бизнеса, а развитие МСП рассматривается как приоритетная задача государственной политики. В нормативном регулировании МСП в РФ и КНР могут быть выделены как общие черты, так и особенности. Так, в законодательстве и Китая, и России закрепляются критерии отнесения организаций и индивидуальных предпринимателей к субъектам МСП. Статус МСП дает возможность хозяйствующему субъекту

претендовать на меры государственной поддержки. При этом критерии отнесения предприятий к МСП близки, но различаются их количественные значения. Китайский малый бизнес значительно «крупнее» российского. Налоговое регулирование МСП в РФ направлено в первую очередь на снижение налоговой нагрузки, упрощение систем учета и отчетности для МСП, а также на сокращение уровня теневой занятости и повышение собираемости налогов. Налоговые льготы для МСП в Китае в большей степени ориентированы на поддержку инновационного предпринимательства и решение социальных задач. Налоговая нагрузка на МСП в Китае выше, чем в России.

7. Структура основных направлений государственной поддержки МСП в России и Китае достаточно близка и соответствует мировому опыту. Направления государственной поддержки МСП включают финансово-кредитную, имущественную, информационную, образовательную поддержку, поддержку инновационного предпринимательства и поддержку внешнеэкономической активности МСП.

8. Малый и средний бизнес в России и Китае сталкивается с рядом проблем, затрудняющих его развитие. К общим для двух стран относятся такие проблемы, как высокие процентные ставки по кредитам и слабая их доступность для МСП, высокая налоговая нагрузка, сложность получения государственной поддержки, недостаток квалифицированных кадров. К специфическим проблемам развития МСП в России можно отнести нестабильность законодательства, угрозу ухудшения условий ведения бизнеса, негативные условия развития бизнеса в виде падения спроса, роста инфляции, снижения курса рубля, а также последствия для экономики РФ, связанные с антироссийскими санкциями. Барьеров для развития и расширения бизнеса в России больше, чем в Китае. Уровень доверия к властям и уровень законопослушности выше в Китае.

Таким образом, в развитии сектора МСП в России и Китае остается достаточно много проблем, затрудняющих процессы экономического самоопределения предпринимателей.

2. Тенденции развития малого предпринимательства в России и Китае в 2000–2020 годах

Проанализировав особенности исторических условий возрождения предпринимательства в России и Китае, а также динамику государственной политики и институциональных условий развития малого и среднего бизнеса в двух странах, рассмотрим основные результаты.

Сравнительное исследование динамики развития малого и среднего бизнеса в России и Китае необходимо начать с анализа макроэкономической ситуации и ее изменения в 2000–2020 гг. Поиск причин недостаточно высоких темпов развития российской экономики и способов их ускорения – одна из значимых исследовательских задач ученых-экономистов. Поиску путей ускорения экономического развития России посвящены работы А. Г. Аганбегяна, Л. А. Ахметова, Э. Ф. Баранова, Е. В. Бессоновой, К. В. Бобылевой, И. Б. Воскобойникова, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусева, С. М. Дробышевского, В. В. Ивантера, Р. И. Капелюшникова, М. А. Климовича, М. Ю. Ксенофонтова, Н. А. Лавровой, В. А. Мау, Н. В. Орловой, С. Г. Синельникова-Мурылева, А. М. Чернопятава и многих других. Исследуются последствия антироссийских санкций (А. Д. Косьмин, О. П. Кузнецова, Е. А. Косьмина), предлагаются стратегии низкоуглеродного развития российской экономики (И. А. Башмаков) и стратегии новой индустриализации (А. И. Пискунов, В. Б. Главацкий). Рассматриваются социальные (Т. В. Суханова) и демографические (А. Г. Вишневский, Е. М. Щербакова) аспекты экономического развития.

Изучением развития экономики Китая занимаются ученые разных стран мира. В России системные многолетние исследования экономики Китая проводит группа ученых ИДВ РАН (А. В. Островский, М. Л. Титаренко и др.). Вопросами экономического развития КНР занимаются С. А. Влазнева, В. В. Карлусов, Л. Г. Котова, Л. Н. Крапчина, А. П. Кудин, О. В. Кучук, А. А. Маслов, Н. А. Мишина, Л. В. Новоселова, Л. И. Цедилин и др. Развитие экономики Китая в новом тысячелетии исследуют китайские авторы: Jing Tao, Chen Golin, Chun Yuejun, Li Ruogu, Yang Jing и многие другие. Наибольшую из-

вестность в России получили китайские авторы переведенных на русский язык трудов, посвященных китайской экономике: Ван Мэнкуй (Wang Mengkui), Линь Ифу (Lin Yifu), Цай Фан (Tsai Fang), Ли Чжоу (Li Zhou) и др.

Общая экономическая динамика, имеющая в России и Китае огромные различия, формирует дифференциацию макроэкономических условий развития малого и среднего бизнеса. Анализом динамики, факторов и возможностей развития малого и среднего предпринимательства в России занимаются В. А. Баринова, М. А. Гачегов, О. Ю. Гончарова, Д. В. Завьялов, Н. Б. Завьялова, С.П. Земцов, А. В. Охрименко, А. А. Плеслов, О. В. Сагинова, Ю. В. Царева, А. Ю. Чепуренко и многие другие исследователи. Особенности статистического учета МСП рассматриваются В. А. Бариновой и С. П. Земцовой, М. А. Гачеговым. Вопросы совершенствования финансирования развития МСП раскрываются И. В. Мухиной, Е. Г. Шеиной, А. Ю. Серебряковой и др.

Развитие малого и среднего бизнеса в Китае изучают многие российские исследователи: И. А. Горошков, Н. В. Климова, А. П. Кудин, Т. А. Левченко, И. Н. Платонова, Е. Д. Фролова, Е. Цигелкова и др. Многолетние исследования китайского сектора МСП проводит В. В. Чуванкова (ИДВ РАН). Среди китайских ученых, занимающихся проблемами развития МСП, можно отметить Tracy Yang, Jamus Jerome Lim и Toshiki Kanamori, опубликовавших в 2005 г. комплексное исследование стратегии Китая в развитии МСП, Лю Сяомэй (Liu Xiaomei), осуществившую сравнительное исследование МСП в Китае и Республике Беларусь в 2005–2010 гг., исследователей государственной политики Китая в отношении МСП Sisi Huang, Liu Xiangfeng, Jia Chen. Lin Zhouyu и Lin Hanchuan занимались проблемами финансирования МСП в Китае, Li Xue Cunningham, Chris Rowley рассматривали особенности управления человеческими ресурсами в секторе МСП Китая, инновационную парадигму развития МСП в КНР анализировали Chi Renyong, Xueli Huang, Renyong Chi, Chi Ren-yong, Ma Chao и Fang Han-qing, Lin Hanchuan и др. Wen Xiaoying, Luo Ya, Xia Huqian, Lan Min рассматривают развитие МСП Китая в контексте цифровизации экономики.

На основе анализа статистической информации, а также результатов исследований МСП в России и Китае, проведенных отечественными и китайскими авторами, в данной главе обобщаются основные тенденции, достижения и проблемы малого и среднего бизнеса в двух

странах в XXI в. Выводы дополняются исследованием особенностей динамики институциональной среды развития МСП, а также предпринимательской активности в России и Китае на основе анализа международных рейтингов.

2.1. Макроэкономическая ситуация в России и Китае и ее динамика в 2000–2020 годах

Для анализа тенденций развития малого бизнеса в России и Китае в новом тысячелетии важно представлять характеристики экономической и социальной макросреды развития бизнеса в двух странах. Учитывая масштабность задачи сравнительного анализа социально-экономического развития России и Китая, ограничимся исследованием динамики ограниченного круга показателей, характеризующих темпы роста экономики и жизненного уровня населения: экономический рост, выражаемый темпами увеличения валового внутреннего продукта национального производства, сопровождается позитивными изменениями в социальной сфере, которые выступают индикаторами достижения стратегических целей перспективного развития страны.

Макроэкономическая ситуация в России в 2000–2020 годах

Повышение темпов роста российской экономики является приоритетной задачей руководства Российской Федерации. По данным Всемирного банка, за период с 2008 г. российская экономика увеличилась лишь на 3,6 %, тогда как мировая за этот же период – на 20,3 % [155. С. 3].

Правительство Российской Федерации на ближайшие шесть лет ставит стратегическую задачу повышения темпов экономического роста с целью вхождения в пятерку ведущих мировых держав, в том числе за счет увеличения производительности труда работников на 5 % в год [169. С. 883]. Факторами формирования новой модели интенсивного экономического роста, реализующего цели устойчивого развития, по мнению А. Г. Аганбегяна, должны стать форсированные инвестиции в основной и человеческий капитал [2. С. 17].

Сложнейший период перехода к рыночной экономике в 1990-е гг. привел к обвалу промышленного производства [14]. К концу XX в. Россия потеряла преимущества крупномасштабной экономики и по объему ВВП (по паритету покупательной способности) переместилась с пятого (СССР в 1991 г.) на десятое место, а по текущему рыночному курсу уступила Китаю, Мексике, Бразилии, Индии [8. С. 13].

В рамках стабилизационного периода 2000-х гг. экономика России полностью не восстановилась, а затем подверглась негативному влиянию мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и последующей рецессии. Дальнейшее экономическое развитие в 2014–2017 гг. осуществлялось в условиях международных санкций в отношении России. Соответственно, последние 30 лет в истории России можно охарактеризовать как период социально-экономической нестабильности. В табл. 2.1 представлены данные о динамике ВВП России, ежегодных темпах его роста, а также динамике ВВП на душу населения в 2000–2019 гг.

Таблица 2.1

Динамика ВВП России в 2000–2019 гг.*

Год	ВВП, млрд р.	Темпы роста ВВП (в постоянных ценах), % к предыдущему году	ВВП на душу населения, р.
2000	7 305,6	110,0	49 834,9
2001	8 943,6	105,1	61 267,3
2002	10 830,5	104,7	74 535,8
2003	13 208,2	107,3	91 312,5
2004	17 027,2	107,2	118 189,1
2005	21 609,8	106,4	150 571,0
2006	26 917,2	108,2	188 166,9
2007	33 247,5	108,5	232 817,4
2008	41 276,8	105,2	289 170,3
2009	38 807,2	92,2	271 787,1
2010	46 308,5	104,5	324 177,2
2011	60 114,0	104,3	420 492,6
2012	68 103,4	104,0	475 577,0
2013	72 985,7	101,8	508 586,4
2014	79 030,0	100,7	540 965,9
2015	83 087,4	98,0	567 513,4
2016	85 616,1	100,2	583 714,9
2017	91 843,2	101,8	625 453,9
2018	104 629,6	102,5	712 587,5
2019	110 046,1	101,3	749 813,0

* Составлена по: [171].

Высокие темпы роста ВВП в 2000–2007 гг. обусловлены прежде всего увеличением экспорта нефти и газа при высоких ценах на энер-

горесурсы на мировом рынке. Таким образом, наблюдался высокий монетарный прирост ВВП, рост которого зависит от конъюнктурных цен на нефть [8. С. 16], что нельзя признать позитивной тенденцией.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. привел к резкому падению темпов экономического роста в России, что также было во многом обусловлено сырьевой ориентацией экономики. В 2009 г. ВВП России снизился на 7,8 %. Восстановление экономики после кризиса 2008 г. произошло достаточно быстро, преимущественно благодаря повышению цен на нефть и росту сырьевого экспорта, который уже в 2010 г. увеличился на 31 % по сравнению с 2009 г. и в 2011 г. на 71 % по сравнению с 2009 г. Возросший внутренний спрос удовлетворялся за счет импорта, увеличившегося в 2010 г. на 36 % и в 2011 г. на 82 % по сравнению с 2009 г., при этом удельный вес обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости составлял 14,8 % в 2010 г. и 15,6 % в 2011 г. [68. С. 2791].

Стагнация после кризиса 2008–2009 гг. была обусловлена снижением эффективности производства, особенно в ресурсно-добывающем комплексе. Меры по стимулированию роста должны были включать поиск путей повышения эффективности в добывающих отраслях и адаптацию передовых технологий, сохранение успешных экспортно ориентированных производств, интегрированных в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, а для обеспечения устойчивого роста в долгосрочном периоде необходима диверсификация экономики [143. С. 5]. Анализ производительности труда в 2009–2015 гг. показывает низкие средние показатели в целом по экономике, а также разрыв в производительности между эффективными и отстающими предприятиями. Лидеры завоевывают значительную часть рынков, доля выпуска неэффективных предприятий сокращается, однако они не уходят с рынков, продолжая удерживать труд и капитал на неэффективных производствах [15. С. 96].

Международные санкции в отношении России оказали негативное влияние на ее социально-экономическое развитие в 2015–2019 гг., а также на перспективу. В 2015 г. ВВП России снизился на 2 %, а в последующие годы темп его роста не превышал 2,5 %. Выявлено замедление потенциального роста российской экономики до 0,7–1,3 %, что объясняется негативным эффектом от введенных в отношении России санкций [118. С. 5]. Введенные санкции усугубляют макроэкономическую ситуацию, ограничивая доходы от экспорта и доступ к «дешевым» зарубежным финансовым ресурсам, формируют неблагоприятную сре-

ду для иностранных инвесторов [68. С. 2792]. Описано влияние санкций на общее ухудшение экономической ситуации и уровня жизни подавляющего большинства населения в 2014–2019 гг.: осложнилось финансирование многих социальных программ (планировавшихся с учетом привлечения прямых иностранных инвестиций), ускорилось бегство капитала из России, прекращена реализация многих перспективных технологических инициатив [74. С. 2806–2806]. В целом же за последние пять лет, т. е. в период действия санкций, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума в 11 280 р. выросло более чем на четверть, а у большинства граждан России в течение все тех же пяти последних лет продолжается падение реальных доходов [Там же. С. 2808].

С 2014 г. импортозамещение стало одним из ключевых направлений государственной экономической политики. Проведенный анализ влияния импортозамещения на экономический рост показал значимость данного фактора для динамики экономического роста России, особенно в периоды высокой волатильности экономической конъюнктуры [37. С. 58].

При анализе индексов производства по видам экономической деятельности выявлен неравномерный и циклический характер развития российской экономики. В сфере промышленного производства наблюдались спады в 2009 г. (на 11,3 %) и в 2015 г. (на 5,1 %). При этом в обоих случаях наибольшее снижение зафиксировано в сфере деятельности «обрабатывающие производства», а индекс производства в добыче полезных ископаемых показал в 2009 и 2011 гг. наименьшее снижение, превышая уровень промышленного производства в целом, что подтверждает тенденцию усиления сырьевой направленности экономики. Однако диспропорции в структуре экспорта усиливают зависимость экономики в целом от мировых цен на сырье, что усугубляет макроэкономическую ситуацию во время кризисных явлений [68. С. 2787]. Оживление экономики после кризиса 2014 г. было затруднено ввиду сохранения низких экспортных цен на сырую нефть (50,12 долл. за баррель в 2015 г., 39,56 – в 2016 г. и 48,10 по итогам третьего квартала 2017 г.). В связи с этим актуальным становится вопрос о преодолении дисбаланса в структуре экономики и запуска процесса наукоемких структурных сдвигов [Там же].

Кризисы 2008 и 2014 гг. способствовали закреплению сырьевого типа экономики, так как основная государственная поддержка оказывалась преимущественно крупным системообразующим предприятиям. Основным фактором, препятствующим позитивным структурным

сдвигам в экономике, является отсутствие развитой обрабатывающей промышленности, использующей наукоемкие технологии [68. С. 2787].

Низкие темпы экономического роста обусловлены и недостаточным уровнем производительности труда. По данным ОЭСР, по итогам 2016 г. в России производительность труда равна 23,7 долл. США за один человеко-час, тогда как средний показатель среди стран ЕС – 47,7, стран G7 – 55,5 долл. США за один человеко-час [Там же. С. 2793].

Проблема изыскания резервов роста производительности для России осложняется тем, что более 50 % основных фондов устарело, крайне низок уровень менеджмента, на предприятиях практически отсутствует научно обоснованное нормирование труда и др. [35. С. 1291]. Осознание значимости роста производительности для обеспечения устойчивого роста экономики выразилось в принятии национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», цели которого ориентированы на развитие несырьевых отраслей и включают рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 % в год в 2024 г. [129].

После восстановления российской экономики с середины 2016 г. до середины 2018 г., чему способствовало как значимое повышение цен на нефть, так и ускорение роста мировой экономики (до 3,8 % в 2017 г. и 3,9 % в 2018 г.), в третьем квартале 2018 г. рост замедлился. В 2018 г. объем ВВП в реальном выражении примерно на 0,6 % превысил докризисный максимум 2014 г. [98. С. 5].

Исследователями отмечается негативное влияние на экономику России отсутствия структурных и институциональных реформ, необходимость которых стала очевидной еще в ходе кризиса 2008–2009 гг. В этих условиях в России формируется новая модель экономического роста, важнейшими элементами которой выступают переход от стимулирования спроса к стимулированию предложения, усиление проектного подхода в рамках государственного управления на основе сформулированных национальных целей и проектов, сохранение консервативной макроэкономической политики [94. С. 5].

Заканчивая рассмотрение в данном параграфе динамики ВВП в 2019 г. (ситуация в 2020–2021 гг., в условиях пандемии COVID-19, описана в следующей главе), отметим низкие темпы роста – 1,3 %. Таким образом, к новому кризису, вызванному пандемией, Россия подошла в достаточно сложной экономической ситуации. Обобщим наиболее значимые проблемы, препятствующие поступательному экономическому развитию:

1. Многими исследователями в качестве причины низких темпов экономического развития называется *неопределенность политики и экономической ситуации*. Как отмечают эксперты Института Гайдара и РАНХиГС, опрос промышленных предприятий свидетельствует о повышении доли предприятий (с 45 до 58 %), которые для активизации инвестиций нуждаются в более ясной и предсказуемой макроэкономической ситуации [101]. По результатам опросов Росстата, основные препятствия для экономического роста в промышленности России – это неопределенность экономической ситуации и недостаточный уровень спроса внутри страны [98. С. 17]. По оценке В. В. Миронова, вклад неопределенности в падение ВВП после 2013 г. составляет около трети в совокупном падении экономики [Там же. С. 19]. Неопределенность экономической ситуации негативно влияет на инвестиционный климат и предпринимательский климат в целом.

2. В научной литературе *ресурсная направленность российской экономики* оценивается однозначно негативно и признается важнейшим фактором, сдерживающим экономический рост. Структурная гетерогенность российской экономики, проявляющаяся в слабости высокотехнологичных современных секторов, серьезно влияет на перспективы ее дальнейшего развития [Там же. С. 9]. Кроме того, отмечается, что низкоуглеродная трансформация экономики России является потенциальным драйвером экономического роста со значительным потенциалом рыночных ниш для низкоуглеродной продукции к середине века, а отставание в этой технологической гонке означает угрозу безопасности России по причине ее технологической отсталости [12]. Результаты исследований указывают на дальнейшее замедление структурных темпов роста российской экономики в 2018–2020 гг. в рамках всех основных рассматриваемых макроэкономических сценариев. Это говорит о нецелесообразности откладывать структурные реформы для формирования предпосылок выхода российской экономики на темпы роста выше среднемировых [41. С. 5]. Негативное влияние зависимости экономики России от энергетического сектора проявляется и в том, что в соответствующих отраслевых структурах есть проблемы, которые тормозят инновационную активность представителей крупного бизнеса, малых и средних форм предпринимательства [107], поэтому ключевым направлением социально-экономического развития России должно быть формирование благоприятных условий для инновационного развития, структурная перестройка и модернизация экономики.

3. Исследователями отмечается, что для устойчивого роста экономики России необходимо вернуться на путь перманентной *индустриализации*, в том числе в сфере промышленного оборудования (производство средств производства), так как в основе динамичного развития лежит способность страны не только производить промышленные товары с высокой добавленной стоимостью, но и выпускать средства производства (машины и оборудование) [133. С. 295]. В то же время, по данным ООН, Россия создает около 1,7 % мирового ВВП, при этом доля обрабатывающей промышленности России меньше – 1,2 % от общемирового показателя [Там же. С. 296].

4. Анализ развития экономики России и ее индустриального комплекса в 2019 г. выявил негативные тренды, предопределяющие сохранение в 2020 г. *воспроизводственных угроз*: вялость, неустойчивость и низкое качество экономического роста. К числу причин этого отнесены низкое качество государственного управления, включая несовершенство стратегического планирования и промышленной политики, отсутствие в стране современной национальной инновационной системы [22. С. 3].

5. Значимым фактором, препятствующим быстрому экономическому развитию России, являются *негативные демографические тенденции*: с 2000 по 2019 г. численность населения России сократилась с 148,6 млн до 146,7 млн чел. Низкая рождаемость и высокая смертность приводят к естественной убыли населения, которая не в полной мере компенсируется миграционным приростом. Еще одной значимой демографической тенденцией, ухудшающей условия для поступательного экономического роста, является старение населения. Так, число пенсионеров в РФ возросло с 35 273 тыс. чел. в 2000 г. до 43 546 тыс. чел. в 2019 г. (на 23,4 %) [151]. Отмечается негативный характер влияния происходящих демографических изменений на экономическое развитие России. Прекращение роста населения России, сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и его старение, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население будут оказывать тормозящее влияние на развитие экономики и в то же время затруднят решение социальных вопросов, в частности создадут большие проблемы для системы пенсионного обеспечения людей старше трудоспособного возраста [23. С. 48]. Депопуляция и старение населения страны являются ключевыми демографическими проблемами нации, от решения которых зависят темпы экономического роста в будущем [169. С. 889].

Социальная сфера остро реагирует на экономическую ситуацию. На основе данных мониторинга социального самочувствия населения, реализованного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2015–2019 гг., выявлены ожидания, оценки и адаптационные стратегии различных групп населения России во второй половине 2010-х гг. Показаны этапы восприятия «новой реальности»: от ожидания быстрого выхода на траекторию позитивного развития к росту алармистских настроений, а затем – к распространению стабилизационного тренда. Выявлены формы адаптационного поведения: наиболее массовой и быстро воспроизводимой стала экономия на всех видах расходов, что привело к снижению уровня и качества жизни разных социальных групп [83].

Действительно, экономическое развитие не является самоцелью. Экономический рост как приоритет национальной политики устойчивого развития общества призван обеспечить решение целого комплекса социальных проблем и создать необходимые условия для увеличения численности населения страны, повышения уровня и качества жизни граждан, формирования комфортной среды жизнедеятельности и реализации творческого потенциала каждого человека [169. С. 881]. В табл. 2.2 представлена динамика среднегодовых темпов прироста (снижения) ВВП и реальных денежных доходов населения России в 2000–2019 гг.

Таблица 2.2

Среднегодовые темпы прироста (снижения) ВВП
и реальных денежных доходов населения России в 2000–2019 гг., %

Показатель	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2019
ВВП	6,2	3,6	1,7	1,5
Реальные денежные доходы населения	9,6	4,7	1,1	–0,5

Источник: [149].

В первое десятилетие XXI в. при достаточно поступательном экономическом росте денежные доходы населения росли быстрее, чем ВВП. В то же время в условиях стагнации негативная динамика денежных доходов населения проявляется сильнее: доходы увеличиваются медленнее, чем ВВП (а в 2016–2019 гг. доходы населения России снизились).

Среднедушевые месячные доходы населения возросли с 2 281 р. в 2000 г. до 35 249 р. в 2019 г. [151], однако динамика реальных располагаемых доходов характеризуется нестабильностью и отсутствием значимого роста. В табл. 2.3 представлена динамика темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 2015–2017 гг. реальные располагаемые доходы населения России снижались, в 2018 г. стабилизировались, а в 2019 г. повысились на 1 %.

Таблица 2.3

Динамика показателей жизненного уровня населения России

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Реальные располагаемые доходы, % к предыдущему году	112,0	112,4	105,9	97,6	95,5	99,5	100,1	101,0
Доля численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	29,0	17,8	12,5	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

Источник: [151].

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума резко сократилась в 2000–2005 гг. (с 29,0 до 17,8 %). Затем снижение замедлилось, к 2010 г. доля бедных снизилась только на 5,3 % (до 12,5 %). В кризисные 2015–2016 годы доля бедных выросла, а к 2018–2019 гг. достигла уровня 2010 г.

По оценкам экспертов, в 2019 г. социальные расходы в процентах к ВВП достигли исторического минимума – 16,4 % (в период с 2014 по 2016 г. данный показатель составлял 19–20 % ВВП) [74. С. 2805].

Субъективное восприятие экономической ситуации в России в 2019 г. скорее негативно: почти половина опрошенных россиян считают, что стали жить хуже. Так, 43 % респондентов заявили, что в upcoming году их уровень жизни стал ниже, 35 % – что для них лично и

их семей уходящий год оказался труднее предыдущего [57]. Сложная социально-экономическая ситуация потребовала принятия новых стратегических документов. Задачи экономической политики России на 2018–2024 гг. представлены в указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 [109]. В контексте трендов и условий, которые в значительной мере будут определять характер глобальных процессов на обозримую перспективу, предлагается траектория прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России. Обеспечение устойчивого роста благосостояния и конкурентоспособности каждого человека, каждой семьи и всего общества и государства – центральное положение Стратегии социально-экономического развития России [95].

Таким образом, до начала мирового кризиса, вызванного пандемией коронавируса, в России проявились негативные тенденции: низкие темпы экономического роста, сохранение высокого уровня бедности, депопуляция и др. Можно согласиться с академиком С. Ю. Глазевым, полагающим, что «в нашем экономическом порядке не построен внутренний механизм выхода из кризиса со значимым экономическим ростом, для чего необходимо создать условия для развития производительных сил, улучшить предпринимательский климат, развить кадровый потенциал, развивать новые технологии, увеличить ресурсную поддержку науки, образования, здравоохранения и других социальных нужд. Это необходимый этап для перехода на новый высокотехнологичный уклад, на который уже активно переходят экономически развитые страны» [31. С. 19].

Макроэкономическая ситуация в Китае в 2000–2020 годах

Рассмотрим макроэкономическую ситуацию в 2000–2020 гг. в Китае. Китайская экономическая реформа стала моделью перехода от плановой экономики к рыночной с наименьшими издержками для общества [82]. Изменилась и внешняя политика Китая – от изоляции к открытости [20], в 2000 г. была провозглашена стратегия активного внешнеполитического наступления Китая, а ее главным лозунгом стало «идти вовне» [227].

В результате за минувшие четыре десятилетия осуществления политики реформ и открытости среднегодовые темпы прироста ВВП Китая в 3 с лишним раза опережали динамику общемирового развития. Вклад Китая в глобальный экономический рост превышает 30 %.

Ни одна другая страна не может сравниться с ним по данному показателю [105. С. 41]. В последние 30 лет среднегодовые темпы прироста ВВП в Китае составили 10 % в год, вырос уровень жизни населения, повысилась экономическая эффективность [69]. Четыре десятилетия реформ превратили Китай из беднейшей страны во вторую экономику мира, на долю которой приходится треть глобального роста. Более 800 млн чел. смогли преодолеть бедность, а страна достигла высокого уровня социально-экономического развития [160. С. 3253]. Быстрый рост экономики Китая делает опыт этой страны исключительно важным для стран, ставящих цели ускорения экономического роста.

Темпы роста ВВП Китая в 2000–2019 гг. представлены в табл. 2.4. Как и в первые годы реформ (с 1979 г.), в первом десятилетии XXI в. сохранялись высокие темпы роста ВВП (в среднем 10,5 % в год).

Таблица 2.4

Динамика ВВП Китая в 2000–2019 гг.*

Год	ВВП, 100 млн юаней	Прирост ВВП к предыдущему году, %
2000	99 066	8,0
2001	109 655	8,3
2002	120 333	9,1
2003	135 823	10,0
2004	159 878	10,1
2005	184 937	10,4
2006	216 314	12,7
2007	265 810	14,2
2008	314 045	9,6
2009	340 903	9,2
2010	408 903	10,6
2011	484 124	9,5
2012	540 367	7,9
2013	595 244	7,8
2014	641 281	7,3
2015	688 858	7,0
2016	746 395	6,8
2017	832 036	6,9
2018	919 281	6,7
2019	986 515	6,0

* Составлена по: [236].

Такой быстрый рост ВВП КНР в XXI в. связывается с двумя основными факторами – вступлением КНР в ВТО в 2001 г., а также со стремительным ростом производительности труда в китайской экономике [121. С. 7]. Вступление Китая в ВТО способствовало бурному развитию внешней торговли страны и значительно стимулировало развитие промышленного производства в КНР, в результате чего Китай получил неформальный статус «всемирной фабрики» [120. С. 56]. А. В. Островский к числу факторов экономического роста Китая относит и мировой финансовый кризис 2007–2008 гг., в результате которого практически все страны за исключением Китая заметно снизили свои показатели экономического развития, что позволило Китаю обогнать многие развитые страны по основным экономическим показателям [Там же]. Действительно, темпы роста ВВП Китая в 2008–2010 гг. хотя и снизились по сравнению с 2007 г. (когда он составил 14,2 %), но оставались очень высокими – от 9,2 до 10,6 %. Следует согласиться с А. В. Островским, который считает, что китайская экономика развивается опережающими темпами прежде всего потому, что в стране развивается так называемое физическое производство продукции, связанное с материальными ценностями [Там же. С. 61]. Тем не менее именно со времени начала глобального финансового кризиса 2008 г. темпы экономического роста Китая стали снижаться [160. С. 3255].

Во втором десятилетии XXI в. в КНР отмечалось последовательное снижение темпов экономического роста: если в 2010 г. темпы прироста ВВП составили 10,6 %, то в 2013 г. – 7,8 %, а в 2016 г. – 6,8 %. Кроме того, длившаяся долгие годы экономическая экспансия сопровождалась чрезмерным использованием ресурсов, избытком производственных мощностей, повсеместным загрязнением окружающей среды [105. С. 41]. Отмечается, что нисходящий тренд в экономике во многом обусловлен накоплением негативных эффектов проводимых в ней структурных преобразований [32].

Рассматривая снижение темпов экономического развития Китая, А. В. Островский выделяет, во-первых, внутренние причины этого: ранее достигнутый высокий объем ВВП определял большие сложности при достижении еще более высоких показателей ВВП в последующие периоды, а во-вторых, внешние причины, связанные со значительным падением темпов развития мировой экономики, что повлекло за собой снижение спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса [122].

Переход к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием «новая нормальность» (синь чантай), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. На официальном уровне о наступлении периода «новой нормальности» в китайской экономике Си Цзиньпин впервые заявил в мае 2014 г. во время инспекционной поездки по провинции Хэнань. «Новая нормальность» обозначает стремление руководства КНР к построению в Китае общества «малого благоденствия» (сяокан). В новых условиях для решения этой задачи потребуется обеспечить устойчивое развитие при снижении темпов прироста ВВП [120. С. 64].

В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин выделил три особенности китайской «новой нормальности»:

- происходит переход от роста высокими темпами (7,5 % и более в год) к росту средневысокими темпами (6,0–7,5 % в год);

- экономическая структура Китая постоянно оптимизируется, ее уровень повышается, третья сфера и потребительский спрос постепенно выходят на первое место, различия между городом и деревней, а также межрегиональные различия постепенно ослабевают, результатами развития пользуются более широкие круги населения;

- главным двигателем роста вместо факторов производства и инвестиций становятся инновации [Там же. С. 65].

Даже в условиях замедления реальный прирост экономики КНР остается высоким, по темпам роста и размеру экономики страна находится в числе мировых лидеров. Экономический рост становится более ровным и стабильным, в том числе за счет повышения роли внутреннего спроса. Структура экономики Китая улучшается, происходит сокращение бюрократического давления на экономику и активизация роли рыночных механизмов [Там же].

В соответствии с долгосрочной стратегией, принятой на XIX съезде Коммунистической партии Китая (октябрь 2017 г.), главной целью определено превращение КНР к 2050 г. в «мощную процветающую социалистическую державу». Ее достижение планируется осуществить в два этапа. В ходе первого из них (2020–2035 гг.) намечено в основном завершить строительство «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». При этом к концу 2020 г. Китай должен в основном сформировать общество «сяокан» («малого благоденствия»), а к 2035 г. – занять лидирующие позиции среди государств с инновационной экономикой. По окончании второго 15-летнего срока (2035–

2050 г.) предполагается полностью реализовать идею «о великом возрождении китайской нации», что подразумевает усиление влияния КНР на политические и экономические процессы как в региональном, так и в глобальном масштабе. Экономический блок данной стратегии – всестороннее продвижение реформ, повышение уровня жизни населения, формирование экологической культуры. Первоочередной задачей названа модернизация национальной экономики, предусматривающая переход от высоких темпов роста за счет дешевой рабочей силы и массивных инвестиционных вливаний к качественному росту на основе инноваций [32].

Новые цели развития предполагают умеренно быстрые темпы роста ВВП (от 6,5 до 7,0 % в год), достигаемые главным образом за счет увеличения потребительского спроса, расширения масштабов внутреннего рынка и потребления. Главным стимулом развития вместо прежней опоры на дешевую рабочую силу и ресурсы становятся инновации [105. С. 42].

Действительно, в 2014–2019 гг. Китай демонстрирует устойчиво высокие темпы роста, почти в 2 раза превышающие мировые. В структуре ВВП Китая происходят существенные сдвиги, связанные прежде всего с повышением значения внутреннего спроса и конечного потребления как основных драйверов роста. Это обусловлено действием целого ряда факторов, включая повышение заработной платы, создание новых рабочих мест, снижение безработицы, уменьшение численности населения за чертой бедности, и, как следствие, повышением располагаемых доходов в расчете на душу населения. В конечном итоге доля конечного потребления в ВВП выросла с 49,8 % в 2013 г. до 58,8 % в 2017 г. Налицо неуклонное продвижение Китая к переходу на новые факторы развития, ставшее особенно заметным в 2017 г. [Там же. С. 48–49].

В 2018 г. размер ВВП в расчете на душу населения вырос на 6,1 % – до 64 644 юаней (9 768,8 долл.). Валовой национальный доход по итогам года достиг 89,69 трлн юаней (+6,5 % к 2017 г.). Всеобщая производительность труда в расчете на душу населения составила 107 327 юаней (+6,6 %). Таким образом, значения указанных выше базовых макроэкономических показателей оказались соразмерны темпам роста ВВП (+6,6 %), что в определенной мере свидетельствует о стабильном и скоординированном экономическом развитии страны. Закрепилась роль потребления как главного драйвера экономического роста [32].

Анализ основных экономических показателей КНР (стабильные темпы экономического роста, стабильный уровень безработицы (около 5 %), снижение потребительских цен и др.) свидетельствует, что острые кризисные ситуации в Китае не наблюдаются и не ожидаются. Китайские исследователи выдвигают тезис о выходе КНР на новый улучшенный экономический уровень развития, который будет отличаться углубленной диверсификацией производства и усовершенствованным технологическим уровнем. При этом сектор услуг и высокотехнологичный сектор промышленности станут основными факторами роста в рамках нового экономического цикла Китая [160. С. 3257]. Так, уже сегодня Китай признается лидером в роботизации производства. За последние годы китайские компании увеличили инвестиции в высокотехнологичные разработки по всему миру, и, как результат, с 2013 г. китайский рынок промышленных роботов, по данным International Federation of Robotics, стал крупнейшим в мире. При этом к 2020 г. в Китае будет в среднем уже 150 роботов на 10 тыс. промышленных рабочих мест, что втрое больше, чем в 2015 г. [133. С. 290].

Расширение внутреннего рынка при ограничении экспортных возможностей в условиях кризиса возможно только путем повышения доходов населения и увеличения доли потребления в национальном доходе страны [121. С. 18]. Экономический рост в КНР, основанный на росте внутреннего потребления и уровня жизни населения, позволил решить острую и сложную проблему – бедность, особенно среди сельского населения (табл. 2.5). В 2013 г. численность бедного сельского населения КНР составляла более 82 млн чел., а в 2019 г. она снизилась почти в 15 раз и составила 5,5 млн чел.

Таблица 2.5

Уровень бедности сельского населения КНР
на конец года в 2013–2019 гг.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бедность сельского населения, тыс. чел.	82 490	70 170	55 750	43 350	30 460	16 600	5 510

Источник: [236].

В 2010 г. был в очередной раз пересмотрен показатель «линии бедности», который составил 2 300 юаней (340 долл.) на человека в

год, или около 1 долл. в день. В то время проживающих ниже «линии бедности» насчитывалось 165,7 млн чел. (17,2 % населения страны). Большую часть проживающих ниже «линии бедности» составляли крестьяне [121. С. 15].

В 2018 г. 58,52 % населения страны являлись городскими жителями. Заметно вырос уровень жизни в городе и деревне не только по сравнению с первым годом реформы (1978 г.), но и с 2000 г. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах в конце 2016 г. – 67 569 юаней в год, или 5 630 юаней в месяц (около 56 тыс. р.), – Китай уже обогнал Россию (примерно 30 тыс. р.), хотя еще в 2010 г. его отставание от РФ по среднему уровню заработной платы было заметное – 36 539 юаней в год (около 3 000 юаней в месяц – примерно 18–20 тыс. р. в месяц по курсу юаня к рублю на тот период). Как было отмечено в документах 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва (март 2018 г.), системой социального страхования в Китае уже охвачено 900 млн чел., а различными видами медицинского страхования – 1 300 млн чел. Кроме того, в рамках борьбы с бедностью были повышены дотации для сельского и неработающего населения с 240 до 450 юаней на человека [123. С. 17].

Уровень бедности снизился с 5,7 % в 2015 г. до 0,6 % в 2019 г. [236]. Соответственно, располагаемый доход на душу населения вырос с 16 510 юаней в 2012 г. до 32 189 юаней в 2020 г. (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Национальное потребление на душу населения в КНР

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Располагаемый доход на душу населения, юаней	16 510	18 311	20 167	21 966	23 821	25 974	28 228	30 733	32 189
Прирост к предыдущему году, %	10,6	8,1	8,0	7,4	6,3	7,3	6,5	5,8	4,7

Источник: [236].

Особенно заметно вырос уровень жизни населения КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2019 гг.). При этом постепенно сокращается существующий разрыв в уровне доходов городского и сельского населения. В 2015 г. доход на душу населения в городах составил 26 467 юаней в год (4 255 долл.), а в деревнях – 9 430 юаней (1 516 долл.), к 2019 г. эти показатели как в городе, так и в деревне заметно увеличились. В частности, в 2019 г. реальный прирост среднедушевых располагаемых доходов городского населения составил 7,9 % (42 359 юаней в год (6 229 долл.)), а сельского – 10,1 % (16 021 юань в год (2 356 долл.)) [122].

Несмотря на пандемию COVID-19, в феврале 2021 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил об искоренении крайней нищеты в Китае. Ежегодно с 2012 г. из бедности в среднем выводилось более 10 млн неимущих людей. За эти восемь лет последние 98,99 млн бедных сельских жителей, живущих за нынешней чертой бедности, вырвались из бедности. Все 832 бедных уезда и 128 000 бедных деревень были исключены из списка бедных [259].

Безусловно, в социально-экономическом развитии КНР много проблем, которые могут затруднить поддержание высоких темпов развития. К числу наиболее значимых проблем можно отнести следующие:

1. Ухудшение *внешнеполитических условий* реализации долгосрочных планов социально-экономического развития (из-за усиления противоречий во всех сферах с США). Китай в 2018 г. столкнулся с серьезной проблемой, связанной с активизацией США политики всестороннего сдерживания роста экономической и политической мощи Пекина на мировой арене (ужесточение тарифных ограничений против импортируемых из Китая товаров в целях устранения дисбаланса в торговле под предлогом его «многолетней несправедливой торговой практики» и активного хищения китайцами американской интеллектуальной собственности). Ограничения направлены в основном против высокотехнологичного сектора Китая (ИТ-индустрия, аэрокосмическая и судостроительная промышленность, автомобили на новых источниках энергии, электроэнергетика, робототехника, биофармацевтика и медицинское оборудование). Китайско-американское противостояние в торговой сфере стало значимым фактором ухудшения макроэкономической ситуации в КНР, что особенно сильно проявилось во второй половине 2018 г. В целях минимизации негативных последствий действий США во

внешнеэкономической сфере Китай ускорил переориентацию на альтернативные экспортно-импортные рынки, главным образом развивающихся стран, вовлеченных в реализацию стратегической инициативы «Один пояс – один путь» [32].

2. Одной из главных проблем КНР является *нехватка основных энергоресурсов*. По-прежнему доля каменного угля в энергетическом балансе страны составляет свыше 60 %. При этом производство нефти за последние годы сократилось до 190 млн т при росте ее импорта до 461 млн т, а производство природного газа – 160 млрд м³ – также не удовлетворяет растущие потребности экономики, и импорт природного газа уже вырос до 90 млрд м³ [121. С. 12].

3. Третья проблема в значительной степени обусловлена второй. В результате преобладания каменного угля в энергетическом балансе острой проблемой для Китая стало *загрязнение окружающей среды*. Данная ситуация выступает одной из причин необходимости перехода экономики Китая на инновационный путь развития с учетом решения экологических вопросов.

4. Не менее острой проблемой является *старение населения*. Китай характеризуется огромной его численностью – почти 1,4 млрд чел. Большая часть населения родилась до начала реформ в 1978 г., в ходе которых в стране стали повсеместно проводить в жизнь политику однодетной семьи. В результате в настоящее время значительная часть населения вышла за пределы трудового возраста, и возникает проблема их замещения родившимся позднее новым поколением рабочей силы. Не случайно китайское руководство в рамках демографической политики взяло курс вместо однодетной семьи на двухдетную [121]. Доля населения Китая в возрасте старше 65 лет в 2005 г. составляла всего 7,7 % населения, а к 2020 г. увеличилась до 13,5 % [236].

Несмотря на проблемы развития, в XXI в. Китай добился заметных успехов в социально-экономической сфере. Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от плановой экономики дал свои результаты, выраженные в высоких средних темпах роста ВВП, увеличении потребительских доходов населения при сохранении низкого уровня инфляции [122]. Имеющиеся на банковских счетах у большинства предприятий и населения финансовые средства являются своего рода подушкой безопасности, а объем денежных средств на счетах в банках на 40 трлн юаней больше объема выданных банковских кредитов [121. С. 25]. Исследователи

полагают, что в обозримом будущем Китаю не грозит экономический кризис. Текущие экономические риски не несут серьезной угрозы стабильному экономическому развитию, о чем свидетельствуют высокие темпы роста ВВП по сравнению с другими странами мира, финансовая система стабильна, государственный долг умеренный. Макроэкономические условия для развития предпринимательства (в том числе малого и среднего) в Китае можно оценить как стабильные и в целом благоприятные.

2.2. Динамика развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в 2000–2020 годах

Количественный анализ развития малого бизнеса в России за 20-летний период связан с рядом ограничений исходных данных, затрудняющих построение сопоставимых динамических рядов данных. Указанное обстоятельство отмечается исследователями малого бизнеса [91]. Следовательно, прежде чем попытаться сформировать статистические данные, зафиксируем имеющиеся ограничения:

1. С 1995 г. в России несколько раз менялось законодательство, регулирующее малое предпринимательство и критерии отнесения хозяйствующих субъектов к малым предприятиям. В настоящее время к сектору МСП относятся как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели, а по размеру выделяются микропредприятия, малые и средние предприятия (см. разд. 1.4). При этом до 2007 г. в России определяли только субъектов малого предпринимательства – малые предприятия, а категорий «микропредприятие» и «среднее предприятие» не существовало, соответственно, статистика по ним отсутствует [Там же. С. 93]. Понятия «микропредприятия» и «средние предприятия» введены Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Фактически информация по микропредприятиям и средним предприятиям появляется в данных Росстата с 2010 г.

2. Изменение критериев отнесения предприятий к субъектам МСП сказывалось на количественных показателях, характеризующих развитие сектора МСП [30. С. 3890]. Так, в 2015 г. была увеличена допустимая доля участия иностранных юридических лиц и предприятий, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, в уставном капитале с 25 до 49 %, в 2016 г. были увеличены в 2

раза предельные значения по выручке, а также исключены совместители и работающие по договорам гражданско-правового характера из числа сотрудников при определении критериев отнесения к МСП. Это позволило существенно повысить статистически число малых и средних предприятий в России, так как фирмы, ранее считавшиеся крупными, теперь вошли в состав сферы МСП. Соответственно, возросли и основные показатели, используемые как целевые для оценки уровня развития сферы МСП, прежде всего показатели по обороту, занятости, инвестициям [91. С. 94]. Следует учитывать данные факты при интерпретации динамики сектора МСП.

3. Данные о динамике развития МСП собираются Росстатом. Публикуется статистический сборник «Малое и среднее предпринимательство», информация о развитии малого бизнеса присутствует в ежегодниках «Россия в цифрах», на сайте Росстата в разделе «Институциональные преобразования» представлена информация о показателях субъектов МСП (численность, оборот и др.) в разрезе видов экономической деятельности и субъектов РФ с 2011 по 2016 г. Важно отметить, что источником данных Росстата являются сплошные (2010, 2015 и 2020 гг.) и выборочные обследования. По итогам выборочных обследований данные экстраполируются на всю генеральную совокупность с определенной ошибкой [30. С. 3890]. В те годы, когда проводятся сплошные обследования, выборочные обследования не осуществляются. Исследователями отмечается, что это приводит к разрыву в рядах данных из-за различий в методике сбора информации [91. С. 106]. При формировании ряда данных и их интерпретации следует учитывать, что особенности данных за 2010 и 2015 гг. могут быть вызваны спецификой сбора данных (сплошное обследование).

4. В информации Росстата существуют пробелы и пропуски. Так, при публикации данных по выборочным обследованиям МСП в ежегодниках «Россия в цифрах» опускаются сведения о микропредприятиях и средних предприятиях, а на сайте Росстата в разделе «Институциональные преобразования» отсутствуют данные о количестве субъектов МСП (кроме средних предприятий). Данные из сборника «Малое и среднее предпринимательство» могут расходиться с данными из таблиц с сайта Росстата. Информация по некоторым показателям доступна только в каком-то одном из источников, что затрудняет процесс сбора данных для мониторинга состояния сферы МСП [Там же. С. 105]. Отмечая недостатки официальной статистики Росстата, некоторые исследователи обращаются к открытым данным ФНС РФ [30].

5. Создание и введение в действие с 1 августа 2016 г. Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, оператором которого является ФНС, представляет большую ценность для исследования предпринимательства. Данные ЕРСМСП позволяют получить открытую информацию о количестве субъектов МСП по всему их перечню, среднесписочной численности, количеству вновь созданных предприятий и ряд других показателей. Информация представляется на десятое число каждого месяца. Анализ показывает расхождение данных, представленных в ЕРСМСП, и данных Росстата [91. С. 105–107]. Исследователи отмечают особенность ЕРСМСП, ограничивающую возможности его использования для анализа: реестр содержит данные как по действующим малым и средним предприятиям, так и по тем, которые прекратили деятельность, не сдают отчетность или перестали соответствовать критериям отнесения к субъектам МСП. «Очистка» реестра от предприятий, не сдавших отчетность, происходит в августе каждого года, поэтому есть мнение, что использование помесечных данных не вполне корректно, а для сравнения динамики следует применять данные ЕРСМСП за август каждого года [53. С. 34–35].

6. Статистический учет сектора МСП в значительной мере затруднен высокой долей теневых и полулегальных форм активности [134. С. 512]. В настоящем исследовании мы ограничиваемся анализом официальной информации, так как теневая активность МСП требует самостоятельного изучения.

Таким образом, следует согласиться с исследователями Института Гайдара в том, что одна из основных проблем исследования сектора МСП связана с отсутствием надежных и сопоставимых статистических данных за достаточно длинный период, что вызвано изменениями в законодательстве, несоответствием данных, собираемых различными ведомствами (Росстатом и Единым реестром субъектов МСП), а также несовершенством и изменением методики сбора статистической информации [91. С. 104]. Тем не менее для цели получения общего представления о динамике сектора МСП в новом тысячелетии необходимо рассмотреть данные официальной государственной статистики с учетом выявленных ограничений. Представляется, что для анализа динамики сектора МСП с 2017 г. следует отдать предпочтение данным ЕРСМСП.

На 10 января 2020 г. в России насчитывалось почти 6 млн субъектов МСП (5 916 906, по данным ЕРСМСП) [48]. Более половины

субъектов МСП составляют индивидуальные предприниматели (3 388 195, или 57,3 %), менее половины (42,7 %) – юридические лица. По величине предприятий и среди юридических лиц, и среди индивидуальных предпринимателей преобладают микропредприятия (2 314 128 и 3 361 628 соответственно). В целом сектор МСП – это прежде всего микропредприятия, их доля составляет 95,9 %, малых предприятий – 3,8 %, средних предприятий всего 0,3 %. Среднесписочная численность работников, занятых в секторе МСП, на 10 января 2020 г. составила 15 321 788 чел., что составляет 21,3 % от численности занятого населения [149]. По некоторым оценкам, с 1995 г., когда впервые в официальных источниках появляются данные об институциональных преобразованиях – приватизации и развитии малых предприятий, количество субъектов МСП увеличилось в 7 раз, показатель среднесписочной численности занятых у субъектов МСП за 25 лет вырос примерно в 2,5 раза [30. С. 3892].

Для выявления динамики малого предпринимательства в 2000–2019 гг. (табл. 2.7, рис. 2.1) использованы данные Росстата.

Таблица 2.7

Динамика развития сектора малого бизнеса в 2000–2019 гг.
(малые предприятия и микропредприятия)*

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2010
Количество малых предприятий, тыс.	879,3	843,0	882,3	890,9	953,1	979,3	1 032,8	1 137,4	1 621,8
Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество малых предприятий, тыс.	1 836,4	2 003,0	2 063,1	2 103,8	2 222,4	2 770,5	2 754,6	2 659,9	2 511,9**

* Составлена по: [176].

** Данные на 10 января 2020 г. [48].

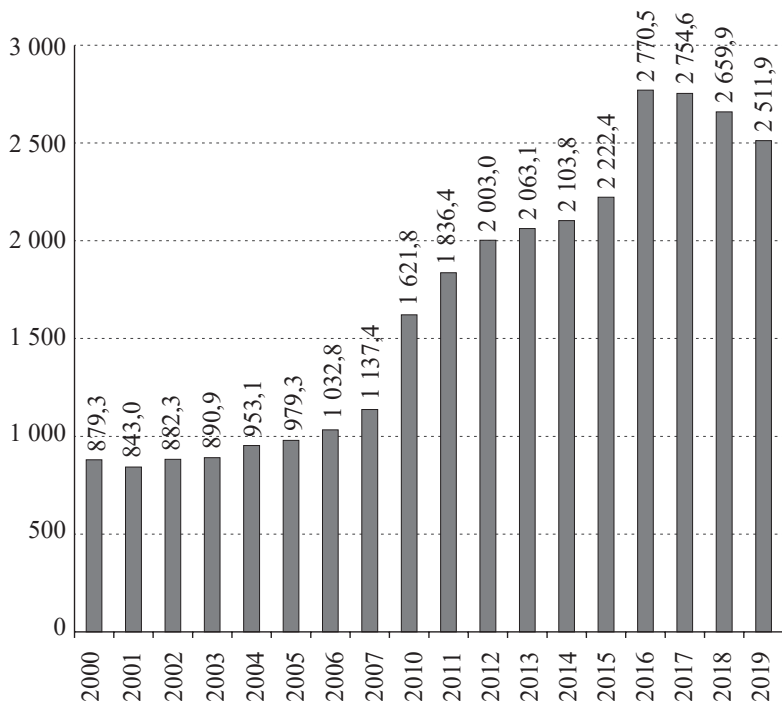

Рис. 2.1. Динамика количества малых предприятий (включая микропредприятия) в РФ в 2000–2019 гг. (юридические лица), тыс.

Составлен по данным табл. 2.7

До 2007 г. статистикой фиксировались данные по малым предприятиям без выделения микро- и средних предприятий. По критерию отнесения предприятий к малому бизнесу (численность) микропредприятия безусловно вошли в статистику малых предприятий. Данные за 2008 и 2009 гг. отсутствуют на сайте Росстата, а с 2010 г. в табл. 2.7 и на рис. 2.1 приведены данные Росстата о количестве малых предприятий (включая микропредприятия). Учитывая, что средние предприятия в секторе МСП составляют очень малую долю, можно сказать, что представленный динамический ряд с большой степенью достоверности отражает общие тенденции развития малого бизнеса в России в XXI в. (юридические лица).

Количество предприятий малого бизнеса в 2000–2019 гг. увеличилось в 2,8 раза. Рост числа малых предприятий с 2007 к 2010 г. на 40 % (за три года) и с 2015 по 2016 г. на 24 % (за год) может быть связан с двумя причинами. Во-первых, сказалось влияние активизации государственной политики в отношении малого бизнеса. Так, в 2007 г. принят федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ [110], в соответствии с которым стали активно финансироваться меры поддержки МСП. В 2016 г. утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года [166] и начата реализация приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [130]. В качестве второй причины следует указать эффект изменения критериев отнесения предприятий к сектору МСП и несовершенство статистического учета. Влияние изменения критериев отнесения предприятий к МСП отмечается многими исследователями. Так, О. Ю. Гончарова считает, что количественный рост числа малых предприятий за счет изменения критериев отмечался неоднократно в течение последних 30 лет (например, после принятия постановления Правительства РФ «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» от 13 июля 2015 г. № 702 часть среднего бизнеса была отнесена к малому) [34. С. 2292].

Структура субъектов МСП – юридических лиц по размеру (микропредприятия, малые и средние предприятия) может быть проанализирована в динамике на основании данных сплошных обследований Росстата в 2010 и 2015 гг., открытых данных Росстата (раздел сайта «Институциональные преобразования в экономике»), а также данных ЕРСМСП за 2019 г. (табл. 2.8).

Данные табл. 2.8 свидетельствуют, что рост числа субъектов МСП – юридических лиц с 2010 по 2015 г. составил 37,8 %, а в следующее пятилетие (с 2015 по 2019 г.) – только 12,6 %. Общее замедление роста российской экономики негативно отразилось и на темпах роста малого и среднего предпринимательства. С 2010 по 2019 г. сектор МСП вырос в 1,55 раза. При этом наибольшие темпы роста показывают микропредприятия: их количество за десятилетие увеличилось в 1,66 раза. Количество малых предприятий возросло с 2010 по 2015 г. на 10,4 %, но затем к 2019 г. снизилось на 18,5 %, а общее снижение за десятилетие составило 9 %.

Таблица 2.8

Динамика структуры субъектов МСП по размеру (юридические лица)*

Субъекты МСП	2010		2015		2019***	
	Количество, тыс.	Доля в общем количестве, %	Количество, тыс.	Доля в общем количестве, %	Количество, тыс.	Доля в общем количестве, %
Микропредприятия	1 392,6	85,4	1 990,0	88,6	2 314,1	91,6
Малые предприятия	219,7	13,5	242,7	10,8	197,8	7,8
Средние предприятия**	18,1	1,1	13,8	0,6	16,7	0,6
<i>Всего</i>	1 630,4	100,0	2 246,5	100,0	2 528,6	100,0

* Составлена по: [163].

** Данные о средних предприятиях: [61].

*** Данные на 10 января 2020 г. [48].

Количество средних предприятий также уменьшается. С 2010 по 2015 г. число средних предприятий сократилось на 23,7 %, затем к 2019 г. возросло на 21,0 %. Общее снижение количества средних предприятий с 2010 по 2019 г. составило 7,7 %. Таким образом, рост количества малых и средних предприятий произошел исключительно за счет микропредприятий. Это закономерно отразилось на увеличении доли микробизнеса в структуре субъектов МСП: если в 2010 г. эта доля составляла 85,4 %, то в 2019 г. – 91,6 %. Доля малых предприятий снизилась с 13,5 до 7,8 %, а средних – с 1,1 до 0,6 %. Сектор МСП все в большей степени представляет собой микробизнес, возможности его развития и масштабирования недостаточны.

Роль МСП в обеспечении занятости населения весьма высока. Для анализа использованы данные Росстата о среднесписочной численности работников, занятых в малом бизнесе (микропредприятия и малые предприятия) в 2002–2018 гг. (табл. 2.9), а также данные ЕР-СМСП о среднесписочной численности средних предприятий в 2016–2019 гг. (табл. 2.10).

Численность занятых на микропредприятиях и малых предприятиях (юридические лица) с 2002 по 2019 г. возросла на 55,1 % и составила более 11 млн чел. Тренд для анализа численности занятых на средних предприятиях более короткий, и динамика отрицательная: с 2016 по 2019 г. среднесписочная численность сократилась на 12,8 % и составила 1,67 млн чел. Данные тенденции в целом соответствуют выявленной динамике количества предприятий МСП.

Таблица 2.9

Динамика среднесписочной численности занятых в малом бизнесе в 2002–2019 гг. (микропредприятия и малые предприятия), тыс. чел.*

Показатель	2002	2003	2004	2005
Среднесписочная численность	7 220,3	7 433,1	7 815,1	8 045,2
Показатель	2006	2007	2010	2011
Среднесписочная численность	8 582,8	9 239,2	9 775,4	10 421,9
Показатель	2012	2013	2014	2015
Среднесписочная численность	10 755,7	10 775,2	10 789,5	10 365,2
Показатель	2016	2017	2018	2019**
Среднесписочная численность	10 055,9	10 854,7	10 719,9	11 197,5

* Составлена по: [176].

** Данные на 10 января 2020 г. [48].

Таблица 2.10

Динамика среднесписочной численности занятых на средних предприятиях в 2016–2019 гг., тыс. чел.

Показатель	На 10 января 2017 г.	На 10 января 2018 г.	На 10 января 2019 г.	На 10 января 2020 г.
Среднесписочная численность	1 918 904	1 943 440	1 782 210	1 673 683

Источник: [48].

Важной характеристикой экономической деятельности МСП является показатель оборота предприятий. Динамика оборота малого бизнеса (включая микропредприятия) с 2011 по 2019 г. представлена в табл. 2.11.

Оборот малого бизнеса (юридические лица) возрос за восемь лет в 2,3 раза – с 22 610,2 до 52 963,9 млрд р. (в фактически действовавших ценах). Рост оборота сопоставим с темпами увеличения количества предприятий и с учетом инфляции характеризует отсутствие роста эффективности малого бизнеса.

В табл. 2.12 представлены показатели оборота в разрезе субъектов МСП по размеру, источниками данных стали статистические сборники 2010 и 2019 гг. выпуска, посвященные развитию малого и среднего бизнеса в России.

Таблица 2.11

Динамика оборота малых предприятий (включая микропредприятия) в 2011–2019 гг. в фактически действовавших ценах, млрд р.*

Показатель	2011	2012	2013	2014
Оборот малых и микропредприятий	22 610,2	23 463,7	24 781,6	26 392,2
Показатель	2016	2017	2018	2019
Оборот малых и микропредприятий	38 877,0	48 459,2	53 314,2	52 963,9

* Составлена по: [176].

Таблица 2.12

Динамика оборота сектора МСП (юридические лица) в 2010–2018 гг. в фактически действовавших ценах, млрд р.*

Субъекты МСП	Оборот по годам		
	2010	2017	2018
Микропредприятия	26 350,0	20 872,8	23 888,6
Малые предприятия		27 586,4	29 425,6
Средние предприятия		7 303,0	7 464,6
Весь сектор МСП (юридические лица)	26 350,0	55 762,2	60 778,8

* Составлена по: [87; 90].

В сборнике 2010 г. оборот представлен в целом по субъектам МСП – юридическим лицам. В целом оборот сектора МСП (юридические лица) вырос с 2010 по 2019 г. в 2,3 раза. За 2017–2018 гг. оборот сектора МСП увеличился на 9 %, при этом прирост оборота микропредприятий составил 14,4 %, малых предприятий – 6,7 %, средних предприятий – 2,2 %. Рост производительности труда на средних предприятиях за 2017–2018 гг. составил 5,4 %. Рост производительности труда работников малых предприятий (включая микропредприятия) составил за 2017–2018 гг. 11,4 %. Данные о динамике оборота и производительности труда подтверждают ранее сделанные выводы о более динамичном развитии микропредприятий и малых предприятий.

Важной характеристикой сектора МСП является его отраслевая структура. Историческое развитие малого предпринимательства в России привело к формированию деформированной отраслевой структуры малого бизнеса, в которой почти половина предприятий

функционировала в сфере торговли. По данным Росстата о числе малых предприятий по отраслям экономики [150], в 2000 г. в сфере торговли и общественного питания действовало 46,3 % малых предприятий (включая микропредприятия), в 2004 г. эта доля осталась прежней (46,3 %). Доля малых предприятий в промышленности за четыре года сократилась с 15,3 до 13,4 %, в строительстве – с 14,4 до 12,7 %.

В 2005 г. дифференциация отраслей народного хозяйства была отменена и введен перечень видов экономической деятельности. В табл. 2.13 представлена динамика структуры малых предприятий (юридические лица, включая микропредприятия) по данным сплошного статистического наблюдения сектора МСП в 2005, 2010 и 2015 гг. Данные табл. 2.13 позволяют сделать вывод, что доля малых предприятий, занятых в оптовой и розничной торговле, с 2005 по 2015 г. снизилась с 45,8 до 36,1 %. Сократилась доля малых предприятий в обрабатывающих производствах (с 12,3 до 9,5 %). Не произошло значимого изменения доли малых предприятий в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, строительстве, сфере финансовой деятельности, образования и здравоохранения и др. Возросла значительно доля малых предприятий в сфере операций с недвижимым имуществом (с 15,5 до 22,7 %). Увеличилась доля малых предприятий на транспорте (с 4,5 до 6,9 %), в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса (с 2,0 до 3,0 %).

Таблица 2.13

Динамика структуры предприятий малого бизнеса
(включая микропредприятия) по видам экономической деятельности*

Вид экономической деятельности	Доля малых предприятий, %		
	2005	2010	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,7	3,8	2,5
Рыболовство, рыбоводство	0,2	0,2	0,2
Добыча полезных ископаемых	0,4	0,3	0,4
Обрабатывающие производства	12,3	9,5	9,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,3	0,6	0,6
Строительство	11,2	11,1	11,8

Окончание табл. 2.13

Вид экономической деятельности	Доля малых предприятий, %		
	2005	2010	2015
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	45,8	38,2	36,1
Гостиницы и рестораны	2,0	2,9	3,0
Транспорт и связь	4,5	6,1	6,9
Финансовая деятельность	1,3	1,5	1,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	15,5	21,4	22,7
Образование	0,3	0,3	0,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,1	1,4	1,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,4	2,7	2,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

* Составлена по: [176].

Таким образом, структура малых предприятий по видам экономической деятельности претерпевает определенные изменения. Доля предприятий в промышленности и сельском хозяйстве сокращается, в строительстве – стабильна, на транспорте – небольшой рост. При снижении доли предприятий торговли растет сектор оказания иных услуг – операций с недвижимым имуществом, гостиниц и ресторанов и др. Доля производственного сектора в малом бизнесе уменьшается.

Отраслевая структура средних предприятий имеет значительные особенности. В табл. 2.14 представлена структура средних предприятий по видам экономической деятельности в 2010 и 2015 гг. В числе средних предприятий больше тех, которые заняты в сферах с более высокой добавленной стоимостью (обрабатывающие производства, сельское хозяйство). В структуре средних предприятий значительно ниже доля торговых организаций, но данная доля растет (24,1 % в 2010 г. и 29,5 % в 2015 г.). Значительно выше по сравнению с малыми предприятиями доля средних предприятий в сельском хозяйстве, но она снижается (с 18,9 до 14,0 %).

Таблица 2.14

Структура предприятий среднего бизнеса по видам
экономической деятельности в 2010 и 2015 гг.*

Вид экономической деятельности	Доля средних предприятий, %	
	2010	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	18,9	14,0
Рыболовство, рыбоводство	0,4	0,4
Добыча полезных ископаемых	1,6	1,6
Обрабатывающие производства	22,7	23,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,1	2,4
Строительство	12,5	10,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	24,1	29,5
Гостиницы и рестораны	1,5	0,9
Транспорт и связь	5,3	5,8
Финансовая деятельность	0,0	0,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,9	9,1
Образование	0,0	0,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,9	1,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,9	1,1
<i>Всего</i>	100,0	100,0

* Составлена по: [176].

Доля предприятий обрабатывающей промышленности в общем числе средних предприятий высока и несколько увеличилась (с 22,7 до 23,2 %). Несколько снизилась доля средних предприятий в строительстве (с 12,5 до 10,6 %) и повысилась на транспорте (с 5,3 до 5,8 %). Несколько возросла доля средних предприятий, работающих в сфере операций с недвижимым имуществом (с 8,9 до 9,1 %).

Современное состояние структуры субъектов МСП по видам экономической деятельности (новый перечень) по данным Росстата представлено в табл. 2.15. Главные тенденции изменения структуры МСП подтверждаются и данными за 2017–2018 гг. Основная сфера активности МСП – торговля (в 2018 г. – 34,8 % малых и микропред-

приятий и 26,4 % средних предприятий). Доля предприятий обрабатывающей промышленности стабильна, ее снижение прекратилось: среди малых предприятий – 8,4 %, средних – 25,6 %. Продолжается медленное сокращение доли сельскохозяйственных предприятий (в 2018 г. – 2,0 % малых предприятий, 12,5 % средних). Доля строительных предприятий относительно стабильна. В сфере транспортировки и хранения доля малых предприятий стабильна, а доля средних предприятий снижается.

Таблица 2.15

Структура субъектов МСП (юридические лица) по видам
экономической деятельности в 2017–2018 гг.

Вид экономической деятельности	Малые предприятия				Средние предприятия	
	Всего		В том числе микропредприятия			
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2,0	2,0	1,9	1,9	12,8	12,5
Добыча полезных ископаемых	0,4	0,4	0,4	0,4	1,6	1,7
Обрабатывающие производства	8,2	8,4	7,8	8,0	25,5	25,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,4	0,4	0,4	0,4	1,2	1,8
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,7	0,6	0,6	0,6	0,9	0,9
Строительство	12,5	12,7	12,5	12,8	12,0	11,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	36,2	34,8	36,4	35,0	26,8	26,4
Транспортировка и хранение	6,5	6,6	6,6	6,7	5,0	4,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,8	2,8	2,7	2,7	1,0	1,0

Окончание табл. 2.15

Вид экономической деятельности	Малые предприятия				Средние предприятия	
	Всего		В том числе микропредприятия			
			2017	2018	2017	2018
Деятельность в области информации и связи	3,3	3,3	3,4	3,4	1,7	1,8
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	7,6	7,8	7,7	7,8	3,1	3,0
Деятельность профессиональная, научная и техническая	8,9	9,0	9,3	9,4	3,7	3,9
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	4,8	4,8	4,7	4,7	2,9	3,0
Образование	0,4	0,4	0,4	0,4	—	—
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,6	1,7	1,6	1,7	1,2	1,2
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,9	0,9	1,0	1,0	0,1	0,1
Предоставление прочих видов услуг	1,4	1,7	1,4	1,8	0,2	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [87].

Изменение перечня видов экономической деятельности не позволяет провести более подробный анализ динамики отраслевой структуры МСП, однако основные тенденции получают подтверждение.

С 2008 г. доступна статистика по индивидуальным предпринимателям – важному субъекту МСП. Как правило, Росстат представляет данные по ИП без деления по размеру бизнеса (микро-, малые и средние предприятия), но с 2017 г. такая статистика доступна в ЕР-СМСП. Общая динамика численности действующих ИП представлена на рис. 2.2.

При анализе тренда видно падение числа индивидуальных предпринимателей в 2015 г., в условиях санкций и падения курса рубля.

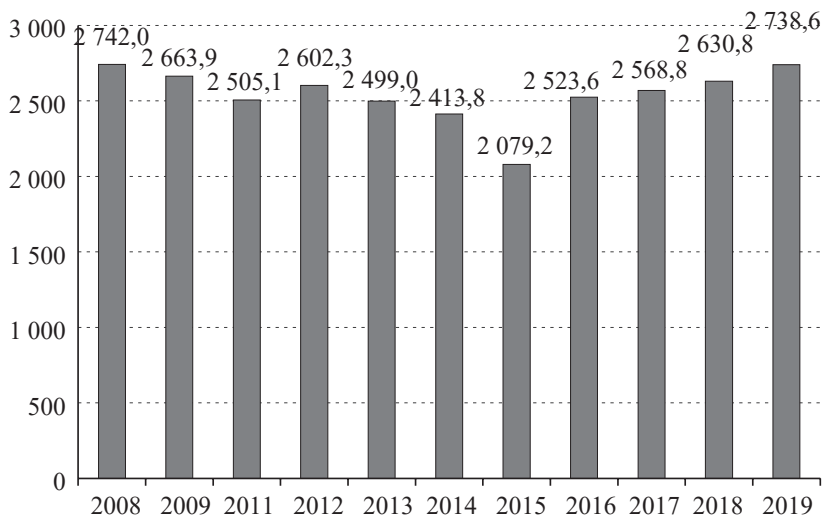

Рис. 2.2. Численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации в 2008–2019 гг., тыс. чел.

Составлен по: [61]

Последующее восстановление сектора позволило в 2019 г. практически достичь уровня 2008 г. по численности ИП. Изменение их количества прослеживается более четко, чем изменение числа субъектов МСП – юридических лиц, на статистические данные о котором оказало влияние изменение количественных значений критериев отнесения к МСП.

В табл. 2.16 представлены данные о динамике численности занятых у ИП и выручки ИП в 2008–2018 гг. Использованы данные, доступные на сайте Росстата (кроме 2010 и 2015 гг.), а также данные ЕРСМСП.

Динамика численности наемного персонала у ИП свидетельствует о резком падении численности в кризисном 2009 году и последующей ее стабилизации на более низком уровне. Если количество ИП к 2019 г. восстановилось до уровня 2008 г., то число наемных работников в сфере индивидуального предпринимательства в 2019 г. составило только 46,2 % от уровня 2008 г. Объем выручки данной сферы с 2008 по 2019 г. вырос в 2,4 раза.

Таблица 2.16

Динамика численности наемных работников в сфере индивидуального предпринимательства и выручки индивидуальных предпринимателей в 2008–2018 гг.

Показатель	2008	2009	2011	2012	2013
Численность наемных работников, занятых у ИП, тыс. чел.	5 306,5	2 914,9	2 245,9	2 213,9	2 096,5
Объем выручки, млрд р.	7 000,3	7 301,2	8 057,2	8 707,4	9 732,9
Показатель	2014	2016	2017	2018	2019
Численность наемных работников, занятых у ИП, тыс. чел.	2 435,7	2 469,3	2 525,5	2 647,3	2 450,5*
Объем выручки, млрд р.	10 447,5	12 369,2	14 102,5	15 003,8	16 725,4

Источник: [61].

* Данные на 10 января 2020 г. [48].

В табл. 2.17 представлена структура индивидуального предпринимательства по видам экономической деятельности в 2017–2019 гг. Почти половина ИП действует в сфере торговли, за три года изменения незначительны (в 2017 г. – 46,1 %, в 2019 г. – 46,9 %).

Таблица 2.17

Структура сферы индивидуального предпринимательства по видам экономической деятельности в 2017–2019 гг.

Вид экономической деятельности	Доля ИП, %		
	2017	2018	2019
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,4	4,1	5,1
Добыча полезных ископаемых	0,1	0,0	0,0
Обрабатывающие производства	4,7	4,5	7,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,0	0,0	0,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,2	0,2	0,2
Строительство	4,1	4,5	5,2

Окончание табл. 2.17

Вид экономической деятельности	Доля ИП, %		
	2017	2018	2019
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	46,1	43,8	46,9
Транспортировка и хранение	11,5	12,1	9,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,2	2,3	4,3
Деятельность в области информации и связи	2,5	2,9	2,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	5,4	5,7	4,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6,1	6,6	4,5
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,3	2,6	2,5
Образование	0,9	1,1	0,9
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,6	0,6	0,5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,2	1,4	1,3

Источник: [61].

Несколько выросла доля ИП в сельском хозяйстве (с 4,4 до 5,1 %), в обрабатывающих производствах (с 4,7 до 7,0 %), в гостиничном бизнесе и общественном питании (с 2,2 до 4,3 %). Снизилась доля ИП на транспорте (с 11,5 до 9,8 %), в сфере операций с недвижимым имуществом (с 5,4 до 4,3 %), в сфере профессиональной, научной и технической деятельности (с 6,1 до 4,5 %). В целом структура ИП близка структуре малых и микропредприятий – юридических лиц, однако доля торговых ИП выше (среди микро- и малых предприятий доля действующих в торговле в 2018 г. – 35 %).

Наиболее полно представить структуру российского МСП позволяет информация ЕРСМСП. В табл. 2.18 и 2.19 приведены данные реестра на начало календарного года начиная с 2017-го. Соответственно, эти данные характеризуют сектор МСП за 2016–2019 гг. по двум критериям: по размеру предприятия (микро-, малые и средние) и по типу (юридические лица и индивидуальные предприниматели). В табл. 2.18 и 2.19 содержатся сведения о количестве предприятий и среднесписочной численности работающих.

Таблица 2.18

Динамика количества субъектов МСП в 2016–2019 гг.

Субъекты МСП	На 10 января 2017 г.			На 10 января 2018 г.		
	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Микропредприятия	5 576 939	2 556 939	3 020 000	5 751 885	2 558 536	3 193 349
Малые предприятия	268 488	239 904	28 584	267 033	239 030	28 003
Средние предприятия	20 353	19 951	402	20 298	19 944	354
<i>Всего</i>	5 865 780	2 816 794	3 048 986	6 039 216	2 817 510	3 221 706
Субъекты МСП	На 10 января 2019 г.			На 10 января 2020 г.		
	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Микропредприятия	5 771 626	2 473 561	3 298 065	5 675 756	2 314 128	3 361 628
Малые предприятия	250 758	223 335	27 423	224 105	197 842	26 263
Средние предприятия	18 811	18 492	319	17 045	16 741	304
<i>Всего</i>	6 041 195	2 715 388	3 325 807	5 916 906	2 528 711	3 388 195

Источник: [48].

Таблица 2.19
Динамика среднесписочной численности работников субъектов МСП в 2016–2019 гг., чел.

Субъекты МСП	На 10 января 2017 г.			На 10 января 2018 г.		
	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Микропредприятия	6 463 949	4 945 176	1 518 773	7 029 955	5 453 682	1 576 273
Малые предприятия	7 432 979	6 575 528	857 451	7 099 040	6 316 502	782 538
Средние предприятия	1 958 821	1 918 904	39 917	1 977 586	1 943 440	34 146
<i>Всего</i>	15 855 749	13 439 608	2 416 141	16 106 581	13 713 624	2 392 957
Субъекты МСП	На 10 января 2019 г.			На 10 января 2020 г.		
	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Микропредприятия	7 522 729	5 859 566	1 663 163	7 429 623	5 740 626	1 688 997
Малые предприятия	6 538 893	5 803 721	735 172	6 189 172	5 456 929	732 243
Средние предприятия	1 811 967	1 782 210	29 757	1 702 993	1 673 683	29 310
<i>Всего</i>	15 873 589	13 445 497	2 428 092	15 321 788	12 871 238	2 450 550

Источник: [48].

По данным ЕРСМСП, с 2016 по 2019 г. фиксируется незначительный рост общего числа субъектов МСП (0,8 %), при этом количество субъектов МСП – юридических лиц сократилось на 10,2 %, а число ИП увеличилось на 11,1 %. Соответственно изменилась доля юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в структуре субъектов МСП: доля индивидуальных предпринимателей выросла с 51,9 до 57,3 %, а доля юридических лиц сократилась с 48,1 до 42,7 %.

Произошли изменения и в структуре субъектов МСП по размеру: с 2016 г. количество микропредприятий возросло на 1,8 % (в том числе количество микропредприятий – юридических лиц снизилось на 9,4 %, а число микропредприятий – ИП возросло на 11,3 %).

Число малых предприятий снизилось на 16,5 % (в том числе количество юридических лиц – на 17,5 %, ИП – на 8,1 %), а количество средних предприятий сократилось на 16,2 % (в том числе количество юридических лиц – на 16,1 %, ИП – на 24,4 %). Соответственно, произошли изменения в структуре микро-, малых и средних предприятий. Так, в структуре микропредприятий в 2016 г. юридические лица составляли 45,80 %, а ИП – 54,25 %. В 2019 г. доля юридических лиц среди микропредприятий снизилась до 40,8 %, а доля ИП возросла до 59,2 %. Доля малых предприятий в общем количестве субъектов МСП снизилась с 4,6 до 3,8 %, а доля средних – с 0,34 до 0,28 %.

Сокращение числа МСП в России исследователи связывают, во-первых, с падением реальных доходов населения и, как следствие, со снижением спроса на товары и услуги МСП, а во-вторых, с усилением налогового контроля (внедрением онлайн-касс, повышением НДС, борьбой ФНС России с фирмами-однодневками и незаконным дроблением бизнеса с целью ухода от налогообложения) [54. С. 72]. В то же время нисходящий тренд развития российского МСП в большей степени объясняется неблагоприятной бизнес-средой [126. С. 40].

На основании анализа официальной статистики и бизнес-демографии О. И. Образцовой и А. Ю. Чепуренко выявлено, что с 2005 г. по июль 2011 г. рождаемость организаций превалировала над смертностью, с 2011 г. соотношение рождаемости и смертности становится неустойчивым, предпринимательский потенциал в РФ то расширяется, то сокращается, затем, после кратковременного всплеска в 2015 г., резко падает, и расширение потенциала устойчиво сменяется его сокращением. В 2016 г. сектор МСП пересек черту депопуляции, и до настоящего времени этот процесс развивается с ускорением: в 2016–2017 гг. коэффициент расширения предпринимательского потенциа-

ла снижался в среднем на 30 % в год, в 2018 г. – уже на 45 %, в 2019 г. индикатор сократился более чем вдвое. Сокращение роста предпринимательской популяции в течение всего периода 2005–2020 гг. было обусловлено не только снижением рождаемости, но и быстрым ростом смертности малых предприятий: если до июля 2016 г. процессы их рождаемости и смертности шли за редким исключением в одном направлении и рождаемость превышала смертность, то в середине 2016 г. смертность начала расти опережающими темпами. Это свидетельствует об устойчивом и значимом снижении предпринимательской активности [114. С. 73–74].

Таким образом, сектор МСП все в большей мере представляют микропредприятия, при этом растет доля ИП, а доля юридических лиц сокращается. Можно предположить, что меры поддержки субъектов МСП – юридических лиц недостаточны, высокий уровень налогообложения и административные барьеры делают МСП в форме юридического лица все менее привлекательным для предпринимателей, выбирающих статус ИП с упрощенной системой налогообложения и меньшим количеством бюрократических ограничений.

Анализируя данные табл. 2.19 о среднесписочной численности работников в секторе МСП, следует отметить снижение численности наемного персонала с 2016 по 2019 г. на 3,4 %. Это закономерный результат роста доли ИП и доли микропредприятий в целом, так как средняя численность работников на таких предприятиях значительно ниже, чем на малых и средних.

Численность наемного персонала субъектов МСП – юридических лиц снизилась с 13,44 млн до 12,87 млн чел. (на 4,2 %). Число занятых у ИП возросло с 2,42 млн до 2,45 млн чел. (на 1,4 %). Доля работников, занятых у субъектов МСП – юридических лиц, возросла с 15,20 до 15,99 %.

Если рассматривать занятость в секторе МСП и долю занятых в нем в численности занятого населения РФ, то к количеству работающих по найму в секторе МСП следует прибавить численность фактически работающих ИП. В 2016 г. это 18 904 735 чел., в 2019 г. – 18 709 983 чел. Численность занятого населения в РФ, по данным Росстата [151], составила в 2016 г. 72 065 тыс. чел., а в 2019 г. – 71 933 тыс. чел. (снижение на 0,2 %). Доля занятых в секторе МСП, включая индивидуальных предпринимателей, в численности занятого населения РФ снизилась незначительно: с 26,2 % в 2016 г. до 26,0 % в 2019 г.

Рассматривая тренд развития сектора МСП в 2016–2019 гг., в целом нисходящий, сравним динамику оборота различных субъектов МСП (табл. 2.20).

Таблица 2.20

Оборот предприятий сектора МСП в 2016–2019 гг., млрд р.

Субъект МСП	2016	2017	2018	2019
<i>Оборот предприятий сектора МСП (юридические лица)</i>				
Микропредприятия	20 138,8	20 872,8	23 888,5	24 251,8
Малые предприятия	18 738,2	27 586,4	29 425,7	28 712,1
Средние предприятия	6 761,4	6 276,8	6 622,0	6 141,6
Весь сектор МСП (юридические лица)	45 638,4	54 736,0	59 936,2	59 105,5
<i>Выручка индивидуальных предпринимателей</i>				
ИП	12 369,2	14 102,5	15 003,8	16 725,5

Источник: [61].

Оборот субъектов МСП – юридических лиц увеличился за четыре года на 29,5 %. При этом рост оборота микропредприятий составил 20,4 %, малых предприятий – 53,2 %. Оборот средних предприятий снизился на 9,2 %. Выручка ИП возросла на 35,2 %. Таким образом, в наибольшей степени негативные тенденции стагнации и спада характерны именно для средних предприятий – юридических лиц.

Анализируя вклад сектора МСП в развитие экономики, обычно рассматривают показатель доли МСП в ВВП. Несмотря на принятые меры поддержки МСП и финансирование национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», доля сектора МСП в ВВП практически не меняется. Динамика доли МСП в ВВП России представлена на рис. 2.3. Последние пять лет она составляет около 20 %.

При рассмотрении развития сектора МСП в России отмечается неравномерность распределения субъектов МСП по территории страны [103]. Распределение малых и средних предприятий по субъектам Российской Федерации отражает общую структуру расселения в России. Наибольшее число малых и средних предприятий, по данным ЕРСМСП (на 10 января 2020 г.), сосредоточено в Центральном (31 % от общего числа МСП), Приволжском (18 %), Южном (12 %), Северо-Западном (12 %) и Сибирском (11 %) федеральных округах. Регионы с наибольшим количеством субъектов МСП – это

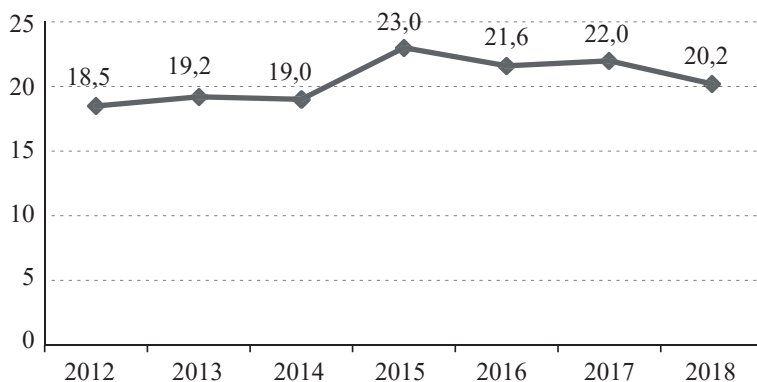

Рис. 2.3. Динамика доли сектора МСП в ВВП России, %

Источник: [33]

Москва (748 354), Санкт-Петербург (359 777), Московская область (354 974), Краснодарский край (276 897), Свердловская область (201 981), Ростовская область (174 209), Республика Татарстан (157 783), Новосибирская (145 025), Челябинская (140 093) и Нижегородская (127 339) области. Перечисленные регионы – это преимущественно регионы с крупными агломерациями и развитой сферой услуг. Данная региональная дифференциация устойчива: «рейтинг» регионов – лидеров по развитию МСП в 2017 г. [91. С. 115] остался неизменным и в 2019 г.

Значительная доля предприятий сектора МСП испытывает экономические трудности. Е. Г. Шеина и А. Ю. Серебрякова приводят данные о росте доли просроченной задолженности по кредитам МСП с 6,5 % в 2013 г. до 14,1 % в 2017 г. [198. С. 43]. С 2008 г. достаточно стабильна доля убыточных предприятий МСП (около 20 %). После кризиса 2008–2009 гг. наметилось некоторое сокращение доли убыточных малых предприятий до 17,7 % (табл. 2.21).

Таблица 2.21

Удельный вес убыточных малых предприятий в 2008–2012 гг., %

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Доля убыточных предприятий	21,1	23,8	20,7	18,7	17,7

Источник: [103. С. 489].

Однако в 2017–2018 гг. доля убыточных предприятий вновь демонстрирует рост и превышает 20 % для всех субъектов МСП – юридических лиц, а среди средних предприятий эта доля увеличилась с 20,8 % в 2017 г. до 22,3 % в 2018 г. (табл. 2.22).

Таблица 2.22

Удельный вес убыточных предприятий сектора МСП
(юридические лица) в 2017–2018 гг., %

Показатель	Малые предприятия (включая микропредприятия)		Микропредприятия		Средние предприятия	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Доля убыточных предприятий	20,1	20,3	20,0	20,1	20,8	22,3

Источник: [87].

Характеризуя динамику коэффициентов рождаемости и официальной ликвидации организаций МСП, Д. В. Завьялов, О. В. Сагинова и Н. Б. Завьялова отмечают, что с 2011 г. пропорции между вновь созданными и ликвидированными компаниями не меняются, и выделяют две возможные причины: во-первых, это отсутствие потенциала для развития и масштабирования малого бизнеса, во-вторых, имитация создания новых компаний (предприниматели постоянно закрывают и открывают свой бизнес, чтобы воспользоваться льготами для вновь созданных компаний и избежать плановых и внеплановых проверок) [52. С. 206].

Рассматривая причины низких темпов развития сектора МСП в России, исследователи отмечают, что значимыми сдерживающими факторами для предпринимательской активности выступают высокие инвестиционные риски и большое число экономических преступлений. Способствует развитию предпринимательства доступность банковских услуг и близость крупных рынков в сочетании с концентрацией человеческого капитала. Выявлена низкая значимость государственной поддержки для роста активности предпринимателей [11. С. 92].

Рассматривая итоги развития сектора МСП в России, О. Ю. Гончарова справедливо утверждает, что, несмотря на некоторый количественный рост показателей МСП (количество предприятий, численность занятых, оборот), в развитии МСП в стране остаются актуальные проблемы:

1. По количественным показателям российский сектор МСП в 3–4 раза отстает от экономически развитых стран Запада.

2. Отраслевая структура МСП остается деформированной с преобладанием торговых организаций, доля предприятий обрабатывающих отраслей мала.

3. Активность МСП в инновационной сфере (менее 9 % осуществляют значительные инвестиции в развитие) и внешнеэкономической деятельности (доля малых и средних предприятий в структуре российского экспорта – менее 0,5 %) низка.

4. Соотношение микро-, малого и среднего бизнеса, малых предприятий и индивидуальных предпринимателей неоптимально. Высока доля микробизнеса, индивидуальных предпринимателей и низка доля средних предприятий – эта структура не меняется многие годы. Соответственно, при такой структуре сектор МСП способен обеспечивать главным образом самозанятость населения [34. С. 2291–2292].

Указанные проблемы российского малого и среднего бизнеса отмечаются и другими исследователями [52; 88; 103; 134 и др.].

В качестве значимой проблемы отмечается высокая доля теневого предпринимательства. По некоторым оценкам, в теневом секторе российской экономики больше представителей малого и среднего бизнеса, чем в официальном [51]. С точки зрения перспектив развития МСП в России отмечается низкая выживаемость малого бизнеса, отсутствие мотивов к его росту и масштабированию [52. С. 204]. Проблемы развития МСП признаются в качестве причин невысокой экономической динамики. К таким проблемам относят ограничение для среднего и малого бизнеса доступа к финансированию, высоким технологиям, качественному человеческому капиталу, высокому налоговому бремени и неблагоприятные условия ведения бизнеса [35].

Можно согласиться с О. Ю. Гончаровой, считающей, что некоторый рост количественных показателей отечественного малого предпринимательства к 2017 г. не сопровождался его развитием в необходимом для общества направлении, что является следствием оторванности политики государства в отношении МСП от других направлений экономической и социальной политики [34. С. 2292]. Цель государственной политики в отношении МСП должна состоять не только в обеспечении количественного роста данного сектора экономики, но и в достижении значимых макроэкономических и социальных результатов (создание новых предприятий и новых рабочих мест, повыше-

ние инновационной активности и конкурентоспособности субъектов МСП, развитие отдельных регионов и отраслей и т. д.) [34].

В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года, принятой 9 июня 2016 г., поставлены амбициозные количественные критерии роста сектора МСП в России: увеличение оборота субъектов МСП на 250 %, повышение производительности труда в секторе МСП на 200 %, увеличение участия МСП в сфере обрабатывающей промышленности до 20 %, рост доли работающих в малом бизнесе до 35 % от всего занятого населения, а также доли МСП в ВВП страны до 40 % [166]. В то же время Стратегия содержит ряд ключевых принципов достижения базовых индикаторов, представляющих собой направленность государственной политики в сфере МСП. К числу этих принципов отнесены: приоритетность интересов малого бизнеса при принятии государственных решений, легализация МСП, адресная государственная поддержка МСП с большим потенциалом развития, формирование возможностей для опережающего развития МСП, а также обеспечение гарантированных и стабильных «правил игры» [134. С. 510]. Но, несмотря на активизацию государственной политики в отношении МСП с 2016 г., можно отметить, что за 2017–2019 гг. отмеченные выше проблемы малого и среднего бизнеса не только не были решены, но и усугубились:

- темпы роста количественных показателей МСП снизились;
- структура субъектов МСП характеризуется дальнейшим повышением доли микропредприятий и ИП, а доля среднего бизнеса продолжает снижаться, увеличивается доля убыточных средних предприятий;
- отсутствуют значимые сдвиги в отраслевой структуре МСП.

Можно заключить, что для сектора МСП, как и экономики России в целом, период с 2016 по 2019 г. был достаточно тяжелым и проблемным, что проявилось в низких темпах роста количественных показателей и отсутствии позитивных качественных изменений (в первую очередь структурных), поэтому к началу пандемии в 2020 г. российский сектор МСП был достаточно уязвим.

2.3. Развитие малого и среднего бизнеса в Китае в 2000–2020 годах: основные тенденции

Статистическая информация о развитии МСП в КНР, доступная для анализа, обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать:

1. Критерии отнесения предприятия к сектору МСП в КНР отличаются от критериев, используемых в России. Количественные значения критериев (численность работающих и выручка) дифференцированы по видам экономической деятельности предприятий. Важно отметить, что в Китае к сектору МСП относятся предприятия всех форм собственности, включая государственные предприятия (см. разд. 2.1). Как и в России, критерии отнесения предприятий к субъектам МСП меняются. Так, в июне 2011 г. в КНР приняты новые Стандартные требования к малым и средним предприятиям в различных сферах экономики, в которых была выделена категория «микропредприятия» и расширен перечень охватываемых МСП отраслей экономики с 7 до 16. Данный документ распространяется на предприятия несельскохозяйственного профиля в городах и сельской местности [195. С. 191]. В 2017 г. принята новая редакция количественных параметров субъектов МСП [193. С. 46]. Таким образом, структура субъектов МСП меняется, меняются количественные значения критериев отнесения к субъектам МСП, а также виды экономической деятельности, в которых могут быть заняты малые и средние предприятия.

2. Необходимо учитывать количественные значения критериев отнесения предприятий к сектору МСП в Китае. Так, среднее транспортное предприятие может нанять до 1 000 работников. Максимальный коммерческий доход малого строительного предприятия может составлять до 8,5 млн долл. США. По сравнению с малыми и средними предприятиями в других странах, где часто работает менее 100 чел., малые и средние предприятия в Китае относительно более крупные [241], что соответствует масштабам китайской экономики.

3. Статистика КНР ориентирована на группировку предприятий по формам собственности и сферам экономики (первичная, вторичная и третичная)¹, что связано с историческими особенностями постепенного процесса трансформации отношений собственности, а также трансформации отсталой аграрной страны во «всемирную фабрику» и, далее, в развитую державу – вторую экономику мира. Приоритетность развития вторичной сферы (производственной) определила

¹ К первичной сфере экономики КНР относится сельское хозяйство, включая растениеводство, животноводство, рыбоводство, лесоводство и т. д., ко вторичной сфере экономики – промышленность, включая добывающие и обрабатывающие отрасли, водо-, энерго- и газоснабжение, а также строительство; к третичной сфере экономики – услуги, транспорт, здравоохранение, образование, наука, культура, охрана окружающей среды и соцобеспечение. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/ClassificationsMethods/Definitions>.

усиленное внимание к сбору информации о субъектах экономической деятельности: именно по сфере промышленности в статистических ежегодниках КНР (<http://www.stats.gov.cn//Statisticaldata/AnnualData>) представлена информация о числе малых и средних предприятий (по другим видам экономической деятельности статистические ежегодники не содержат таких сведений), поэтому построение динамического ряда с 2000 г. по количеству субъектов МСП осуществимо лишь по МСП в промышленности.

4. Основная форма частных предприятий – это малые и микропредприятия. На них приходится 81 % частных предприятий, причем 85 % из этого числа – микропредприятия [196. С. 225]. Учитывая, что в КНР большая часть частных и индивидуальных предприятий относится к сектору МСП, исследователи малого и среднего бизнеса Китая уделяют внимание динамике развития частного бизнеса (частных и индивидуальных предприятий) [191]. При представлении информации об индивидуальных предприятиях их разбивка на микро-, малые и средние не осуществляется.

5. Наиболее подробная информация о развитии сектора МСП и его структуре может быть получена по итогам Всекитайских экономических переписей. Такие переписи проводились в 2003, 2008, 2013 и 2018 гг. Начиная с 3-й экономической переписи (2013 г.) средние, малые и микропредприятия, имеющие статус юридических лиц, а также зарегистрированные как физические субъекты индивидуальные хозяйства выделены в качестве отдельных объектов исследования. Объектами переписи являются предприятия вторичной и третичной сфер экономики. Как субъекты МСП фиксировались предприятия с институциональным типом «юридическое лицо», соответствующие количественным критериям МСП (с градацией на средние, малые и микропредприятия) в различных отраслях экономики, кроме таких отраслей, как железнодорожный транспорт, финансовый сектор, лизинговые операции с недвижимостью, образование, здравоохранение, государственные учреждения, социальное обеспечение и социальные организации, международные организации [193]. В рамках экономической переписи аккумулируются данные об отраслевой структуре субъектов МСП, их распределении по регионам Китая, данные о численности занятых и др. В открытом доступе на сайте Национального бюро статистики Китая представлены ключевые результаты переписей 2013 и 2018 гг. в формате коммюнике.

Анализируя развитие МСП в Китае с 2000 г., следует учитывать, что именно национальное предпринимательство рассматривается как движущая сила экономики современного Китая [76], ставящего задачи инновационного развития и дальнейшего повышения жизненного уровня населения. Предприятия малого и среднего бизнеса умело вовлекаются в решение актуальных задач социально-экономического развития страны. Как сообщает агентство «Синьхуа», в конце 2018 г. количество средних, малых и микропредприятий (во вторичной и третичной сферах) выросло на 115 % с 2013 г. – до 18,07 млн, что составляет 99,8 % всех юридических лиц, согласно отчету о 4-й экономической переписи населения Китая, опубликованному Национальным бюро статистики Китая [211].

На рис. 2.4 представлены сведения о динамике общего количества малых и средних предприятий Китая в 2012–2020 гг. (включая все сферы экономики) по данным сайта <https://www.statista.com>. К 2020 г. количество предприятий сектора МСП превысило 43 млн, увеличившись за восемь лет в 3,3 раза. Каждый год в Китае появляется примерно 5 млн малых и средних предприятий. В настоящее время малые и средние предприятия составляют более 90 % предприятий страны, обеспечивают более 60 % ВВП, более 70 % патентов и 80 % рабочих мест в стране [241].

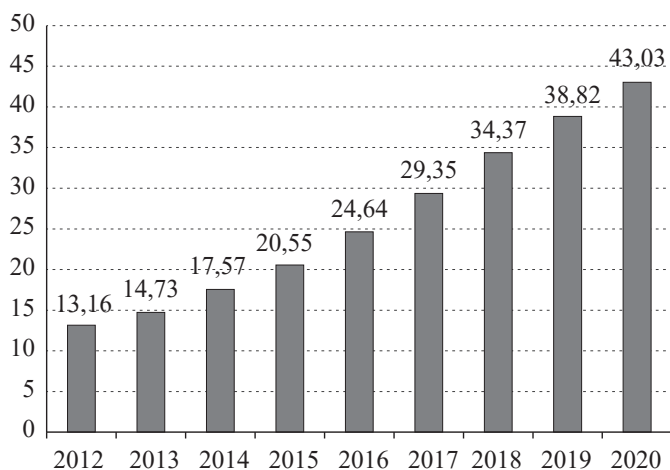

Рис. 2.4. Динамика общего количества малых и средних предприятий в Китае в 2012–2020 гг., млн

Источник: [241]

Если рассматривать промышленно-торговую сферу, то в настоящее время в ней на долю средних, малых и микропредприятий в Китае приходится 99 % общего числа зарегистрированных субъектов хозяйствования, причем подавляющая их часть (94,2 %) – это малые и микропредприятия. До 70 % городских жителей занято на мелких и микропредприятиях [196. С. 225].

Рассмотрим динамику количества предприятий МСП в промышленности Китая¹ с 2000 по 2018 г. (таблица 2.23, составленная на основе данных статистических ежегодников Национального бюро статистики КНР). Общее количество малых и средних промышленных предприятий возросло в 2,4 раза (с 154 902 в 2000 г. до 369 337 в 2018 г.). Доля субъектов МСП в общем количестве промышленных предприятий увеличилась с 95,1 % в 2000 г. до 97,6 % в 2018 г. Возрастающий тренд прироста числа предприятий МСП явно замедлился в 2009–2010 гг., что вызвано последствиями мирового экономического кризиса и снижением спроса на товары китайской промышленности. Руководство страны приняло решение о переориентации на внутренний спрос (за счет реализации политики борьбы с бедностью и увеличения доходов домохозяйств) и инновационное развитие. С 2012 г. рост восстанавливается, однако более низкими темпами, как и экономический рост в Китае в целом.

Таблица 2.23

Динамика количества малых и средних предприятий
в промышленности КНР в 2000–2018 гг.*

Год	Средние предприятия	Малые предприятия	Всего предприятий	Доля сектора МСП, %
2000	13 741	141 161	162 885	95,1
2001	14 398	148 269	171 256	95,0
2002	14 571	158 234	181 557	95,2
2004	25 557	1 347 571	1 375 263	98,9

¹ Промышленность относится к сектору материального производства. Включает добычу природных ресурсов (как добыча полезных ископаемых, производство соли, но не включая охоту и рыболовство); переработку сельскохозяйственной продукции (переработка зерна и масла, пищевая промышленность, наматывание шелка, прядение и ткачество и производство кожи и др.); переработку минеральных продуктов (производство стали, выплавка чугуна, химическое производство, переработка нефти, машиностроение, обработка древесины, а также производство и поставка электроэнергии, газа и воды); ремонт промышленных товаров и оборудования. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm>.

Год	Средние предприятия	Малые предприятия	Всего предприятий	Доля сектора МСП, %
2006	30 245	269 031	301 961	99,1
2007	33 596	300 262	336 768	99,1
2008	37 204	385 721	426 113	99,2
2009	38 036	393 074	434 364	99,2
2010	42 906	406 224	452 872	99,2
2011	52 236	256 319	325 609	97,2
2012	53 866	280 455	343 769	97,2
2013	53 817	289 318	352 546	97,3
2014	55 408	312 587	377 888	97,4
2015	54 070	319 445	383 148	97,5
2016	52 681	316 287	378 599	97,5
2017	49 614	313 875	372 729	97,5
2018	49 778	319 559	378 440	97,6

* Составлена по: [240].

Произошли изменения в структуре промышленных предприятий МСП: число средних предприятий возросло в 3,6 раза (с 13 741 в 2000 г. до 49 778 в 2018 г.), а число малых – в 2,3 раза (с 141 161 в 2000 г. до 319 559 в 2018 г.). Соответственно, увеличилась доля средних предприятий (с 8,9 до 13,5 %), а доля малых предприятий в общем количестве субъектов МСП в промышленности снизилась с 91,1 до 86,5 %. Данная тенденция также не носит линейного характера. В 2011 г. произошло резкое уменьшение числа малых и резкое увеличение числа средних предприятий, что было вызвано изменением критериев отнесения предприятий к субъектам МСП. Достигнутый в целом прирост доли среднего бизнеса может также свидетельствовать о достаточно благоприятных условиях для роста и масштабирования бизнеса в промышленности Китая. Средние предприятия характеризуются более высокой фондовооруженностью и производительностью труда.

Рассматривая более поздний период, следует отметить, что темпы роста числа промышленных малых предприятий после 2015 г. замедляются, количество предприятий фактически стабилизируется. Число средних предприятий в 2015–2016 гг. сокращается и стабилизируется в 2017–2018 гг.

В табл. 2.24 представлена динамика валовой продукции малых и средних предприятий в промышленности КНР в 2000–2012 гг. С

2013 г. статистические ежегодники не включают данный показатель, поэтому в табл. 2.25 представлены данные о динамике активов субъектов МСП в промышленности с 2013 по 2018 г.

Таблица 2.24

Динамика валовой продукции малых и средних предприятий
в промышленности КНР в 2000–2012 гг., 100 млн юаней*

Год	Средние предприятия	Малые предприятия	Все предприятия
2000	10 689,81	36 680,64	85 673,66
2001	12 542,41	38 090,58	95 448,98
2002	14 189,19	45 458,97	110 776,48
2004	63 891,30	88 941,24	222 315,93
2006	95 383,60	108 865,95	316 588,96
2007	121 699,00	142 620,00	405 177,00
2008	149 810,00	188 334,00	507 448,00
2009	159 374,00	213 125,00	548 311,00
2010	203 925,00	264 719,00	698 591,00
2011	199 366,00	288 178,00	844 269,00
2012	184 741,97	204 060,83	768 421,20

* Составлена по: [240].

Таблица 2.25

Динамика общих активов малых и средних предприятий
в промышленности КНР в 2013–2018 гг., 100 млн юаней*

Год	Средние предприятия	Малые предприятия	Все предприятия
2013	201 141	241 517	850 626
2014	229 070	277 340	956 777
2015	242 810	304 560	1 023 398
2016	258 989	318 806	1 086 866
2017	263 387	324 173	1 121 910
2018	260 495	328 729	1 134 382

* Составлена по: [240].

Валовая продукция промышленных предприятий сектора МСП за 12 лет возросла в 8 раз – с 4 737,04 млрд юаней в 2000 г. до 38 880,27 млрд юаней в 2012 г. При этом рост валовой продукции средних предприятий составил 17,3 раза, а малых – 5,6 раза ввиду

изменения критериев отнесения предприятий к субъектам МСП в 2011 г. (многие предприятия перешли из категории малых в категорию средних). В целом сектор МСП дает более половины промышленной продукции (50,6 % в 2012 г.).

Анализ динамики общих активов сектора МСП в промышленности Китая в 2013–2018 гг. показывает, что за пять лет активы МСП увеличились с 44 265,8 млрд до 58 922,4 млрд юаней (на 33,1 %). Активы малых промышленных предприятий росли быстрее (прирост на 36,1 %), чем активы средних предприятий (прирост на 29,5 %).

В целом представленные в табл. 2.23–2.25 данные позволяют сделать вывод о том, что стимулирование развития сектора МСП во вторичной сфере экономики Китая привело к значительному увеличению количества МСП в промышленности (в 2,4 раза), повышению объема производства продукции и росту общих активов компаний сектора МСП. В то же время с 2015 г. прирост количества промышленных предприятий сектора МСП практически приостановился.

Государство проводит активную политику по стимулированию развития МСП [231]. При этом большое значение уделяется вопросам взаимодействия бизнеса и государства, формирования справедливой конкурентной среды для развития МСП [226]. Увеличение количества субъектов МСП во вторичной и третичной сферах экономики связывается с трансформацией отношений собственности и созданием частных предприятий. В начале 2000-х гг. развитие частного бизнеса идет быстрыми темпами. Если в 2001 г. функционировало 2 028 548 частных предприятий, то в 2002 г. их насчитывалось уже более 2 930 000. На долю частных предприятий приходилось около 50 % ВВП. Предприятия малого и среднего бизнеса составили 99 % общего количества предприятий, объем их производства достиг 60 %, доход от продаж – 60 %, налоговые отчисления – 40 %. Малый и средний бизнес давал стране более 75 % рабочих мест [84. С. 122]. Развитию МСП способствовало принятие в 2002 г. закона «О стимулировании развития малого и среднего бизнеса в КНР», уравнивающего в правах малые и крупные предприятия страны. Закон предусматривал равные возможности для предприятий малого и среднего бизнеса в области кредитования, инвестиций, модернизации производства, внедрения информационных и наукоемких технологий. Государство приняло меры по снижению налогов для МСП, уменьшению бюрократических барьеров для открытия предприятий. Еще более укрепило позиции малых и средних предприятий принятие в 2007 г. Закона о вещном

праве, который предоставил частным владельцам равное с государством и коллективом право на собственность [84. С. 122].

В 2009 г. отмечены быстрые темпы развития малого и среднего бизнеса и повышение его прибыльности. К концу 2009 г. функционировало более 42 390 тыс. предприятий сектора МСП, из которых 31 970 тыс. составляли индивидуальные промышленники и торговцы. Они давали стране более 80 % рабочих мест. Рост экономики страны был обеспечен в основном сектором предприятий малого и среднего бизнеса, а основной формой собственности явились частные предприятия малого и среднего бизнеса. В структуре МСП в 2009 г. доля государственных предприятий составляла 6,1 %, частных – 7,4 %, индивидуальных предпринимателей – 75,5 % [Там же. С. 122–123].

В 2010 г. в КНР зарегистрировано около 43 млн частных и индивидуальных предприятий во всех трех сферах экономики, число их работников составило 180 млн чел. (более 20 % от численности экономически активного населения). По сравнению с 2005 г. к 2010 г. число частных предприятий увеличилось на 95 % (достигло 8,4 млн), индивидуальных – на 40 % (34,5 млн). Численность занятых возросла в 1,9 и 1,5 раза соответственно (до 109 и 71 млн чел.) [191. С. 147–148].

Лю Сяомэй приводит данные о динамике экономических показателей малых и средних промышленных предприятий в КНР (в том числе государственных и частных) в 2006–2010 гг. (табл. 2.26) [84. С. 122–123]. Данные табл. 2.26 свидетельствуют о быстром поступательном развитии МСП в промышленности Китая: количество промышленных предприятий сектора МСП увеличилось за пять лет в 1,5 раза, численность занятых – в 1,29 раза, активы предприятий МСП – в 2,0 раза, валовая прибыль – в 3,2 раза, валовая продукция – в 2,3 раза. В 2,3 раза увеличились налоговые отчисления МСП в бюджет, стоимость экспортных поставок МСП возросла в 1,35 раза. Приведенные данные позволяют оценить рост производительности труда. Все промышленные предприятия демонстрируют повышение производительности труда с 2006 по 2010 г. на 67,2 %, а малые и средние предприятия – на 78,7 %. Сектор МСП в промышленности Китая подтверждает свою высокую жизнеспособность и эффективность.

С 2010 г. продолжается активная работа государства по стимулированию развития МСП. Так, в 2010 г. приняты Некоторые сообщения Госсовета КНР по вопросу поощрения, здорового развития и ориентирования частных национальных инвестиций («Новые 36 установок»), в соответствии с которыми частный капитал получил

Таблица 2.26
Основные экономические показатели малых и средних промышленных предприятий в КНР (в том числе государственных и частных), уровень ежегодного дохода которых превышает 5 млн юаней, 2006–2010 гг.

Год	Количество предприятий		Число работников, млн чел.		Активы, млрд юаней		Основные доходы, млрд юаней	
	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия
2006	301 961	299 278	73,58	56,36	29 121,45	17 743,79	31 359,25	19 729,07
2007	336 788	333 858	78,75	60,52	35 303,70	21 430,62	39 971,71	25 482,10
2008	426 113	422 925	66,38	88,67	43 130,55	26 701,94	50 002,00	32 728,24
2009	434 364	431 110	88,31	67,68	49 368,28	30 056,89	54 252,24	36 182,17
2010	452 987	449 310	96,45	72,37	59 288,19	35 662,49	69 774,40	45 972,72
Год	Валовая прибыль, млрд юаней		Налоговые поступления, млрд юаней		Валовая продукция, млрд юаней		Стоимость экспортных поставок, млрд юаней	
	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия	Всего	Малые и средние предприятия
2006	1 950,44	1 090,03	1 445,35	793,05	31 858,89	20 424,95	6 055,97	3 656,34
2007	2 715,52	1 574,33	1 842,24	1 012,70	40 517,71	26 431,91	7 338,34	4 303,24
2008	3 056,24	2 004,36	2 396,80	1 425,33	50 728,49	33 788,81	8 249,84	4 772,83
2009	3 454,22	2 364,46	2 648,62	1 484,91	54 831,14	37 249,89	7 205,17	4 151,90
2010	6 304,97	3 541,93	3 365,58	1 817,62	69 859,05	46 864,33	8 991,01	4 919,49

Источник: [84].

разрешение войти в сферы деятельности, бывшие ранее монополией государства. Теперь частные предприятия могут развиваться не в 7, а в 16 отраслях (сельское хозяйство, промышленность, в том числе добывающая, производство электроэнергии, строительство, оптовая и розничная торговля, транспорт (кроме железнодорожного), складирование, почтовые услуги, коммунальное хозяйство, сфера общественного питания и гостиничный сервис, информационные услуги, программное обеспечение, эксплуатация недвижимого имущества, культура, развлечения и др. [195. С. 190].

В апреле 2011 г. Госсовет КНР издал Положения об индивидуальных предприятиях в промышленности и торговле. Данный документ облегчает условия регистрации индивидуальных предприятий, расширяет их доступ к получению кредитов, снижает налоговое бремя за счет отмены выплаты управленческих расходов и платы за ежегодные инспекции – теперь при регистрации индивидуального предприятия требуется внести только регистрационный взнос [190. С. 38].

В апреле 2012 г. Госсовет КНР издал специальный циркуляр «Соображения Госсовета КНР по дальнейшей поддержке здорового развития мелких и микропредприятий», направленный на повышение качества государственного обслуживания малого бизнеса, содействие технологической и структурной перестройке мелких и микропредприятий, расширение сфер деятельности, повышение их рентабельности и инновационного потенциала [Там же].

Положение дел в сфере МСП контролируется государством, выявляются проблемы, требующие решения. В Докладе о годовом развитии средних, малых и микропредприятий Китая в 2012 г., прозвучавшем на 9-м Китайском форуме по развитию малого и микропредпринимательства, отмечались трудности развития малого бизнеса, связанные с уменьшением рыночного спроса, недостаточным количеством заказов, повышением себестоимости производства, отсутствием финансовой, технической и информационной поддержки, тяжелой налоговой нагрузкой, нехваткой квалифицированных рабочих рук, а также с проблемами институционального характера, мешающими доступу негосударственного сектора экономики в монопольные отрасли и др. Особенно подчеркивались финансовые трудности малого бизнеса по сравнению с крупным [Там же. С. 40].

Несмотря на серьезные проблемы, с которыми сталкивались предприятия сектора МСП в условиях мирового финансового кризи-

са, они продолжали демонстрировать свою жизненную силу. Заметно увеличилось количество предприятий малого и среднего бизнеса и численность занятых на них, продолжил расти их экономический и инвестиционный потенциал, вклад в развитие реального сектора экономики, внешнюю торговлю, в переориентацию производства на инновационные рельсы и внутреннее потребление городского и сельского населения. В 2012 г. на долю малых и средних предприятий приходилось около 60 % ВВП и свыше 50 % налоговых поступлений в бюджет, ими создано более 80 % от общего числа рабочих мест и свыше 90 % новых рабочих мест в городах и поселках страны. На конец 2012 г. в КНР насчитывалось 40,6 млн индивидуальных промышленно-торговых хозяйств, размер уставного капитала которых достиг 2 трлн юаней. Рост этих показателей по сравнению с 2011 г. составил 8,1 и 23,4 % соответственно. Число занятых на них превысило 80 млн чел. Количество частных предприятий увеличилось на 9,5 % и превысило 10,6 млн, что составило 80 % от общего числа предприятий Китая [190. С. 47].

В 2013 г. малые и средние предприятия составили 99,7 % общего количества предприятий в Китае, в том числе 99 % составили малые и микропредприятия (с численностью занятых менее 100 чел.). В 2013 г. доля малых и средних предприятий в ВВП достигла 60 %, они обеспечили 50 % налоговых поступлений в бюджет, 80 % общего количества рабочих мест в стране и свыше 90 % новых рабочих мест [195. С. 190].

В период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) пристальное внимание китайского руководства уделялось развитию МСП, прежде всего частному бизнесу. В. В. Чуванкова в ряде своих публикаций приводит подробный анализ развития частного предпринимательства в Китае с 2005 по 2015 г. В табл. 2.27 представлены данные о развитии частного предпринимательства в Китае в 2010–2015 гг. (включая индивидуальное предпринимательство). За пять лет число частных предприятий увеличилось с 42,98 до 73,16 млн (на 70,2 %), численность занятых на частных предприятиях выросла на 70,9 % и составила 280,77 млн чел., доля занятых в частном бизнесе в численности экономически активного населения увеличилась с 21,6 до 36,3 % (почти в 1,5 раза). К началу 2016 г. в Китае было зарегистрировано 280,77 млн занятых в индивидуальном и частном секторах (116,82 и 163,95 млн чел. соответственно), а среднегодовой прирост численности занятых в этих секторах составил 23,3 млн чел.

Таблица 2.27

Динамика развития частного национального предпринимательства
в КНР (2010–2015 гг.)

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество предприятий, млн	42,98	47,24	51,45	56,90	65,30	73,16
Численность занятых, млн чел.	164,25	182,99	199,24	218,57	249,75	280,77
Доля в экономически активном населении, %	21,6	23,9	25,9	28,4	32,3	36,3

Источник: [194. С. 223–224].

В табл. 2.28 представлены данные о развитии частных и индивидуальных предприятий Китая с 2005 по 2015 г. Сведения о средней численности занятых на одном предприятии свидетельствуют, что большая часть частных и индивидуальных предприятий относится к сектору МСП: средняя численность занятых на индивидуальных предприятиях составила около 2 чел., на частных предприятиях – около 10,5 чел. За десять лет количество индивидуальных предпринимателей увеличилось в 2,19 раза, а численность занятых – в 2,38 раза. Рост количества частных предприятий составил 4,4 раза, при этом численность занятых на частных предприятиях увеличилась только в 1,55 раза – средняя численность занятых на частных предприятиях сократилась с 13,50 до 8,59 чел. Частный бизнес все в большей степени становится малым и микробизнесом. Доля численности занятых на частных предприятиях за десять лет увеличилась с 7,7 до 21,2 %, на индивидуальных предприятиях – с 6,5 до 15,1 %. Можно сказать, что политика стимулирования развития частного и индивидуального предпринимательства дала результаты.

Рост частного предпринимательства положительно отразился на социально-экономическом развитии страны. К концу 2015 г. на долю частного сектора приходилось более 60 % ВВП страны, 90 % новых рабочих мест, около 65 % инвестиций в основные фонды. Темпы роста частного сектора превышали общенациональный уровень и показатели других секторов, включая индивидуальный [194. С. 222].

Как уже отмечалось, источником наиболее полной информации о структуре МСП в Китае являются Всекитайские экономические переписи. В табл. 2.29 представлены основные показатели развития МСП в Китае по данным двух последних Всекитайских экономических переписей 2013 и 2018 гг.

Таблица 2.28
Показатели развития частного и индивидуального сектора экономики Китая в 2005–2015 гг.*

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Показатели развития индивидуального сектора экономики</i>											
Количество предприятий, млн	24,64	25,95	27,42	29,17	31,97	34,53	37,56	40,59	44,36	49,84	54,08
Численность занятых, млн чел.	49,01	51,59	54,96	57,76	65,85	70,98	79,45	84,50	93,35	105,84	116,82
Средняя численность занятых на одном предприятии, чел.	2,00	2,00	2,00	2,00	2,10	2,00	2,12	2,13	2,10	2,12	2,16
Доля в экономически активном населении, %	6,5	6,8	7,1	7,5	8,4	9,2	10,4	11,2	12,1	13,7	15,1
<i>Показатели развития частного сектора экономики</i>											
Количество предприятий, млн	4,30	4,98	5,51	6,57	7,40	8,40	9,68	10,85	12,54	15,46	19,08
Численность занятых, млн чел.	58,24	65,86	72,53	79,04	86,07	109,02	103,54	110,00	39,31	59,21	90,55
Средняя численность занятых на одном предприятии, чел.	13,50	13,20	13,20	12,00	11,60	11,10	10,70	10,40	10,00	9,31	8,59
Доля в экономически активном населении, %	7,7	8,6	9,4	10,2	11,0	12,4	13,5	14,7	16,3	18,6	21,2

* Составлена по: [191; 194; 195].

Таблица 2.29

Динамика показателей развития МСП Китая
по данным 3-й и 4-й Всекитайских экономических переписей*

Показатель	2013	2018
Количество предприятий сектора МСП во вторичном и третичном секторах (юридические лица), млн	8,41	18,07
Доля предприятий сектора МСП в общем количестве предприятий вторичной и третичной сфер экономики, %	99,7	99,8
Численность занятых в секторе МСП, млн чел.	221,33	233,40
Доля занятых на предприятиях сектора МСП в общей численности занятых (вторичная и третичная сферы экономики), %	79,3	79,4

* Составлена по: [211; 233; 234].

За пять лет количество предприятий сектора МСП во вторичном и третичном секторах экономики увеличилось на 122,3 %, доля предприятий МСП возросла с 99,7 до 99,8 %, численность занятых на таких предприятиях возросла на 5,5 % и составила в 2018 г. 233,4 млн чел. Доля занятых на предприятиях МСП в общей численности занятых (во вторичном и третичном секторах) стабильна (79,3 % в 2013 г., 79,4 % в 2018 г.).

В 2018 г. в структуре МСП насчитывалось 239 тыс. средних предприятий (1,3 % от общего числа субъектов МСП), 2,39 млн малых предприятий (13,2 %) и 15,44 млн микропредприятий (85,4 %). Темпы роста числа микропредприятий составили за пять лет 2,5 раза, их доля увеличилась на 12,5 процентного пункта. Число малых предприятий возросло на 18,3 %, а средних – только на 1,3 %.

Индивидуальные предприятия относятся к микропредприятиям. Если к 15,44 млн малых и микропредприятий, имеющих статус юридических лиц, присоединить 62,96 млн индивидуальных хозяйств, действующих во вторичной и третичной сферах экономики, то общая численность этой категории предприятий в 2018 г. составила 78,40 млн. На них нашли работу 382,71 млн чел., т. е. 49,3 % общей численности занятого населения в 2018 г. В 2013 г. эти показатели составили 40,64 млн предприятий, 237,43 млн чел. и 30,8 % соответственно [193. С. 47–48].

Общая сумма активов МСП составила 402,6 трлн юаней (77,1 % от общего объема активов участвующих в переписи предприятий, имеющих статус юридических лиц), а годовой доход – 188,2 трлн

юаней (68,2 % от суммы годового дохода всех предприятий) [193. С. 47]. Особенно интенсивно развивались частные предприятия сферы МСП. По данным 4-й экономической переписи, частные средние, малые и микропредприятия пережили бурный рост в течение 2013–2018 гг.: в 2018 г. их число увеличилось на 166,9 % по сравнению с 2013 г. и составило 15,27 млн (84,4 % всех предприятий) [211].

Обратимся к данным экономических переписей для анализа отраслевой структуры сектора МСП. В табл. 2.30 представлена информация о распределении частных малых и микропредприятий по видам экономической деятельности по итогам 3-й Всекитайской экономической переписи 2013 г.: в конце 2013 г. насчитывалось 7,85 млн малых и микропредприятий во вторичной и третичной сферах экономики, что составляло 95,6 % предприятий.

Таблица 2.30

Отраслевая структура частных малых и микропредприятий
по данным экономической переписи 2013 г.

Отрасль	Частные предприятия, 10 тыс.	Численность занятых, 10 тыс. чел.	Общие активы, трлн юаней	Доля, %
<i>Всего</i>	785,0	14 730,4	138,4	100,0
Промышленность	234,2	7 403,6	40,8	29,8
Строительство	32,2	1 675,4	5,0	4,1
Транспорт	21,1	462,8	5,2	2,7
Услуги хранения	2,4	42,4	1,1	0,3
Почтовые услуги	1,2	22,8	0,0	0,2
Передача информации	3,4	40,5	1,4	0,4
Программное обеспечение и техническое обслуживание	17,9	174,5	1,6	2,3
Оптовая торговля	169,8	1 457,8	12,7	21,6
Розничная торговля	103,1	766,2	3,2	13,1
Ресторанный бизнес	6,8	168,2	0,6	0,9
Общественное питание	12,1	256,8	0,4	1,5
Недвижимость	9,6	182,1	18,7	1,2
Управление недвижимостью	10,2	277,9	1,2	1,3
Лизинг и бизнес-услуги	78,4	945,3	36,8	10,0
Другие предприятия	77,7	782,1	9,3	9,9

Источник: [234].

Три отрасли, в которых малое предпринимательство наиболее развито, – это промышленность (28,5 %, 2,342 млн предприятий), оптовая (20,7 %, 1,698 млн предприятий) и розничная (12,6 %, 1,031 млн предприятий) торговля. Всего на малых и микропредприятиях было занято 147,304 млн чел., что составляет 50,4 % занятых. Наибольшее количество работников в секторе МСП в 2013 г. было занято в промышленности (25,4 % занятых, 74 036 млн чел.), строительстве (5,7 %, 16,754 млн чел.) и оптовой торговле (5,0 %, 14,57 млн чел.) [234].

По результатам переписи 2018 г., в отраслевой структуре средних, малых и микропредприятий имело место быстрое развитие предприятий, связанных с информационными технологиями. По состоянию на конец 2018 г. среди всех средних, малых и микропредприятий Китая насчитывалось 910 тыс. предприятий в сфере услуг передачи информации, программного обеспечения и информационных технологий, прирост составил 693 тыс., что на 319,4 % больше, чем в конце 2013 г. Их удельный вес вырос с 2,6 % в конце 2013 г. до 5,0 %. Научно-техническое обслуживание осуществляли 1,141 млн предприятий. Их число увеличилось в 3,5 раза (на 815 тыс.), удельный вес поднялся на 2,5 процентного пункта и достиг 6,3 % [193. С. 47].

Изменение структуры МСП характеризуется и быстрым развитием торговых малых и средних предприятий, что рассматривается как положительная тенденция. Результаты 4-й экономической переписи показывают, что в 2013–2018 гг. малые и микропредприятия в сфере оптовой и розничной торговли, гостиничного хозяйства и общественного питания Китая быстро развивались и демонстрировали более высокие темпы роста, чем вся отрасль. По состоянию на конец 2018 г. в рассматриваемых отраслях третичной сферы экономики насчитывалось 6,844 млн малых и микропредприятий (юридических лиц), что на 133,3 % больше, чем в 2013 г. В 2018 г. численность занятых составила 33,359 млн чел., что на 24,7 % больше по сравнению с концом 2013 г. [233].

По данным экономических переписей заметна некоторая динамика размещения предприятий сектора МСП по регионам КНР. В 2005 г. доля малых и средних предприятий в Восточном регионе составляла 72,5 %, в Центральном – 16,7 %, в Западном – 10,8 % [254]. Темпы роста количества предприятий сектора МСП в Центральном и Западных регионах повышались. На конец 2018 г. в Центральном регионе было зарегистрировано 3,85 млн средних, малых и микропредприятий, что на 2,17 млн превысило уровень 2013 г. (рост на 129,9 %).

В Западном регионе их численность достигла 3,07 млн. Абсолютный прирост составил 1,74 млн предприятий (на 131 %). Доля малых и средних предприятий в этих регионах в общем количестве предприятий малого и среднего бизнеса составила 21,3 и 17,0 %, увеличившись по сравнению с 2013 г. на 1,4 и 1,2 % соответственно. Восточный регион по-прежнему сохраняет свое преимущество, хотя его удельный вес начал постепенно снижаться. В 2018 г. там насчитывалось 11,15 млн средних, малых и микропредприятий, что составило 61,7 % от их общего числа, и оказалось на 2,6 процентного пункта меньше, чем в конце 2013 г. [193. С. 47–48]. Таким образом, региональная дифференциация размещения предприятий сферы малого и среднего бизнеса в Китае постепенно сглаживается. В то же время размещение предприятий сектора МСП в стране тесно связано с экономическим развитием и численностью населения территорий: по результатам 7-й национальной переписи населения 2021 г., доля населения Восточного региона составила 39,93 %, Центрального – 25,83 %, Западного – 27,12 %, Северо-Восточного – 6,98 % [236].

В 2019 г. на долю средних, малых и микропредприятий в Китае приходилось 99,8 % общего числа зарегистрированных в промышленно-торговой системе субъектов хозяйствования, причем подавляющая их часть (97,8 %) – это мелкие и микропредприятия. Основная форма частных предприятий – малые и микропредприятия. Их удельный вес составил более 84,1 % в их общем числе (85 % из них – микропредприятия). Индивидуальные предприятия, согласно статистическим критериям, действующим в Китае, все относятся к микропредприятиям. К началу 2020 г. в стране было зарегистрировано 34,68 млн частных и 81,63 млн индивидуальных предприятий. В общей сложности – 116,31 млн предприятий, обеспечивших стабильное трудоустройство и заработок более чем 400 млн чел., что составило почти 50 % от общей численности занятого населения в стране и 80 % городской занятости, создавших 90 % новых рабочих мест [193. С. 52].

В последние годы приняты разнообразные меры по стимулированию развития МСП в Китае. В 2017 г. Министерство промышленности и информатизации КНР опубликовало Программу содействия развитию малых и средних предприятий на 2016–2020 гг. Продолжается работа по сокращению административных барьеров, стимулированию банков к кредитованию представителей МСП, расширению льготного налогообложения малых и средних предприятий [192. С. 199–201].

В табл. 2.31 представлены данные о вкладе сферы МСП Китая в основные макроэкономические показатели в динамике. Можно отметить, что доля МСП в ВВП страны стабильна и составляет около 60 %. Налоговые отчисления предприятий сектора МСП увеличились с 40 % в 2002 г. до 50 % в 2015 г. Доля МСП в обеспечении занятости населения растет: если в 2002 г. в данном секторе было 45 % рабочих мест, то в 2016 г. на малых и средних предприятиях было занято около 80 % трудоспособного населения. Стабильно сохраняется высокая доля субъектов МСП в общем количестве хозяйствующих субъектов (более 99 %).

Таблица 2.31

Динамика вклада МСП Китая в основные
макроэкономические показатели

Год	Характеристика вклада МСП Китая в макроэкономические показатели
2002	Предприятия сектора МСП составили 99 % общего количества предприятий. Малые и средние предприятия обеспечили: 60 % объема производства; 60 % дохода от продаж; 40 % налоговых поступлений; более 75 % рабочих мест [84. С. 122]
2013	Предприятия сектора МСП составили 99,7 % общего количества предприятий (в том числе 99,0 % – мелкие и микропредприятия). Малые и средние предприятия обеспечили: 60 % ВВП; 50 % налоговых поступлений в бюджет; 80 % общего количества рабочих мест в стране; свыше 90 % новых рабочих мест [195. С. 190]. На долю МСП пришлось: 74,7 % совокупной добавленной стоимости промышленного производства; 58,9 % от общих объемов потребительского рынка; 62,3 % от общего объема экспорта [36. С. 661]
2015	Предприятия сектора МСП составили 99,2 % общего количества предприятий. Малые и средние предприятия обеспечили: 60,0 % ВВП; 90,0 % новых рабочих мест (городские поселения); 65,0 % инвестиций в основные фонды [194. С. 222]; 67,5 % общего объема экспорта; 79,9 % занятых (городское население); 50,2 % налоговых поступлений; 60,1 % оборота потребительского рынка [79. С. 236]
2016	Предприятия сектора МСП обеспечили: 60 % ВВП; 80 % трудоспособного населения [185. С. 258]

Год	Характеристика вклада МСП Китая в макроэкономические показатели
2017	Предприятия сектора МСП составили 99,6 % общего количества предприятий. Малые и средние предприятия обеспечили: 60,0 % ВВП; 46,2 % налоговых поступлений; 62,3 % общего объема экспорта; 74,7 % добавленной стоимости промышленной продукции [67. С. 77]
2019	Предприятия сектора МСП составили 99,8 % общего количества предприятий [211]
2020	Предприятия сектора МСП обеспечили: 60 % ВВП; 80 % рабочих мест [246]

Следует отметить вклад МСП Китая в развитие инновационной экономики. Высокотехнологичная промышленность КНР рассматривается как новая движущая сила национального экономического роста и реструктуризации отрасли в следующем десятилетии [262].

Малые и средние предприятия в Китае стали активными участниками инновационных процессов. Уже к концу 2013 г. на долю МСП пришлось 65 % зарегистрированных патентов, 75 % инновационных внедрений, ими было освоено более 80 % видов новой продукции. Более 70 % предприятий, расположенных в парках высоких технологий, относятся к разряду малых и средних [36. С. 660].

В 2015 г. на долю малых и средних предприятий приходилось более 82,6 % высокотехнологичного производства в стране и около 70 % зарегистрированных патентов [79. С. 236].

Государство активно стимулирует инновационную активность. К началу 2016 г. количество разнообразных площадок массовых инноваций в масштабах страны превысило 2 300, количество образцово-показательных организаций передачи технологий возросло до 453 единиц, общий объем сделок с технологиями составил приблизительно 1 трлн юаней. Началось создание первых показательных городов – баз предпринимательской и инновационной деятельности для мелких и микропредприятий [194. С. 224].

В 2017 г. малому бизнесу в Китае принадлежало 65 % патентов, 75 % технических новшеств и более 80 % в год новой продукции для Китая. По данным 2017 г., объем экспорта продукции новых высоких технологий Китая составил 218,25 млрд долл., а импорта – 197,71 млрд долл., рост в динамике достиг 31,8 и 22,5 % соответственно. Данный рост обеспечил именно малый и средний бизнес [67. С. 77].

В то же время развитие МСП в Китае ограничивается рядом проблем.

Для анализа эффективности малых и средних предприятий в Китае используется индекс SMEDI (Small and Medium Enterprises Development Index). Данный индекс публикуется ежеквартально Национальной комиссией по развитию и реформам и Китайской ассоциацией малых и средних предприятий. Он является совокупным показателем экономической деятельности МСП (за исключением индивидуальных предпринимателей) в восьми основных сферах национальной экономики, которые вносят наибольший вклад в формирование ВВП страны, а именно: промышленность, строительная отрасль, складское хозяйство, транспортные перевозки и почтовые операции, недвижимость, общественное питание и гостиничный бизнес, социальные услуги, информационные услуги, компьютерное обслуживание и программное обеспечение [32]. Рассчитывается индекс по результатам опросов субъектов МСП (более 3 000 единиц). SMEDI – это бизнес-индекс в диапазоне от 0 до 200, где 100 – критическое значение, показывающее, что бизнес-ситуация находится в стагнации. Значения, которые находятся между 0 и 100, показывают ухудшение условий ведения бизнеса, а значения между 100 и 200 свидетельствуют о том, что бизнес находится на подъеме [248].

С 2011 г. значения индекса SMEDI характеризуются нестабильной динамикой (табл. 2.32). Согласно данным Китайской ассоциации малых и средних предприятий, в четвертом квартале 2018 г. SMEDI составил 93 базисных пункта, снизившись за год на 0,1 базисного пункта. Продемонстрировали снижение и большинство подындексов (промышленности, строительной отрасли, транспортных перевозок, недвижимости, сферы компьютерного обслуживания) [32].

Таблица 2.32

Динамика индекса SMEDI в 2011–2019 гг.*

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Индекс SMEDI	104,1	93,5	95,2	95,2	92,3	92,2	92,8	93,0	92,7

* Составлена по: [32; 210; 250].

Примечание. Индекс рассчитывается поквартально. Приведены данные на январь соответствующего года, т. е. за четвертый квартал предшествующего года.

Тревожные колебания индекса SMEDI характеризуют реакцию МСП на негативные внешние условия развития экономики Китая. В материалах агентства «Синьхуа» отмечается, что принятие мер поддержки МСП (налоговые льготы, упрощение кредитования и меньшее количество ограничений) благоприятно сказывается на подындексах SMEDI в строительстве, на транспорте и в оптовой торговле, в сфере гостиничных услуг и общественного питания. Для дальнейшего улучшения результатов деятельности МСП необходимо больше времени, поскольку проблемы внутри страны и за рубежом сохраняются, а некоторые меры еще не вступили в силу [210].

В 2018 г. Министерство промышленности и информатизации КНР, Государственный комитет по развитию и реформе КНР, Министерство финансов КНР, Комитет Госсовета КНР по управлению государственным имуществом опубликовали Трехлетний план действий по обеспечению согласованного развития крупных, средних и малых предприятий. План предполагает создание к 2021 г. новой экосистемы согласованного развития, в которой крупные предприятия ведут за собой малые и средние, в то время как последние придают динамику развитию крупных компаний [32].

К числу основных проблем развития МСП в Китае исследователи относят увеличение себестоимости сырья, логистических услуг, дорогие кредиты, высокие налоги. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования деловой среды [192. С. 203]. В то же время указывается, что МСП испытывает проблемы и в связи с внешними неблагоприятными факторами, в частности из-за торгово-экономических споров между США и Китаем [196. С. 227].

Характеризуя развитие МСП в Китае в 2000–2019 гг., следует отметить следующие тенденции:

- высокие темпы роста количественных показателей (количество предприятий, численность занятых и пр.) в первое десятилетие XXI в. с их последующим замедлением в связи с замедлением общих темпов экономического развития Китая;

- стабильно высокие (доля в ВВП) и растущие показатели вклада МСП в макроэкономические показатели Китая (доля населения, занятого в секторе МСП, доля МСП в налоговых поступлениях, экспорте и др.);

- положительная динамика трансформации отраслевой структуры МСП (рост числа малых и средних предприятий в сфере услуг при сохранении высокой доли производственных малых и средних предприятий);

- наличие положительной динамики в преодолении региональной дифференциации в размещении малых и средних предприятий;
- высокая инновационная активность МСП и вклад МСП в решение задачи инновационного развития экономики.

2.4. Особенности предпринимательского климата России и Китая по материалам международных рейтингов

Результатом исторического развития МСП в России и Китае становятся не только различия в доле малого бизнеса в ВВП страны, доле населения, занятого в сфере МСП, и других объективных показателях. Различия в нормативном регулировании предпринимательства, уровнях предпринимательской активности населения России и Китая фиксируют международные рейтинги, анализ которых представляет широкие исследовательские возможности для межстрановых сравнений. В рамках данного исследования использованы материалы двух рейтингов: Doing Business и Global Entrepreneurship Monitor (GEM).

Характеристика институциональной среды развития МСП России и Китая: рейтинг Doing Business

Рейтинг Doing Business (рейтинг легкости ведения бизнеса) составляется группой Всемирного банка с 2002 г. на основе исследования показателя Ease of Doing Business score – оценка легкости ведения бизнеса. Основная цель данного проекта – дать объективную оценку систем нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности по всему миру. В настоящее время рейтинг рассчитывается по 190 странам мира [214]. Для расчета показателя осуществляется анализ нормативного регулирования в 12 областях деятельности бизнес-организации, таких как регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности, получение кредитов, защита миноритарных инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов, разрешение неплатежеспособности, наем рабочих и заключение договоров с правительством.

Высокий рейтинг легкости ведения бизнеса означает, что нормативно-правовые условия более благоприятны. Рейтинги всех стран определяются по состоянию на май предыдущего года. Данные по России и Китаю доступны для анализа с 2014 г.

По рейтингу легкости ведения бизнеса Россия несколько опережает Китай: в 2019–2020 гг. рейтинг России составлял 28, Китая – 31. В то же время особые экономические зоны Китая, учитываемые в рейтинге отдельно, имеют более благоприятные условия нормативно-го регулирования бизнеса: Тайвань – 15, Гонконг – 3.

Динамика показателя легкости ведения бизнеса в России и Китае с 2014 по 2020 г. представлена в табл. 2.33. Данный показатель измеряется по шкале от 0 до 100, где 0 – это наихудший результат, а 100 – наилучший. Показатель легкости ведения бизнеса за рассматриваемый период в обеих странах растет: в Китае – в 1,30 раза, в России – в 1,15 раза. Несмотря на то что в 2014 г. показатель легкости ведения бизнеса в Китае был на 7,5 пункта ниже, чем в России, к 2020 г. показатели практически сравнялись (Китай – 77,9, Россия – 78,2), т. е. нормативные условия предпринимательства в Китае реформируются в сторону повышения легкости ведения бизнеса быстрее, чем в России.

Таблица 2.33

Динамика показателя легкости ведения бизнеса в РФ и КНР

Рейтинг легкости ведения бизнеса	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
КНР	60,0	61,6	63,1	64,6	65,2	74,0	77,9
Россия	67,5	69,2	74,1	75,3	76,5	77,4	78,2

Источник: [214].

Представляет интерес выявление особенностей нормативного регулирования в различных областях предпринимательства в двух странах. Отчет Doing Business содержит информацию по десяти направлениям деятельности. Рассмотрим частные показатели легкости ведения бизнеса в России и Китае в 2019–2020 гг. (табл. 2.34).

Таблица 2.34

Основные индикаторы показателя легкости ведения бизнеса в России и Китае (2019–2020 гг.)

Индикатор	Россия		Китай	
	2019	2020	2019	2020
Регистрация предприятий	93,0	93,1	93,4	94,1
Получение разрешений на строительство	78,4	78,9	65,2	77,3
Подключение к системе электроснабжения	94,0	97,5	92,0	95,4
Регистрация собственности	88,6	88,6	80,8	81,0

Индикатор	Россия		Китай	
	2019	2020	2019	2020
Получение кредитов	80,0	80,0	60,0	60,0
Защита миноритарных инвесторов	58,0	60,0	62,0	72,0
Налогообложение	79,6	80,5	67,9	70,1
Международная торговля	71,8	71,8	83,4	86,5
Обеспечение исполнения контрактов	72,2	72,2	79,0	80,9
Разрешение неплатежеспособности	58,4	59,1	55,8	62,1

Источник: [214].

Наиболее высокие значения в России и Китае имеют индикаторы «регистрация предприятий» и «подключение к системе электроснабжения», причем динамика улучшения показателей в Китае выше. В России выше значения показателя «регистрация собственности» и значительно выше – показателя «получение кредитов». Получение кредитов традиционно является важнейшим источником финансирования бизнеса, особенно нового. Значение показателя легкости получения кредита в России – 80, в Китае – только 60. Традиционно важным источником финансирования нового бизнеса в Китае является помощь семьи [229]. Значительно выше в России значение показателя «налогообложение», однако в Китае он улучшается быстрее. Показатель «получение разрешений на строительство» в Китае демонстрирует быстрое повышение, а в России остается на одном, достаточно высоком уровне. За рассматриваемый период в Китае значительно возрос показатель «защита миноритарных инвесторов» (с 62 до 72), а в России значение этого показателя гораздо ниже (58 и 60), причем положительная динамика незначительна. Защита инвесторов – одна из самых серьезных проблем в России в период социально-экономической нестабильности. Еще один показатель, по которому Россия значительно отстает от Китая, – «международная торговля». При отсутствии динамики данного показателя в России китайский показатель возрос с 83,4 до 86,5. По показателю «обеспечение исполнения контрактов» Китай также опережает Россию. На низком уровне в обеих странах находится показатель «разрешение неплатежеспособности», причем в России положительная динамика небольшая (с 58,1 до 59,1), а в Китае – более ощутимая (с 55,8 до 62,1). Данный показатель, как и показатель «защита миноритарных инвесторов», характеризует степень защищенности бизнеса, и в условиях экономической нестабильности в России обеспечить его реальный рост достаточно сложно.

Таким образом, анализ данных проекта Doing Business свидетельствует о том, что нормативное регулирование предпринимательства в России и Китае имеет примерно одинаковую степень жесткости. В то же время по ряду ключевых характеристик российская бизнес-среда отстает от китайской, а позитивные изменения институциональной среды бизнеса в Китае более очевидны.

Всемирный банк 16 сентября 2021 г. объявил о прекращении публикации рейтинга Doing Business в связи с обнаружением ошибок, допущенных при подготовке прошлых исследований (в отчеты внесены исправления). В банке планируют разработать новый подход к оценке делового и инвестиционного климата [257].

***Условия развития бизнеса и предпринимательская активность
в России и Китае: результаты
Глобального мониторинга предпринимательства***

Второй анализируемый рейтинг – Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) [220]. GEM был учрежден в 1999 г. как совместный проект Бабсон-колледжа (Babson College) в США и Лондонской бизнес-школы (London Business School) в Великобритании. В рамках проекта GEM ежегодно проводится оценка национального уровня предпринимательской активности.

Основными источниками данных GEM в каждой стране являются опрос взрослого трудоспособного населения (Adult Population Surveys, APS) и национальные экспертные интервью (National Expert Surveys, NES). Показатели GEM имеют субъективную природу и характеризуют уровень предпринимательской активности как реакцию населения на состояние предпринимательского климата в стране. Благодаря ясной и конструктивной методологии, открытости данных и возможности анализа динамических рядов (продолжительность проекта – 22 года) данные GEM активно используются исследователями как национальных проблем предпринимательства [21; 56; 65 и др.], так и для проведения межстрановых сравнений [45; 170 и др.].

Структура GEM включает несколько направлений:

- восприятие качества предпринимательской среды (финансирование, государственная политика и поддержка, налогообложение и пр.);
- социальные ценности и восприятие предпринимателей в обществе (предпринимательство как успешный выбор карьеры, высокий социальный статус предпринимателя, внимание СМИ к предпринимательству);

- индивидуальные характеристики потенциального предпринимателя (предпринимательские возможности, способности и намерения, страх провала);
- жизненный цикл бизнеса (ранняя предпринимательская активность, устоявшийся бизнес, выход из бизнеса);
- специфические виды предпринимательской активности (внутреннее и социальное предпринимательство).

Для сравнительного анализа ситуации в РФ и КНР рассмотрим оценки предпринимательской экосистемы, динамику ранней предпринимательской активности и ряд характеристик восприятия предпринимательства в обществе. Первые данные GEM по России получены в 2002 г., однако систематически Россия участвует в проекте с 2006 г. (нет данных за 2015 и 2017 гг.). Китай участвует в проекте с 2002 г. (нет данных за 2004, 2008 и 2020 гг.).

Качество предпринимательской экосистемы исследуется с помощью экспертных оценок восприятия с использованием шкалы Лайкерта от 1 (крайне неудовлетворительно) до 9 (крайне удовлетворительно) по компонентам условий развития предпринимательства. В табл. 2.35 представлены данные по РФ и КНР за три последних года, доступных для анализа (данные по КНР – с 2017 по 2019 г., по РФ – за 2016, 2018 и 2019 гг.).

Таблица 2.35

Динамика индикаторов качества предпринимательской экосистемы в России и Китае

Индикатор	Россия			Китай		
	2016	2018	2019	2017	2018	2019
Финансовая поддержка	1,96	2,05	2,40	3,31	2,75	3,41
Политика государства	2,05	2,23	2,34	2,84	2,90	3,36
Налогообложение и бюрократия	1,91	2,06	2,16	2,59	2,76	3,52
Государственные программы поддержки бизнеса	1,85	2,02	2,51	2,82	2,72	3,18
Базовое образование и обучение предпринимательству	1,89	1,74	2,16	1,88	2,06	2,56
Послевузовское предпринимательское образование и обучение	2,86	2,90	2,61	3,05	3,14	3,32
Внедрение научно-технических разработок	1,68	1,69	2,12	2,56	2,43	3,28

Индикатор	Россия			Китай		
	2016	2018	2019	2017	2018	2019
Коммерческая и профессиональная инфраструктура	2,94	3,02	2,94	2,61	2,51	3,20
Открытость рынка	3,48	3,77	3,51	4,26	4,04	3,83
Барьеры для выхода на рынок	2,00	1,91	2,28	2,58	2,64	3,11
Доступ к физической и сервисной инфраструктуре	3,35	3,61	3,44	4,30	4,37	4,16
Культурные и социальные нормы	2,02	2,76	2,55	3,23	3,62	3,81

Источник: [220].

Индикатор «финансовая поддержка» характеризует доступность финансовых ресурсов, включая гранты и субсидии, новым и развивающимся фирмам, а также доступность и качество финансовой поддержки. Значение данного индикатора в КНР выше, чем в России, при этом в России за три года наблюдается положительная динамика (с 1,96 до 2,40), в Китае значение данного показателя колеблется, но в целом за три года замечен небольшой рост (с 3,31 до 3,41).

Индикатор «политика государства» характеризует оценки региональной и федеральной государственной политики и ее правоприменения. Значение показателей по России ниже, чем в Китае, в обеих странах наблюдается небольшой рост показателей (в России – с 2,05 до 2,34, в Китае – с 2,84 до 3,36).

Оценка налоговой системы и бюрократического давления на бизнес и в России, и в Китае неблагоприятна, показатели низкие (особенно по России), хотя и характеризуются небольшой положительной динамикой (в России – с 1,91 до 2,16, в Китае – с 2,59 до 3,52).

Удовлетворенность государственными программами поддержки бизнеса на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном, а также доступностью и качеством государственных программ тоже крайне низка (в Китае несколько выше) и характеризуется небольшой положительной динамикой (в России – с 1,85 до 2,51, в Китае – с 2,89 до 3,18).

Качество образования и профессиональной подготовки оценивается на двух уровнях – базовом и послевузовском. Оценивается включенность существующей системы подготовки и обучения по созданию нового или растущего бизнеса и управления им в общую

систему образования и профессиональной подготовки. Оценки базового обучения предпринимательству ниже в обеих странах, оценка послевузовского бизнес-образования выше, особенно в Китае. При этом показатели по России снижаются (с 2,86 до 2,61), а по Китаю – растут (с 3,05 до 3,32).

Оценка уровня развития научных исследований и разработок, ведущих к созданию в стране новых возможностей для бизнеса, а также доступности научно-технических разработок для новых и развивающихся малых компаний в России ниже, чем в Китае. Обе страны демонстрируют рост данного индикатора (в России – с 1,68 до 2,12, в Китае – с 2,56 до 3,28).

Оценка уровня развития коммерческих, учетных и юридических служб и организаций, оказывающих поддержку новому и растущему малому бизнесу (коммерческой и профессиональной инфраструктуры), в России и Китае невысока, при этом в России динамики данного индикатора нет, а в Китае наблюдается небольшой рост (с 2,61 до 3,20). Различия оценок в двух странах по данному индикатору невелики.

Оценка открытости рынка характеризует степень его изменения вследствие глобализации. Значение данного индикатора для России ниже, чем для Китая, в России значимых изменений не наблюдается, а в Китае фиксируется снижение уровня удовлетворенности экспертов.

Индикатор «барьеры для выхода на рынок» в России имеет низкие значения с небольшой положительной динамикой (от 2,00 до 2,28), а в Китае оценки несколько выше и также фиксируется положительная динамика (от 2,58 до 3,11).

Восприятие возможностей доступа к физической и сервисной инфраструктуре (доступность и качество физических ресурсов, включая средства связи; основные коммунальные услуги; транспорт; офисные помещения; доступность и качество сырья и природных ресурсов) оценивается несколько выше, особенно в Китае, в обеих странах оценки незначительно колеблются без отчетливой тенденции к росту.

Значимой характеристикой предпринимательской экосистемы являются социально-культурные нормы, выражающие отношение общества к предпринимательству и предпринимателям. Значения данного индикатора в России ниже, чем в Китае, в обеих странах наблюдается рост данного индикатора (в России – с 2,02 до 2,55, в Китае – с 3,23 до 3,81).

Учитывая, что максимальное значение индикаторов – 9, отметим: значения оценок от 0 до 3 характеризуют неудовлетворенность экс-

пертов, от 4 до 6 – среднее, нейтральное отношение. Можно заключить, что, в соответствии с данными проекта GEM, уровень развития предпринимательской экосистемы в обеих странах относительно невысокий, причем в Китае ситуация несколько лучше (на рис. 2.5 представлена диаграмма со значениями индикаторов в России и Китае в 2019 г.). При этом по большинству индикаторов происходит медленный рост значений, что свидетельствует о медленном, постепенном формировании более благоприятной предпринимательской среды.

Рис. 2.5. Значения индикаторов предпринимательской среды РФ и КНР в 2019 г.

Составлен по: [220]

Начиная с 2018 г. в рамках проекта GEM рассчитывается сводный индекс – индекс национального предпринимательского контекста (National Entrepreneurship Context Index, NECI), который представляет собой интегральную оценку условий для развития предпринимательства. Расчет NECI основан на 12 базовых условиях и учиты-

вает не только значения индикаторов, но и важность того или иного условия¹ (табл. 2.36).

Таблица 2.36

Индексы национального предпринимательского контекста (NECI) и средневзвешенные оценки условий развития предпринимательства в России и Китае в 2018–2019 гг.

Показатель	Россия		Китай	
	2018	2019	2018	2019
NECI – рейтинг	37	41	11	4
NECI	3,30	4,04	4,60	5,89
<i>Средневзвешенные значения условий развития предпринимательства с учетом их значимости</i>				
Финансовая поддержка	3,30	3,71	4,60	5,80
Политика государства	3,74	3,22	4,79	5,89
Налогообложение и бюрократия	3,30	3,05	4,60	6,16
Государственные программы поддержки бизнеса	3,32	3,84	4,46	5,46
Базовое образование и обучение предпринимательству	2,89	2,97	3,38	4,13
Послевузовское предпринимательское образование и обучение	4,77	4,21	5,27	5,74
Внедрение научно-технических разработок	2,69	2,96	4,04	5,57
Коммерческая и профессиональная инфраструктура	5,07	4,94	4,23	5,37
Открытость рынка	6,40	6,03	6,67	6,88
Барьеры для выхода на рынок	3,17	3,35	4,41	5,23
Доступ к физической и сервисной инфраструктуре	6,03	6,08	7,40	7,70
Культурные и социальные нормы	4,67	4,08	6,02	6,78

Источник: [220].

¹ В каждой стране эксперты оценивают утверждения о 12 базовых условиях, указывая степень своего согласия по девятибалльной шкале. Оценивается также важность каждого утверждения (степень, в которой этот аспект влияет на развитие предпринимательства в экономике страны в текущем году). Оценки каждого условия умножаются на значения их важности. Результаты для всех утверждений по каждому базовому условию затем суммируются и делятся на сумму значений важности для создания индивидуального взвешенного показателя NECI. Эти оценки затем усредняются по всем экспертам в стране, чтобы получить значение NECI для каждого базового условия. Общее значение NECI представляет собой среднее из 12 факторов, которое используется для ранжирования стран.

При анализе NECI различия в оценках предпринимательской среды в России и Китае становятся более очевидными, как и их динамика. В 2018 г. Россия занимала 37-е место из 54 стран, участвовавших в GEM (значение средневзвешенного показателя NECI – 3,30), а в 2019 г., несмотря на увеличение NECI до 4,04, опустилась на 41-е место из 54 стран. Китай демонстрирует уверенный рост как средневзвешенных оценок NECI с 4,60 в 2018 г. до 5,89 в 2019 г., так и рост рейтинга с 11-й до 4-й позиции.

В отчете GEM за 2020 г. приведено значение NECI для России, которое составило 3,79. Рейтинг России – 38-е место из 43 стран. Китай в 2020 г. не участвовал в исследовании. Значения 2020 г., безусловно, отражают глобальные проблемы предпринимательства в условиях пандемии COVID-19.

Характеризуя средневзвешенные значения оценок отдельных условий развития предпринимательства, учитывающих их значимость для экономики страны, отметим, что наиболее высокие оценки в России и Китае получили такие условия, как открытость рынка, доступ к физической и сервисной инфраструктуре, послевузовское предпринимательское образование, культурные и социальные нормы. В Китае высока оценка и такого индикатора, как государственные программы поддержки бизнеса.

Небольшой рост оценок в России фиксируется по таким индикаторам, как финансовая поддержка, государственные программы поддержки бизнеса, базовое образование, внедрение НИОКР, барьеры для выхода на рынок. По остальным показателям произошло небольшое снижение оценок.

В Китае рост оценок, причем в ряде случаев достаточно значительный, произошел по всем условиям развития предпринимательства. Так, более чем на 1,5 балла увеличилась оценка системы налогообложения, на 1 балл – государственных программ поддержки бизнеса.

Анализ NECI и его составляющих подтверждает поступательное развитие предпринимательской среды в Китае и достаточно медленное и противоречивое улучшение отдельных условий ведения бизнеса в России.

Помимо оценок предпринимательской среды, проект GEM предусматривает исследование предпринимательской активности. Одним из основных показателей GEM является *уровень ранней предпринимательской активности* (Total early-stage entrepreneurial activity index, TEA). TEA характеризует уровень предпринимательской активности

на ранних стадиях и представляет собой долю населения (в процентах) в возрасте от 18 до 64 лет, являющегося нарождающимися предпринимателями и владельцами вновь созданного бизнеса.

Динамика сопоставимых данных, характеризующих ТЕА по России и Китаю с 2002 по 2019 г. (рис. 2.6), свидетельствует о гораздо более высоком уровне ранней предпринимательской активности населения Китая в начале XXI в. Так, в 2002 г. ТЕА в России был в 5 раз ниже, чем в Китае (в России – 2,47 %, в Китае – 12,11 %). В России ТЕА систематически растет (хотя можно отметить снижение показателя в 2007, 2012, 2014 и 2018 гг.) и в 2020 г. достиг уровня 8,5 %. В Китае положительная динамика ТЕА наблюдается до 2009 г., в 2010 г. ТЕА снижается, а в 2011 г. достигнут максимальный ТЕА (24,01 %).

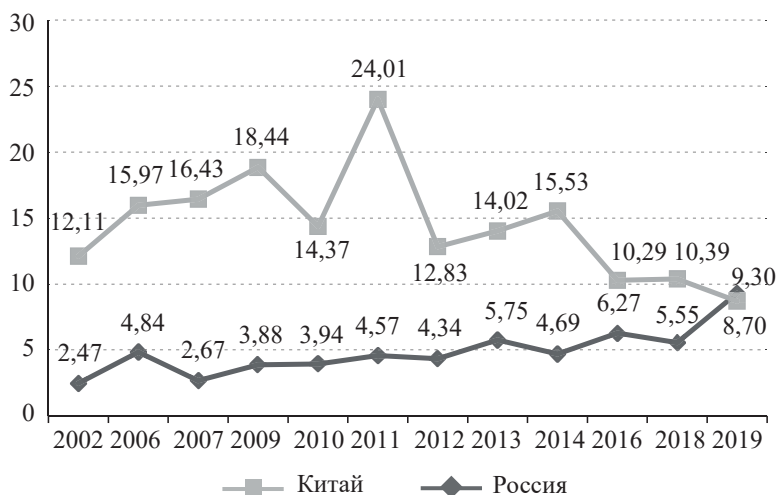

Рис. 2.6. Динамика индекса ранней предпринимательской активности в России и Китае с 2002 по 2019 г., %

Источник: [220]

В 2012 г. показатель ТЕА в Китае резко снижается, незначительно растет в 2013–2014 гг., а в 2016–2018 гг. снижается и стабилизируется (10,29 и 10,39 %). В то же время показатель ТЕА в Китае в 2018 г. почти в 2 раза выше российского уровня. В 2019 г. уровни ТЕА в России и Китае сближаются, и российский показатель впервые становится выше. В 2020 г. ТЕА в России несколько снижается (до 8,5 %), а данные по КНР отсутствуют, вероятно, в связи с пандемией COVID-19.

В табл. 2.37 представлены показатели России и Китая с 2016 по 2020 г., характеризующие предпринимательские намерения населения, а также характеристики сознания, определяющие привлекательность предпринимательской активности для населения (боязнь провала, высокий социальный статус предпринимателя, представление о предпринимательстве как хорошем выборе карьеры).

Таблица 2.37

Индикаторы GEM в России и Китае в 2016–2020 гг. *, %

Индикатор	Россия					Китай				
	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Боязнь провала	44,8	–	46,4	45,2	46,5	49,1	41,5	41,7	44,7	–
Предпринимательские намерения	2,1	–	2,2	9,8	8,3	21,3	15,3	15,3	21,4	–
Высокий статус предпринимателей	65,6	–	68,0	73,7	72,5	77,8	74,6	68,7	92,4	–
Предпринимательство – хороший выбор карьеры	63,4	–	68,0	70,8	75,3	70,3	66,4	60,8	79,3	–

Источник: [220].

* Данные по России за 2017 г. и по Китаю за 2020 г. отсутствуют.

Характеризуя индикатор «боязнь провала», отметим, что различия между странами невелики, при этом в России значение показателя растет, а в Китае – снижается (хотя в 2019 г. наблюдается его рост). Такая характеристика общественного сознания, как высокий статус предпринимателей, в России немного улучшилась, а в Китае заметно ухудшилась в 2018 г. и резко возросла в 2019 г. Представление о предпринимательстве как хорошем выборе карьеры в российском обществе разделяет все большее число опрошенных (с 2016 по 2020 г.), а в Китае число таких респондентов за рассматриваемый период резко сократилось в 2018 г. и увеличилось в 2019 г. Таким образом, выяв-

лена положительная динамика показателей, определяющих привлекательность предпринимательской активности для населения в России, и отрицательная динамика – в Китае, улучшившаяся в 2019 г. Несмотря на это, показатель, характеризующий предпринимательские намерения, в России более чем в 2 раза ниже, чем в Китае, что можно объяснить затянувшимся периодом социально-экономической нестабильности.

Важным показателем проекта GEM является *индекс мотивации* (Motivational Index), который рассчитывается как соотношение доли «высокопритязательных» предпринимателей к доле вынужденных¹. Данные об индексе мотивации по РФ и КНР представлены в отчетах проекта GEM с 2010 г. (табл. 2.38).

Таблица 2.38

Динамика индекса мотивации в РФ и КНР*

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	0,9	1,6	0,9	1,2	1,1	–	1,3	–	0,8
Китай	0,8	0,7	1,1	1,1	1,4	1,1	1,5	1,0	0,9

Источник: [220].

* Данные по России за 2017, 2019 и 2020 гг. и по Китаю за 2019 и 2020 гг. отсутствуют.

В 2010 г. индекс мотивации и в России, и в Китае был невысок (0,9 и 0,8 соответственно). После роста до 1,6 в 2011 г. индекс мотивации в России вновь снизился и незначительно колебался. Можно предположить, что со вступлением страны в период восстановительного роста со второй половины 2000-х гг. доля вынужденных предпринимателей должна была снизиться, а инновационный потенциал этой сферы – укрепиться. Однако, по данным GEM, и в этот относительно благополучный период доля вынужденных предпринимателей составляла около 30 %, что по мировым меркам достаточно много [158. С. 61]. В 2018 г. в России значение индекса составило 0,8, что меньше значения показателя 2016 г. (1,3).

В Китае наименьшее значение индекса мотивации было зафиксировано в 2011 г. (0,7), затем оно возросло до 1,1 (2012 и 2013 гг.).

¹ Значение индекса мотивации, превышающее единицу, означает, что структура ранней предпринимательской активности характеризуется преобладанием «высокопритязательных» предпринимателей (и их доля составляет более половины), тогда как значение меньше единицы свидетельствует о доминировании вынужденного раннего предпринимательства.

Повышение индекса мотивации происходило в 2014 г. (1,4) и 2016 г. (1,5). К 2018 г. индекс мотивации в Китае снизился и составил 0,9.

В целом можно сказать, что значительных различий в доле вынужденных предпринимателей в России и Китае нет. При этом достигнутые значения мотивационного индекса низки: по результатам исследований в 2018 г. РФ и КНР отнесены к странам с наиболее низким индексом мотивации. Более низкие значения индекса мотивации среди стран, участвовавших в проекте, были зафиксированы только в Египте и Индии. Средние значения индекса мотивации ниже в странах с низким уровнем дохода, предоставляющих своим гражданам меньше альтернатив. Самое высокое значение индекса мотивации в 2018 г. зафиксировано в Швейцарии – 9,1 [21].

Можно сделать вывод, что субъективное восприятие населением России открывающихся предпринимательских возможностей значительно ниже, чем в Китае, несмотря на отсутствие значительных различий между странами в жесткости нормативного регулирования. На предпринимательскую активность оказывают влияние не только принимаемые законы, но и общее состояние экономики, динамика уровня жизни, уверенность в завтрашнем дне, поэтому для сохранения положительной динамики предпринимательской активности россиян меры поддержки предпринимательства, осуществляемые в России, должны носить системный и последовательный характер.

2.5. Сравнительный анализ макроэкономических условий и тенденций развития малого и среднего бизнеса в России и Китае в XXI веке

На основе проведенного анализа развития экономики и социальной сферы, сектора МСП России и Китая в XXI в. можно выявить их общие черты и особенности.

Сравнительная характеристика макроэкономической ситуации в России и Китае в XXI веке

При сравнении результатов социально-экономического развития Китая и России за годы реформ А. В. Островский отмечает, что 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего седьмую часть китайской [121. С. 17].

В табл. 2.39 представлена сравнительная динамика валового внутреннего продукта и ВВП на душу населения в мире, в КНР и в России с 2000 по 2015 г. (в пересчете на доллары США).

Таблица 2.39

Сравнительные показатели валового внутреннего продукта и ВВП на душу населения в мире, КНР и России в 2000–2015 гг.

Регион	2000		2010		2015	
	ВВП, млрд долл.	ВВП на душу населения, долл.	ВВП, млрд долл.	ВВП на душу населения, долл.	ВВП, млрд долл.	ВВП на душу населения, долл.
Весь мир	33 548,0	5 485	65 854,0	9 511	74 189,0	10 098
КНР	1 211,3	959	6 100,6	4 561	11 064,7	8 069
РФ	259,7	1 772	1 524,9	10 675	1 331,2	9 093

Источник: [123. С. 14].

За 15 лет экономика Китая выросла почти в 10 раз, России – в 5 раз. Несмотря на огромную численность населения Китая, объем ВВП на душу населения здесь увеличился в 8,4 раза, в России – в 5,1 раза. Если по показателю ВВП на душу населения в 2000 г. Китай отставал от мирового уровня в 5,7 раза, а от России – в 1,8 раза, то к 2015 г. почти ликвидировал отставание.

На рис. 2.7 представлена динамика темпов прироста ВВП в России и Китае в 2000–2019 гг.

Видно, что темпы роста в Китае снизились после кризиса 2008 г. и затем стабилизировались на более низком уровне, чем в 2000-е гг. Новый уровень экономического роста (6–7 % в год, что примерно в 2 раза выше темпов роста мировой экономики) характеризует Китай как стабильно развивающуюся страну с мощным экономическим потенциалом.

Динамика ВВП России в XXI в. более драматична. Рост в 2000-е гг. произошел главным образом на основе экспорта нефти по высоким ценам, и падение в 2009 г. было очень сильным (7,8 %). После восстановления в 2010–2012 гг. темпы снова снижаются и с 2013 г. не превышают 2,5 %, фактически означая не развитие, а стагнацию. Таким образом, проводя сравнение макроэкономической ситуации в России и Китае в XXI в., можно сделать следующие выводы:

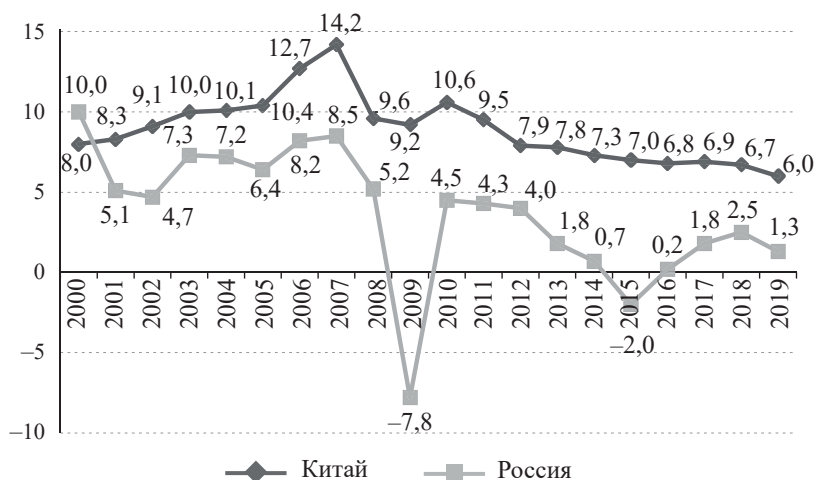

Рис. 2.7. Динамика прироста ВВП в России и Китае
в 2000–2019 гг., %

Составлен по: [161; 237]

1. Темпы роста экономики России недостаточны, макроэкономическая ситуация для развития предпринимательства скорее неблагоприятна. В КНР стабилизация темпов экономического роста произошла на достаточно высокой отметке, что свидетельствует о благоприятной среде для развития бизнеса.

2. Структура экономики РФ характеризуется ресурсной направленностью, что делает ее особенно уязвимой к внешним рискам – снижению спроса на энергоресурсы и падению цен на них в условиях мировых экономических кризисов. Структурная перестройка экономики России, ее реиндустриализация становятся необходимым условием поступательного экономического развития. Структура экономики Китая характеризуется производственной направленностью, а снижение спроса на китайские товары в условиях мирового кризиса КНР удалось компенсировать переориентацией на стимулирование внутреннего потребления, и ущерб от внешних неблагоприятных экономических факторов был гораздо слабее, чем в России.

3. И для России, и для Китая развитие инновационной экономики является стратегическим государственным приоритетом.

4. Неблагоприятные демографические факторы, которые могут существенно осложнить решение социально-экономических задач, имеют

место и в России, и в Китае: это, в частности, старение населения. Однако в Китае данная ситуация является следствием политики ограничения рождаемости и может быть исправлена. В России тенденция депопуляции достаточно устойчива, а рождаемость слабо поддается стимулированию в условиях нестабильной социально-экономической ситуации.

5. Решение задачи повышения уровня жизни населения, имеющей определяющее значение для стимулирования внутреннего потребления (и значимое для развития предпринимательства), в КНР осуществляется достаточно успешно. В России проблема бедности ставится, но решается медленно.

Можно заключить, что в целом в XXI в. в КНР сложилась более благоприятная макроэкономическая и социальная ситуация для развития предпринимательства, в том числе малого и среднего.

Сравнительная характеристика развития малого и среднего бизнеса в России и Китае в XXI веке

При сравнительном анализе тенденций развития МСП в России и Китае с 2000 г. необходимо отметить, что ряд специфических особенностей малого и среднего бизнеса в двух странах и его статистического учета препятствует проведению прямых сопоставлений:

1. Различные масштабы сектора МСП в России (20 % ВВП) и Китае (60 % ВВП), а также особенности отраслевой структуры МСП в названных странах (преобладание торговых малых и средних предприятий в России и производственных малых и средних предприятий в Китае) определены исторически, т. е. являются объективным обстоятельством, исключающим оценочные суждения. По этой причине считаем более правильным проводить сравнение не столько показателей, сколько тенденций развития МСП двух стран, его внутренней структуры, отраслевой структуры, регионального размещения и инновационной активности.

2. Развитие МСП во многом результат государственной политики в отношении малого и среднего бизнеса, а также общих трендов экономического развития страны. В то же время ряд внешних обстоятельств (мировой экономический кризис, пандемия, экономические санкции и пр.) негативно влияет на экономику в целом и особенно на развитие МСП, поэтому при оценке результатов развития МСП необходимо учесть влияние как внутренней макроэкономической ситуации, так и внешних факторов (экономических и политических).

3. Количественные критерии отнесения предприятий к сектору МСП в России и Китае различаются (гораздо более высокие показате-

ли численности работников и годового дохода – в КНР). На значение количественных показателей отнесения предприятий к сектору МСП справедливо обращают внимание исследователи Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, указывая на необходимость учета данного обстоятельства в межстрановых сравнениях. Фактически, говоря о МСП России и МСП Китая, мы имеем в виду предприятия разного размера. В то же время различия подходов к определению критериев в какой-то степени могут объясняться тем, что понятия «малый» и «средний» должны соотноситься с размером экономики [91. С. 14]. В связи с этим мы говорим о МСП, вкладывая в данное понятие те национальные критерии, которые применяются в каждой стране.

4. Важное обстоятельство, которое следует учесть при сравнении МСП России и Китая, – это ограниченные возможности прямых сопоставлений статистических показателей. Например, в статистике Китая часть доступных показателей рассчитывается не по всем субъектам МСП, а по отдельным отраслям экономики. Кроме того, в России к МСП относятся исключительно частные предприятия, а в Китае – предприятия любой формы собственности. Существуют и другие различия.

Рассматривая развитие МСП России и Китая в XXI в., выделим его общие черты и особенности. К общим тенденциям развития МСП следует отнести следующие:

1. Темпы развития МСП соответствуют темпам общего развития экономики каждой из стран (в том числе динамике ВВП, уровня жизни населения и др.). При этом реакция на экономические кризисы и нестабильность со стороны сектора МСП проявляется достаточно явно, определяя повышенную уязвимость МСП и необходимость его государственной поддержки.

2. Рассматривая внешние условия развития России и Китая, отметим, что, помимо общих экономических кризисов, с 2015 г. в отношении России применяются экономические санкции, а с 2018 г. началось китайско-американское противостояние в торговой сфере. Можно сказать, что для обеих стран внешние факторы развития в XXI в. были непростыми.

3. Достигнутый уровень развития МСП (20 % ВВП в России, 60 % ВВП в Китае) является исключительно устойчивым показателем, слабо колеблющимся в течение рассматриваемого промежутка времени. Можно, наверное, признать эту долю возможным и достаточным уровнем развития МСП в данный период социально-экономического развития каждой из стран. Усилия России должны быть направлены не столько на увеличение числа субъектов МСП и его доли в ВВП,

сколько на качественное развитие данного сектора, повышение его конкурентоспособности и роли в инновационном развитии.

4. Общей тенденцией для двух стран следует признать тенденцию изменения внутренней структуры МСП – увеличение доли микропредприятий. Именно микропредприятия наиболее мобильно реагируют на возникновение рыночных возможностей, смягчение административных барьеров. С другой стороны, микропредприятия менее эффективны и в большей степени обеспечивают самозанятость населения.

5. И Россия, и Китай – огромные страны, социально-экономическое развитие регионов которых отличается неравномерностью. Соответственно, распределение субъектов МСП по регионам неравномерно, что признается в качестве значимой проблемы.

6. Важная общая черта развития МСП в России и Китае – это пристальное внимание государства к проблемам МСП. Развитие малого и среднего бизнеса рассматривается в качестве значимого направления социально-экономического развития общества. Разрабатываются программные документы с целью стимулирования развития МСП, создания более благоприятной предпринимательской среды.

Несмотря на наличие общих черт в развитии МСП в РФ и КНР, следует признать, что различий гораздо больше. В табл. 2.40 сгруппированы основные особенности условий и тенденций развития МСП в двух странах.

Сравнение тенденций развития МСП в России и Китае дополнено сопоставлением данных международных рейтингов, характеризующих предпринимательскую среду и предпринимательскую активность населения двух стран. Создание более благоприятной предпринимательской среды рассматривается в качестве значимого направления социально-экономического развития общества. Анализ международных рейтингов, фиксирующих условия и уровень предпринимательской активности, свидетельствует, что нормативное регулирование предпринимательства в России и Китае имеет примерно одинаковую степень жесткости, но при этом нормативные условия в Китае реформируются в сторону повышения легкости ведения бизнеса быстрее, чем в России. По результатам проекта GEM, уровень развития предпринимательской экосистемы в обеих странах относительно невысокий. Анализ интегральной оценки условий для развития предпринимательства (индекс NECI) и его составляющих подтверждает поступательное развитие предпринимательской среды в Китае и достаточно медленное и противоречивое улучшение отдельных условий ведения бизнеса в России.

Таблица 2.40

**Специфические особенности и тенденции развития МСП
в России и Китае**

Россия	Китай
<i>Макроэкономические условия</i>	
Для России характерны низкие темпы роста ВВП, особенно в последние пять лет. Сырьевая ориентация экономики приводит к повышенной уязвимости экономики страны в периоды экономических кризисов. Уровень жизни населения растет медленно, усиливается имущественное неравенство, демографические тенденции неблагоприятны. Отмечается нестабильность социально-экономической ситуации в стране	Высокие темпы роста ВВП в первое десятилетие XXI в. сменились более скромными, которые, тем не менее, в 2 раза превышают темпы развития мировой экономики. Благоприятные изменения происходят в структуре экономики, развивается не только вторичная, но и третичная ее сфера. Повысилось благосостояние населения, преодолена бедность. Несмотря на снижение темпов, развитие стабильно
<i>Масштабы МСП, его доля в общем количестве предприятий, доля в ВВП</i>	
Достаточно скромные масштабы развития МСП в России связаны с исторически чрезвычайно быстрым переходом «от социализма к рынку». Стагнация промышленных предприятий породила первых мелких предпринимателей – челноков, что повлияло на формирование отраслевой структуры МСП в России с явным преобладанием торговых предприятий	Исторически в Китае социальной базой развития МСП стало крестьянское мелкотоварное хозяйство. Широта исходной социальной базы определила большие масштабы развития МСП, которое происходило в направлении несельскохозяйственных отраслей – сначала производственных, а затем и сферы услуг. Массовизация мелкого бизнеса позволила избежать роста безработицы в условиях постепенного разгосударствления экономики
<i>Отраслевая структура МСП</i>	
Исторически сложившаяся структура МСП с преобладанием предприятий торговли оказалась очень устойчивой. Доля производственных предприятий в секторе МСП не растет. Торговля как сфера с быстрым оборотом капитала и меньшими капитальными вложениями представляет для бизнеса меньшие риски	Высокая доля МСП в промышленности, сложившаяся в период, когда Китай был «всемирной фабрикой». Государство постепенно расширяет перечень отраслей, куда допускается частный бизнес, отраслевая структура МСП становится более разнообразной, растет доля торговли и отраслей сферы услуг

Россия	Китай
<i>Региональная структура МСП</i>	
Региональная структура распределения предприятий сектора МСП соответствует уровню экономического развития регионов страны. Наибольшее количество субъектов МСП – в регионах с крупными агломерациями и развитой сферой услуг: в Центральном, Приволжском, Южном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах. Тенденции к сглаживанию региональных различий нет	Размещение субъектов МСП по регионам отличается неравномерностью: абсолютно преобладает Восточный регион. В то же время различия постепенно сглаживаются: темпы роста числа субъектов МСП в Центральном и Западном регионах были наиболее высоки. Дифференциация связана с численностью населения и уровнем экономической активности в регионах
<i>Инновационная активность МСП</i>	
Активность российских малых и средних предприятий в инновационной сфере низка (менее 9 % осуществляют значительные инвестиции в развитие)	МСП – один из драйверов инновационной экономики Китая. На долю малых и средних предприятий приходится более 82,6 % высокотехнологичного производства в стране и около 70 % зарегистрированных патентов
<i>Внеэкономическая деятельность МСП</i>	
Доля малых и средних предприятий в структуре российского экспорта менее 0,5 %	Предприятия сферы МСП Китая обеспечивают более 60 % общего объема экспорта страны

Выявлена положительная динамика показателей, определяющих привлекательность предпринимательской активности для населения, в России и отрицательная динамика – в Китае, улучшившаяся в 2019 г. Несмотря на это, показатель, характеризующий предпринимательские намерения, в России более чем в 2 раза ниже, чем в Китае, что можно объяснить затянувшимся периодом социально-экономической нестабильности.

В России субъективное восприятие открывающихся предпринимательских возможностей значительно ниже, чем в Китае, несмотря на отсутствие значительных различий между странами в жесткости нормативного регулирования. Соответственно, на предпринимательскую активность оказывает влияние не только институциональная среда, но и общее состояние экономики, динамика уровня жизни, уверенность в завтрашнем дне.

Результатом экономического самоопределения предпринимателей является их экономическая активность, поэтому результаты развития МСП и особенности предпринимательской среды, которая сформировалась в России и Китае в XXI столетии, характеризуют степень успешности протекания процессов экономического самоопределения предпринимателей малого и среднего бизнеса.

Выводы по главе 2

Результатом экономического самоопределения предпринимателей является их экономическая активность, поэтому результаты развития МСП и особенности предпринимательской среды, которая сформировалась в России и Китае в XXI столетии, характеризуют степень успешности протекания процессов экономического самоопределения представителей малого и среднего бизнеса. Проведенный анализ позволил сделать следующие основные выводы, характеризующие общие черты и различия ситуации в России и Китае:

1. Описывая наиболее значимые для развития МСП особенности макроэкономической ситуации в двух странах, можно отметить, что преимуществами Китая являются и достаточно высокие темпы экономического роста, и ориентация экономики на развитие внутреннего потребления и инновации. Низкие темпы экономического роста, ресурсная направленность экономики и нестабильность экономической ситуации в России формируют менее благоприятную среду для развития МСП. Темпы роста реальных доходов населения в Китае также более высоки, что способствует повышению покупательной способности и развитию малого бизнеса.

2. Достигнутый уровень развития МСП (20 % ВВП – в России, 60 % ВВП – в Китае) является стабильным показателем, который практически не меняется в 2000–2020 гг. Данный уровень обусловлен историческими предпосылками и соответствует сложившейся в каждой стране структуре экономики. Без структурных реформ в экономике России добиться увеличения числа малых и средних предприятий и их доли в экономике вряд ли реально. Следует учесть опыт Китая в повышении конкурентоспособности предприятий сектора МСП и их привлечении к решению стратегических задач инновационного развития страны.

3. Общей проблемой России и Китая является неравномерность регионального размещения и развития малых и средних предприятий, связанная с уровнем экономического развития регионов. При этом в Китае удастся постепенно сгладить эти различия, а в России такая тенденция не обнаруживается.

4. Коренным образом различается отраслевая структура МСП России и Китая, что определено исторически: в России остается преобладающей доля предприятий торговли, а в Китае – промышленности. При этом в Китае отраслевая структура становится более разнообразной.

5. Характеризуя качественные различия МСП России и Китая, следует отметить колоссальный разрыв в инновационной и внешне-экономической активности МСП. Соответственно, роль МСП Китая в решении задач социально-экономического развития масштабна, роль МСП в России – относительно невелика.

6. Важная общая черта развития МСП в России и Китае – это пристальное внимание государства к проблемам МСП. Создание более благоприятной предпринимательской среды рассматривается в качестве значимого направления социально-экономического развития общества. Анализ международных рейтингов, фиксирующих условия и уровень предпринимательской активности, свидетельствует, что нормативное регулирование предпринимательства в России и Китае имеет примерно одинаковую степень жесткости, но при этом нормативные условия в Китае реформируются в сторону повышения легкости ведения бизнеса быстрее, чем в России. По результатам проекта GEM, уровень развития предпринимательской экосистемы в обеих странах относительно невысокий. Анализ интегральной оценки условий для развития предпринимательства (индекс NECI) и его составляющих подтверждает поступательное развитие предпринимательской среды в Китае и достаточно медленное и противоречивое улучшение отдельных условий ведения бизнеса в России.

7. Выявлена положительная динамика показателей, определяющих привлекательность предпринимательской активности для населения, в России и отрицательная динамика – в Китае, улучшившаяся в 2019 г. Несмотря на это, показатель, характеризующий предпринимательские намерения, в России более чем в 2 раза ниже, чем в Китае, что можно объяснить затянувшимся периодом социально-экономической нестабильности.

8. В России субъективное восприятие открывающихся предпринимательских возможностей значительно ниже, чем в Китае, несмотря на отсутствие значительных различий между странами в жесткости нормативного регулирования. Соответственно, на предпринимательскую активность оказывает влияние не только институциональная среда, но и общее состояние экономики, динамика уровня жизни, уверенность в завтрашнем дне.

3. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в России и Китае в условиях пандемии и преодоления ее последствий

Мировой экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, отличается определенной спецификой. «Мировая рецессия началась не вследствие шока из финансового сектора, а из-за запретов на общение и личное потребление услуг, которые ранее обычно не были подвержены колебаниям. Нефтяной шок усилил негативные тенденции в мировой энергетике, особенно на нефтяных рынках» [38. С. 5]. Пандемия COVID-19 оказала исключительно сильное разрушающее воздействие на мировую экономику, более серьезное, чем в период финансового кризиса 2008–2009 гг.: по данным Всемирного банка, сокращение мирового ВВП в 2020 г. составило 3,4 %, тогда как в 2009 г. – всего 1,3 % [253]. По данным Международного валютного фонда, в 2020 г. падение ВВП в странах с развитой экономикой было более сильным (–4,7 %), чем в странах с формирующимися рынками и развивающихся странах (–2,2 %) [219], при этом развитые экономики демонстрируют более высокие темпы восстановления экономического роста. По прогнозу ОЭСР, большинство развитых стран полностью восстановит докризисный уровень (с точки зрения ВВП на душу населения) к концу 2022 г., в то время как некоторые развивающиеся страны смогут вернуться к допандемийным показателям не ранее 2024 г. [96].

К социально-экономическим последствиям пандемии можно отнести рост безработицы и падение доходов населения, что приводит к снижению платежеспособного спроса и углублению кризиса, рост социальной напряженности в отдельных странах и регионах, углубление экономического неравенства как в отдельных странах, так и в мировом масштабе. Пандемия COVID-19 привела к резкому ускорению процессов цифровизации экономики, развитию удаленных форматов занятости, онлайн-сервисов, дистанционного обучения и т. д., причем большая часть цифровых инноваций сохраняется и при улучшении

эпидемиологической ситуации [96]. При этом формируется и усиливается цифровое неравенство стран, регионов, сфер деятельности, групп населения и пр.

Исследования влияния пандемии COVID-19 на экономическое развитие России проводили Э. Ф. Баранов, К. В. Бобылёва, И. Б. Воскобойников, А. В. Зимовец, Р. И. Капелюшников, Д. И. Пионтковский, А. А. Роскин, Ю. В. Сорокина, Н. М. Степаненкова, А. Е. Толоконников, А. В. Ханина и многие другие. Уникальный опыт Китая в борьбе с пандемией, который способствовал быстрому восстановлению экономики, изучается А. А. Масловым, Л. В. Новоселовой, Т. В. Подольской, М. А. Сингх, Ф. Е. Шкель и другими авторами.

Меры борьбы с пандемией и ее последствиями потребовали привлечения значительных государственных резервов для оказания поддержки населению и бизнесу. Негативное влияние пандемии на условия развития малого бизнеса проявляется особенно сильно. Как правило, малые предприятия не имеют финансовых резервов, позволяющих «продержаться» в случае приостановки деятельности, хуже справляются с рисками. Поэтому во всем мире наряду с общими мерами поддержки населения и экономики реализуются специальные меры поддержки малых предприятий [115].

Проблемы и тенденции развития МСП в условиях пандемии COVID-19, а также меры его государственной поддержки в России исследовали И. А. Бабалыкова, В. А. Барина, К. А. Богатырева, Е. М. Бухвальд, К. В. Демидова, С. П. Земцов, Ю. Г. Кириллов, А. Коваль, Д. А. Коровин, А. К. Ласковая, А. Левашенко, А. А. Михайлов, О. И. Образцова, Е. Павента, А. В. Пономаренко, А. А. Смирнова, Н. М. Степаненкова, Ю. В. Царева, А. Ю. Чепуренко, Т. А. Шульженко и многие другие.

Состояние МСП в Китае в условиях пандемии и меры его поддержки, предпринимаемые государством, изучали Е. Симэн и М. Ю. Шерешева, Т. В. Подольская, М. А. Сингх и Ф. Е. Шкель, О. Н. Быкова, С. Н. Курбакова, Л. Руденко, В. М. Репникова, П. В. Строев, а также китайские исследователи Chu Daye, Junpeng Hu, Liu Jun, Ruixin Wang, Ruochen Dai, Wei Wei, Xiaobo Zhang, Zhang Yue, Zhu Wuxiang и др.

Анализируя состояние сектора МСП в России и Китае в период пандемии COVID-19, рассмотрим следующие вопросы: особенности протекания пандемии в России и Китае, динамика макроэкономических показателей и тенденции развития сектора МСП, а также особенности государственной поддержки МСП в период пандемии в двух странах.

3.1. Особенности изменения макроэкономической ситуации в России и Китае в условиях пандемии COVID-19

Этапы пандемии в России и Китае

Рассматривая развитие экономики и сектора МСП в России и Китае в период пандемии COVID-19, следует учесть, что и ущерб от пандемии, и темпы восстановления экономики отличаются значительной дифференциацией по странам и группам стран. По оценке экспертов Всемирного банка, мировая экономика переживает период активного, но неравномерного восстановления. Экономический рост наблюдается главным образом в нескольких крупных странах, а большинство стран с формирующимся рынком и развивающихся стран заметно отстают от них [218]. По оценкам Всемирного банка, в 2021 г. ожидается рост мировой экономики на 5,6 %, обусловленный интенсивным подъемом экономической активности в нескольких крупных странах, прежде всего в США и Китае. Несмотря на восстановление экономики, мировой объем производства к концу 2021 г. окажется примерно на 2 % ниже по сравнению с прогнозами, сделанными до начала пандемии [Там же].

Основными факторами, оказавшими негативное влияние на экономику, стали полная и частичная остановка экономической активности (локдауны), ограничение общения людей и личного потребления услуг, а также колебания цен на нефть, нарушения в глобальной цепочке поставок и др. [115]. Необходимо отметить, что дифференциация уровня падения экономики по странам мира связана и со спецификой протекания эпидемического процесса. Масштабы и продолжительность пандемии в разных странах различаются, соответственно, различаются глубина и продолжительность ограничений экономической активности. Разное влияние пандемия оказала на различные сферы и сектора экономики. В 2021 г. фактором усугубления неравенства стран стал доступ к вакцинам и темпы вакцинации населения.

Пандемия COVID-19 началась в Китае (Ухань) в конце декабря 2019 г. Именно Китай стал первой страной, где распространение коронавируса приобрело масштабы эпидемии. Уже 31 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о чрезвычайной ситуации [47]. Китайское правительство предприняло быстрые и решительные меры для борьбы с пандемией, в пострадавших регионах (провинция Хубэй) в конце января 2020 г. был введен жесткий карантин. Начиная с середины февраля правительство стало постепенно снимать ограничения на мобильность и деятельность, отдавая прио-

ритет основным секторам, конкретным отраслям, регионам и группам населения на основе текущих оценок рисков [225].

В апреле 2020 г. в Китае выздоровели 93,2 % заразившихся коронавирусом, а в начале мая в стране не осталось регионов с высоким или средним уровнем эпидемиологической опасности [Там же]. Таким образом, Китай пережил фактически всего одну волну пандемии в феврале 2020 г., а в дальнейшем ситуация остается достаточно стабильной под жестким контролем руководства КНР. Несмотря на наличие локальных вспышек коронавирусной инфекции в отдельных регионах Китая в 2020–2021 гг., общее количество инфицированных и погибших от коронавируса относительно невелико: по данным ВОЗ, на 2 ноября 2021 г. общее число случаев заражения в Китае составило 126 078 чел., или 8,569 чел. в расчете на 100 тыс. населения (табл. 3.1). Китай занимает 112-е место в мире по распространению коронавирусной инфекции (из 185 стран) [142].

Таблица 3.1

Сравнительные данные о масштабах пандемии COVID-19
в России и Китае (на 2 ноября 2021 г.)

Показатель	В мире	В РФ	В КНР
Общее число выявленных случаев заражения	246 594 191	8 554 192	126 078
Число выявленных случаев заражения в расчете на 100 тыс. населения	3 163,678	5 861,667	8,569
Новые случаи заражения за последние семь дней	2 993 390	274 619	513
Новые случаи заражения за последние семь дней в расчете на 100 тыс. населения	38,404	188,18	0,035
Новые случаи заражения за последние 24 часа	296 434	40 402	99
Общее число умерших	4 998 784	239 693	5 696
Число умерших в расчете на 100 тыс. населения	64,132	164,247	0,387
Число умерших за последние семь дней	49 802	8 024	1
Число умерших за последние семь дней в расчете на 100 тыс. населения	0,639	5,498	0
Число умерших за последние 24 часа	4 671	1 155	0

Источник: [258].

Быстрое ухудшение эпидемиологической обстановки в начале 2020 г. потребовало от китайского государства широкой системы мер реагирования с применением, в частности, ряда жестких карантинных мероприятий, вызвавших повсеместное нарушение экономической жизни [104. С. 77]. Опыт Китая в борьбе с пандемией поистине уникален: строгие, но «точечные» карантинные меры, принимаемые государством, сочетались с высокой социальной ответственностью населения. Меры сдерживания были дифференцированы для разных регионов в зависимости от конкретной эпидемиологической ситуации. Существует мнение, что на поведение китайских властей в 2020 г. в значительной степени оказал влияние опыт борьбы с эпидемией SARS в 2003 г. [232].

В настоящее время в Китае установлен контроль за распространением инфекции, экономическая активность восстанавливается. А. А. Маслов отмечает: «Главная проблема заключалась в том, что Китай был первой страной, которая столкнулась с эпидемией COVID-19 и ее экономическими последствиями. Китай на себе испытывал разные модели социального и экономического поведения, которые уже потом пытались применять другие страны... При этом Китай обладал двумя важными особенностями: огромной финансовой «подушкой», которая позволила ввести экономику в «искусственную кому» на несколько месяцев, а затем вернуть ее к жизни, а также способностью перевести жизнь части страны на мобилизационные рельсы в кратчайший срок» [93. С. 3–4].

Несмотря на восстановление экономики Китая, китайские предприятия испытывают трудности, связанные с экономическим кризисом в других странах, где пандемия продолжается [225]. После первой волны остались угрозы. Чтобы оживить экономику, в КНР стали наращивать общую динамику спроса и предложения путем активного стимулирования внутреннего потребления и ускорения развития инвестиционных проектов [93. С. 4].

В России пандемия началась позднее, когда ситуация в Китае стала стабилизироваться, а в странах Европы была в разгаре первая волна пандемии. В настоящее время страна переживает уже четвертую волну роста заболеваемости. Основные этапы развития пандемии COVID-19 в России можно обобщить следующим образом:

1. Первая волна пандемии – весна 2020 г. (пиковое число заражений – в начале мая 2020 г.). Для ограничения распространения инфекции указом Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации

нерабочих дней» от 25 марта 2020 г. № 206 [112] во всей стране был введен режим самоизоляции, продлившийся по 7 мая 2020 г. Главной особенностью введенного режима нерабочих дней была обязанность работодателей сохранить выплаты заработной платы работникам. После 12 мая 2020 г. началось последовательное ослабление ограничительных мер, дифференцированно, с учетом эпидемиологической обстановки в отдельных регионах России. Наиболее долго ограничения продлились в сфере услуг, ресторанном бизнесе, туризме и ряде других отраслей. После спада первой волны пандемии летом 2020 г. экономическая активность стала восстанавливаться.

2. Вторая волна началась осенью 2020 г. и закончилась весной 2021 г. (пиковое число заражений – в декабре 2020 г. – январе 2021 г.). Во время второй волны меры ограничения экономической активности в масштабе всей страны не принимались. В большинстве российских регионов были введены такие меры, как самоизоляция для пожилых, перевод части занятых на удаленный режим работы, образовательных организаций – на дистанционный формат обучения, ограничение массовых мероприятий, ограничение режима работы организаций общественного питания, ограничение профилактического медицинского обслуживания. Меры были значительно дифференцированы по регионам страны.

3. Третья волна – лето 2021 г. (пиковое число заражений – в июне 2021 г.). Во время третьей волны, как и во время второй, принимались ограничительные меры в регионах в соответствии с особенностями эпидемиологической ситуации. Кроме того, в регионах стали устанавливаться требования об обязательной вакцинации работников отдельных сфер деятельности.

4. Четвертая волна пандемии в России началась осенью 2021 г. и продолжается по настоящее время (ноябрь 2021 г.). Высокие показатели заболеваемости и смертности привели к необходимости объявления режима нерабочих дней на федеральном уровне с 30 октября по 7 ноября 2021 г. [113]. Регионы вправе увеличивать продолжительность нерабочих дней с учетом реальной эпидемиологической обстановки. Конкретные ограничительные меры (перевод сотрудников на удаленный режим работы, дистанционное обучение в образовательных организациях, ограничение работы организаций сферы услуг, самоизоляция для пожилых и пр.) устанавливаются в регионах. В большинстве регионов вводятся QR-коды для вакцинированных граждан для допуска в отдельные организации торговли, сферы услуг, культуры и др., что негативно сказывается на выручке этих организаций.

Несмотря на предпринимаемые в РФ усилия по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, по данным ВОЗ на 2 ноября 2021 г., общее число случаев заражения в РФ составило более 8,5 млн чел., или 5 861,667 чел. в расчете на 100 тыс. населения (см. табл. 3.1). По общему числу заражений Россия занимает пятое место в мире (после США, Индии, Бразилии и Великобритании) [142].

Таким образом, масштабы пандемии COVID-19 в России и Китае несопоставимы: Россия пострадала гораздо сильнее, и пандемический процесс к настоящему времени не стабилизирован. Безусловно, это сказалось на макроэкономических показателях развития двух стран в 2020–2021 гг.

Макроэкономические показатели России и Китая в период пандемии

В 2020 г. ВВП России снизился на 3 % по сравнению с 2019 г. Для России экономические последствия пандемии были усугублены резким падением цен на нефть и необходимостью ограничить ее добычу весной 2020 г. [137. С. 5]. В то же время спад оказался более умеренным, чем в 1998 г. (–5,3 %) и 2009 г. (–7,8 %) [143. С. 5].

Основное снижение произошло во втором квартале 2020 г., когда с 30 марта по 7 мая действовал режим нерабочих дней, установленный на федеральном уровне (табл. 3.2). По данным Росстата, в первом полугодии 2020 г. ВВП сократился на 3,4 % по сравнению с первым полугодием 2019 г., а реальные располагаемые денежные доходы уменьшились на 2,9 % [162].

Таблица 3.2

Динамика некоторых социально-экономических
показателей России в 2020 г.

Показатель	2020 г.	Первый квартал	Второй квартал	Третий квартал	Чет- вертый квартал
Рост ВВП, %	97,0	101,4	92,2	96,5	98,2
Уровень безработицы, %	5,8	4,6	6,0	6,3	6,1
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к соответствующему периоду прошлого года	97,2	101,9	92,9	95,3	98,8

Источник: [75].

В целом за 2020 г. реальные располагаемые денежные доходы населения снизились на 2,8 %. Падение реальных располагаемых доходов населения привело к снижению внутреннего конечного спроса (–4,4 %). Расходы на конечное потребление сократились по сравнению с 2019 г. (–5,2 %) за счет снижения расходов домашних хозяйств на конечное потребление (–8,6 %), обусловленных падением потребительского спроса на непродовольственные товары и услуги [165].

Уровень безработицы оставался достаточно высоким со второго квартала (см. табл. 3.2), а за год составил 5,8 % (в 2018 и 2019 гг. уровень безработицы составлял 4,8 и 4,6 % соответственно). Индекс потребительских цен увеличился на 4,9 % (в том числе на продовольственные товары – на 6,7 %).

По данным Росстата [164], инвестиции в основной капитал в 2020 г. снизились на 1,4 % по сравнению с 2019 г., индекс промышленного производства сократился на 2,6 %. По ряду обрабатывающих производств наблюдался рост. Это производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (рост на 23,2 %), производство текстильных изделий (на 8,9 %), производство химических веществ и химических продуктов (на 7,2 %) и ряд других. По сравнению с 2019 г. внешнеторговый оборот снизился на 15,1 %, экспорт – на 20,7 %, импорт – на 5,3 %.

Ухудшилась демографическая ситуация в стране. По данным Росстата, численность постоянного населения РФ на 1 января 2021 г. составила 146,2 млн чел. За 2020 г. число жителей России сократилось на 582,2 тыс. чел. (в соответствующий период 2019 г. численность населения уменьшилась на 30,4 тыс. чел.). За 2020 г. число умерших превысило число родившихся на 48 % [Там же]. Рост смертности в значительной степени обусловлен пандемией COVID-19. При этом ряд исследований свидетельствует, что реальные показатели смертности, связанной с коронавирусной инфекцией, превышают официальные значения и составляют по итогам 2020 г. 337 тыс. чел. [156. С. 76].

В 2021 г., несмотря на то что эпидемиологическая обстановка в России остается сложной, в развитии экономики наметились позитивные тенденции. Так, по данным Росстата, в первом полугодии 2021 г. ВВП страны вырос по сравнению с первым полугодием 2020 г. на 4,8 % и достиг 57 624,1 млрд р., на 7,3 % увеличился объем инвестиций в основной капитал. Реальные располагаемые денежные доходы населения возросли по сравнению с первым полугодием 2020 г. на 1,7 % [162]. Если в первом квартале 2021 г. еще наблю-

далось снижение ВВП (на 0,7 %), то во втором квартале 2021 г. его рост составил 10,5 % [75].

Как заявил на Петербургском международном экономическом форуме президент В. В. Путин, в 2021 г. рост ВВП России может составить примерно 4 %. По оценке Минэкономразвития, российская экономика в апреле 2021 г. прибавила 10,7 %. Глава Минэкономразвития М. Решетников отметил, что экономика страны восстанавливается лучше ожиданий: ВВП России за январь – апрель 2021 г. вырос на 1,8 % в годовом измерении. В Центробанке ожидают в 2021 г. восстановительное ускорение на уровне около 4 %.

Эксперты прогнозируют, что после быстрого восстановления в 2021–2022 гг. российский ВВП, вероятно, вернется на докризисные темпы роста в районе 2 %, если не будут приняты меры по ускорению экономики [27].

Что касается развития ситуации в социальной сфере, то уровень безработицы постепенно уменьшается: в первом квартале 2021 г. он составлял 5,6 %, во втором – 4,9 %, в третьем – 4,4 % [75]. Уровень реальных располагаемых доходов населения начинает повышаться. В первом квартале 2021 г. он снизился на 3,7 %, во втором – увеличился на 7,4 %, в третьем – увеличился на 8,1 % [Там же].

Явные негативные тенденции демонстрирует демографическая ситуация и в 2021 г. Численность постоянного населения Российской Федерации с начала 2021 г. сократилась на 383,0 тыс. чел. С января по август 2021 г. умерло 1 523,5 тыс. чел. (за соответствующий период прошлого года – 1 285,2 тыс.). В целом по стране в январе – августе 2021 г. число умерших превысило число родившихся в 1,6 раза (в январе – августе 2020 г. – в 1,4 раза) [162]. Тенденции депопуляции представляют серьезную угрозу поступательному социально-экономическому развитию страны, в том числе в перспективе.

В целом рассмотренные показатели свидетельствуют о постепенном восстановлении экономики России, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку и неблагоприятную демографическую ситуацию. В то же время, по мнению ряда экспертов, причиной быстрого восстановления стала сама структура экономики с более низкой долей малого и среднего бизнеса и высокой ролью крупных компаний, зачастую госкомпаний, которые получили значительную государственную поддержку [27].

Макроэкономическая ситуация в Китае гораздо более благополучная. Несмотря на то что экономике КНР в начале пандемии

COVID-19 предрекали самый большой спад как стране с высоким риском повсеместного распространения вируса из-за высокой плотности проживания и большого количества населения [136. С. 268], в 2020 г. Китай стал единственной крупной экономикой мира, показавшей рост ВВП [104], который составил 2,3 %.

Безусловно, в условиях пандемии COVID-19 рост ВВП Китая замедлился (в 2019 г. – 6 %) [236]. Однако быстрая локализация эпидемиологического очага и стабилизация ситуации позволила КНР вернуться к восстановлению экономики уже во втором квартале 2020 г.

В первом квартале 2020 г. произошла быстрая мобилизация всей социально-экономической и административной системы перед лицом внезапного вызова: введен самый строгий в мире карантин, налажено обеспечение жизнедеятельности людей, а часть промышленности Китая введена в «искусственную кому» [93. С. 7]. Соответственно, снижение основных экономических показателей в Китае происходило только в первом квартале 2020 г. Так, в первой половине 2020 г. промышленное производство уменьшилось на 1,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в основном из-за снижения показателя на 8,4 % в первом квартале. Во втором квартале промышленное производство выросло на 4,4 % в годовом выражении. Капиталовложения в высокотехнологичные отрасли снизились на 12,1 % в первом квартале, но во втором выросли на 6,3 %. В первом квартале усилилась инфляция (4,9 %), во втором квартале произошло ее снижение до 2,5 %. В первом полугодии 2020 г. объем внешней торговли КНР сократился на 3,2 % в годовом выражении [62].

В первом квартале ВВП снизился на 6,8 % в годовом исчислении, увеличившись на 3,2 % во втором квартале, на 4,9 % – в третьем квартале и на 6,5 % – в четвертом. ВВП на душу населения в 2020 г. увеличился на 2,0 % по сравнению с 2019 г., а общая производительность труда возросла на 2,5 % [237]. Реальный располагаемый доход на душу населения увеличился в 2020 г. на 4,7 % [236]. Таким образом, уже в 2020 г. в Китае экономическая ситуация стабилизировалась и продемонстрировала некоторый рост.

Восстановление китайской экономики связано не только с быстрой стабилизацией эпидемиологической ситуации, но и с государственной экономической политикой. Пытаясь остановить падение экономики и вернуть ее к устойчивому развитию, руководство КНР активизировало свою налогово-бюджетную и денежно-кредитную политику, снизило фискальную нагрузку на производителей, сокра-

тило нормативы обязательных резервов и процентных ставок по кредиту [104. С. 77]. Для выхода из этой «экономической комы» Китай применил максимально широкий набор мер, направленных на стимулирование развития потребительского рынка. При этом Китай стремился не столько «латать дыры», сколько инвестировать в новые и перспективные области, чтобы именно они в дальнейшем и стимулировали рост страны. В первую очередь такими областями стали технологии искусственного интеллекта, робототехники, управления большими базами данных [93. С. 7].

По данным Национального бюро статистики КНР, с января по сентябрь 2021 г. общая прибыль промышленных предприятий выросла на 44,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом прибыль государственных предприятий увеличилась на 77,9 %, акционерных – на 50,5 %, частных – на 30,7 %. В горнодобывающей промышленности рост прибыли составил 62,0 % по сравнению с 2020 г., в обрабатывающей промышленности – 42,9 % [239]. В начале 2021 г. в КНР было объявлено о ликвидации бедности [259].

В табл. 3.3 представлены данные о динамике ВВП Китая в 2019–2021 гг. по кварталам. Видно, что наибольшие темпы восстановления по сравнению с «провальным» первым кварталом 2020 г. достигнуты в первом квартале 2021 г., во втором – третьем кварталах рост ВВП стабилизируется.

Таблица 3.3

Динамика ВВП Китая в 2019–2021 гг. по кварталам, %

Год	Первый квартал	Второй квартал	Третий квартал	Четвертый квартал
2019	6,3	6,0	5,9	5,8
2020	–6,8	3,2	4,9	6,5
2021	18,3	7,9	4,9	–

Источник: [235].

Общий рост ВВП КНР в первом – третьем кварталах 2021 г. составил 9,8 %. Первичный сектор показал рост в размере 7,4 %, вторичный сектор – 10,6 %, третичный сектор – 9,5 %. Наибольшие темпы роста в 2021 г. показывают такие сферы деятельности, как гостиничный и ресторанный бизнес (19,4 %), передача информации, программное обеспечение и услуги в области информационных технологий (19,3 %), транспорт (15,3 %), а также оптовая и розничная торговля (13,5 %) [235].

Стабилизация экономики оказала позитивное воздействие на социально-экономические показатели. Так, за первые три квартала потребительские цены выросли на 0,6 % в годовом исчислении. В сентябре 2021 г. уровень безработицы в городах составил 4,9 %, что на 0,2 процентных пункта ниже, чем в августе, и на 0,5 процентных пункта ниже, чем за тот же период прошлого года. Росли доходы жителей, сокращался разрыв в доходах на душу населения между городскими и сельскими районами [238]. Таким образом, экономика Китая стабилизировалась и показывает достаточно устойчивый рост, ситуация в социальной сфере достаточно благополучна.

В 2021 г. происходит постепенное восстановление как мировой экономики в целом, так и экономик отдельных стран. По мнению экспертов Всемирного банка, драйверами роста мировой экономики в 2021 г. станут отложенный спрос в Китае и масштабные денежные вливания в экономику США [27]. Нин Цзичжэ, глава Национального бюро статистики КНР, отметил, что потребление играет все более важную роль в стимулировании экономического роста, а эффективные меры сдерживания приведут к постепенному усилению отложенного потребительского спроса [263]. В табл. 3.4 представлены прогнозы ОЭСР и МВФ относительно темпов роста ВВП в 2021–2022 гг.

Таблица 3.4

Прогнозы экономического развития некоторых стран мира
на 2021 и 2022 гг., % роста ВВП

Страна	Прогноз ОЭСР		Прогноз МВФ	
	2021	2022	2021	2022
Весь мир	5,7	4,5	6,0	4,4
США	6,0	3,9	6,4	3,5
Страны Евросоюза	5,3	4,6	4,4	3,8
Китай	8,5	5,8	8,4	5,6
Индия	6,7	9,9	12,5	6,9
Россия	2,7	3,4	3,8	3,8

Источники: [219; 242].

Прогнозы в отношении экономики Китая характеризуют наиболее высокие темпы роста ВВП в 2021 г. с некоторым их снижением в 2022 г. При этом темпы роста ВВП в Китае будут превышать темпы развития мировой экономики. В соответствии с прогнозами, Россия

в 2021–2022 гг. сможет не только восстановить допандемийный уровень экономического роста, но и несколько увеличить его темпы.

3.2. Динамика показателей развития малого и среднего бизнеса в России в 2020–2021 годах

Для предприятий малого и среднего бизнеса экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, стал особенно сложным периодом. Малые и средние предприятия в большей степени подвержены кризисным воздействиям и неопределенности изменений из-за ресурсных ограничений и «уязвимости малого размера» [77. С. 70]. Исследования подтвердили сильное влияние пандемии на малый бизнес и незначительное – на крупный [55. С. 1337].

Малый бизнес в России с трудом пережил ограничения, введенные в первую волну пандемии. Так, бизнес-омбудсмен Б. Титов в мае 2020 г. отметил, что 53 % опрошенных предприятий малого и среднего бизнеса назвали свое положение «кризисом» и «катастрофой», 62,2 % респондентов оценили вероятность выживания своей компании ниже 50 %. Только 13,2 % опрошенных выразили уверенность в том, что их организация сможет продолжить работу [138]. Последующие волны пандемии также вызывали тревожные ожидания у представителей малого бизнеса, поскольку сохранялась угроза введения новых масштабных ограничительных мер и принимались локальные региональные противоэпидемические ограничения.

Пандемия COVID-19 в России затронула порядка 4,17 млн компаний и ИП от общего числа 6,05 млн, т. е. до 67 % малых и средних предприятий и крупных предприятий и ИП. По данным мониторинга «Мнение малого и среднего бизнеса о мерах государственной поддержки в период эпидемии коронавируса» (на 19 мая 2020 г.), ключевые трудности субъектов МСП на этапе развертывания кризиса – невозможность платить заработную плату (52,4 %), оплачивать аренду и налог на имущество (42,8 %). При этом большинство компаний не сократило сотрудников, но снизило фонд оплаты труда (60,88 %) и отправило сотрудников в отпуск за свой счет (57,60 %) [114. С. 83].

Прогнозы ситуации в сфере МСП были крайне пессимистическими. Так, в мае 2020 г. выдвигались предположения о том, что с учетом мультипликативного эффекта от кризиса пострадают не только 11,0 % предприятий из пострадавших отраслей, но и еще дополнительно 64,2 % малых и средних предприятий. Отмечалось, что без

принятия экстренных мер по поддержке предпринимателей кризис обнулит все усилия властей по развитию сектора МСП и улучшению делового климата в стране [54. С. 73].

Действительно, весной 2020 г. снижение количества субъектов малого предпринимательства и среднесписочной численности их работников оказалось более глубоким, чем сезонный подъем, наблюдавшийся в эти месяцы в течение последних лет. Среднемесячное снижение количества субъектов составило более 2,5 %, а численность работников сокращалась в среднем на 3,2 % в месяц. Для подсектора малых предприятий (без микропредприятий), стабильно обеспечивавшего более 40 % занятости в МСП, сокращение количества предприятий в среднем более чем на 5 % ежемесячно сопровождалось снижением среднесписочной численности на 10,3 % в месяц, при этом малые предприятия пострадали сильнее, чем средние [114. С. 83].

Торгово-промышленная палата РФ обнародовала результаты опросов малых и средних предприятий по итогам первого локдауна, согласно которым четвертая часть всех предприятий сектора потеряла три четверти своих доходов и почти половина их полностью прекратила свою деятельность в период локдауна. По данным сентябрьских опросов 2020 г., 15,8 % представителей предприятий сектора (более 2,3 тыс. субъектов МСП) были намерены закрыть или продать свой бизнес [126. С. 42].

Полной официальной статистической информации о динамике сектора МСП в 2020–2021 гг. еще нет. По данным Росстата [61], выручка малого бизнеса (без микропредприятий) в 2020 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом на 3 092 млрд р. и составила 25 619 млрд р. Сокращение выручки малого бизнеса за 2020 г. составило 10,8 %. В первое полугодие 2021 г. оборот малых предприятий составил 13 707 млрд р. (53,5 % от оборота за 2020 г.). Оборот средних предприятий в 2020 г., напротив, увеличился на 1 422,3 млрд р. (или 23,2 %) и составил в 2020 г. 7 563,9 млрд р. [Там же], что связано с ростом числа средних предприятий [126. С. 42].

Данные об изменении оборота микропредприятий, численности микро- и средних предприятий и динамике количества субъектов МСП в настоящее время (на ноябрь 2021 г.) отсутствуют, поэтому рассмотрим следующие источники информации: данные Росстата РФ о динамике коэффициентов рождаемости и ликвидации организаций, данные ЕРСМСП об изменении числа субъектов МСП в 2020–2021 гг., а также данные о динамике индекса RSBI.

На рис. 3.1 представлена динамика коэффициента рождаемости организаций и коэффициента официальной ликвидации организаций в 2020–2021 гг. по данным Росстата РФ¹. Учитывая, что доля предприятий сектора МСП в общем количестве предприятий составляет в России 73,4 % (в 2020 г.) [19], можно утверждать, что общая динамика рождаемости и смертности организаций в значительной степени характеризует и состояние МСП.

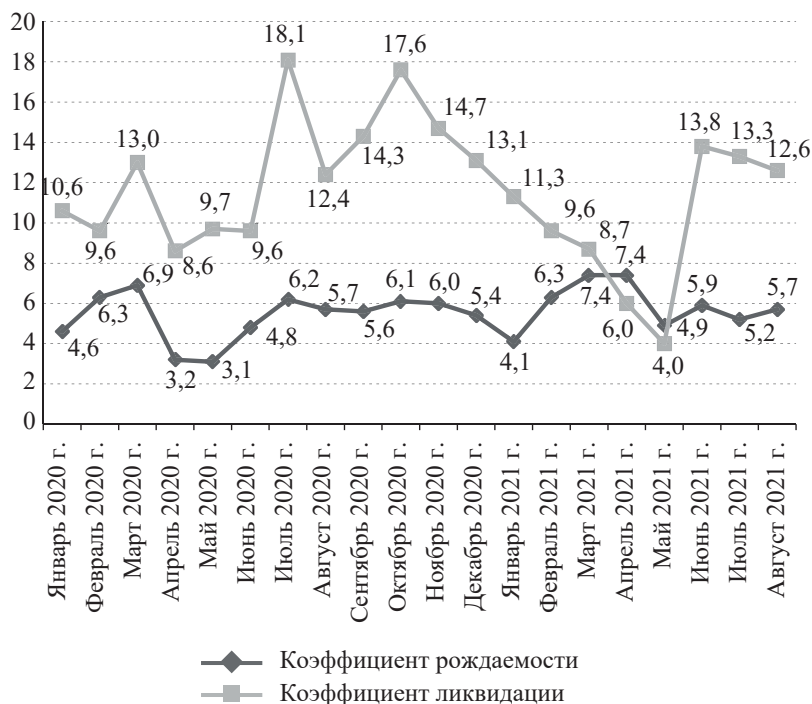

Рис. 3.1. Динамика коэффициента рождаемости организаций и коэффициента официальной ликвидации организаций в 2020–2021 гг., промилле

Источник: [61]

¹ Коэффициент рождаемости организаций – отношение количества зарегистрированных за отчетный период организаций к среднему количеству организаций, учтенных в Статрегистре Росстата, выраженное в промилле. Коэффициент официальной ликвидации организаций – отношение количества официально ликвидированных за отчетный период организаций к среднему количеству организаций, учтенных в Статрегистре Росстата, выраженное в промилле.

Динамика коэффициента рождаемости организаций в большой степени соответствует динамике эпидемического процесса: снижается показатель регистрации новых предприятий в апреле – мае 2020 г. (первая волна пандемии), январе 2021 г. (вторая волна), мае – июне 2021 г. (третья волна). Пики ликвидации предприятий с определенным временным лагом соответствуют пикам числа заражений, которые сопровождались усилением ограничений экономической активности.

В целом за 2020 г. коэффициент ликвидации составил 150,6 промилле, а коэффициент рождаемости – 64,0 промилле, что характеризует снижение общего числа зарегистрированных субъектов экономики – юридических лиц – в период пандемии COVID-19.

Анализируя бизнес-демографию малых и средних предприятий, О. И. Образцова и А. Ю. Чепуренко отмечают, что тенденции «депопуляции» МСП в РФ начались с середины 2016 г. и приобрели значительные масштабы с началом пандемии: в 2020 г. снижение относительной интенсивности предпринимательского старта было зафиксировано уже по итогам первого квартала. Рождаемость малых и средних предприятий в РФ к началу лета 2020 г. сократилась на 12 % и достигла минимального значения (менее 6 %) за 15-летний период наблюдения [114. С. 73]. При этом важно отметить, что по сравнению с 2018 и 2019 гг. в первом полугодии 2020 г. меньшее число юридических лиц прекратило свою деятельность в связи с ликвидацией (в том числе в порядке банкротства), в связи с исключением из ЕГРЮЛ и по иным основаниям. Противозидемиологические ограничения и мораторий на банкротства способствовали снижению числа регистраций и закрытий фирм [126. С. 40].

Для анализа динамики количества субъектов МСП в 2020–2021 гг. обратимся к данным ЕРСМСП (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Динамика показателей МСП в 2020–2021 гг.

По состоянию на дату	Всего субъектов МСП	Число вновь созданных субъектов МСП	Численность работников, чел.
10.01.2020 г.	5 916 906	1 062 132	15 321 788
10.02.2020 г.	5 924 823	1 114 815	15 297 557
10.03.2020 г.	5 960 356	1 185 727	15 276 648
10.04.2020 г.	5 979 899	1 251 349	15 248 464

Окончание табл. 3.5

По состоянию на дату	Всего субъектов МСП	Число вновь созданных субъектов МСП	Численность работников, чел.
10.05.2020 г.	6 035 035	1 267 285	15 304 366
10.06.2020 г.	6 033 501	1 290 960	15 295 920
10.07.2020 г.	6 051 910	1 341 548	15 269 774
10.08.2020 г.	5 590 081	527 939	15 520 026
10.09.2020 г.	5 602 738	582 451	15 515 137
10.10.2020 г.	5 619 515	643 731	15 492 826
10.11.2020 г.	5 670 880	705 959	15 516 199
10.12.2020 г.	5 702 150	762 756	15 509 813
10.01.2021 г.	5 684 561	822 672	15 491 144
10.02.2021 г.	5 688 329	872 677	15 476 731
10.03.2021 г.	5 731 570	949 936	15 458 554
10.04.2021 г.	5 780 615	1 032 079	15 438 402
10.05.2021 г.	5 830 343	1 123 002	15 416 371
10.06.2021 г.	5 871 426	1 182 631	15 399 231
10.07.2021 г.	5 623 615	581 588	14 654 730
10.08.2021 г.	5 620 997	644 933	14 646 503
10.09.2021 г.	5 677 548	719 569	14 660 150
10.10.2021 г.	5 727 990	796 012	14 652 829

Источник: [48].

Следует отметить, что при анализе данных необходимо учитывать специфику ведения ЕРСМСП. Очистка реестра от предприятий, не осуществляющих фактическую деятельность и не сдавших отчетность, проводится в августе каждого года, из-за чего показатели числа малых и средних предприятий в августе могут быть существенно ниже аналогичных значений за июль [91. С. 107]. Так, С. П. Земцов и А. А. Михайлов, оценивая влияние пандемии на малый и средний бизнес в разных регионах России, сопоставили данные о числе субъектов МСП и численности работников в них за август 2020 г. и за август 2019 г.: за август 2020 г. в годовом выражении число субъектов МСП снизилось в России на 4,2 %, а в большинстве регионов сокращение варьируется от –3,0 до –4,5 %. При этом справедливо отмечается, что данное снижение нельзя признать критичным и соответствующим пессимистическим ожиданиям весны 2020 г. [53. С. 35].

Что касается августа 2021 г., то число субъектов МСП по сравнению с июлем сократилось только на 2 618 (см. табл. 3.5). Можно предположить, что в условиях введения государственных мер поддержки МСП «многие фирмы стремились воспользоваться предоставленными льготами и, таким образом, попасть в реестр МСП; для этого им необходимо было сдать отчетность, которую они, возможно, игнорировали в предыдущие периоды» [126. С. 42]. Кроме того, статистически сфера МСП пополнилась рядом крупных компаний, которые в кризис сократили сотрудников и оборот и стали соответствовать критериям МСП [126].

Таким образом, данные ЕРСМСП с определенными ограничениями позволяют оценить динамику показателей развития МСП за весь период пандемии. По сравнению с началом 2020 г. общее количество субъектов МСП в октябре 2021 г. сократилось на 188 916 (на 3,19 %). С учетом крайне сложных для МСП условий в период пандемии данное снижение не является значительным. Количество работников, занятых в секторе МСП, сократилось с 15 321 788 чел. в январе 2020 г. до 14 652 829 чел. в октябре 2021 г. (на 4,37 %). Сохраняются достаточно высокие темпы создания новых предприятий, однако, по данным ЕРСМСП, практически все вновь созданные предприятия относятся к микробизнесу.

Президент «Опоры России» А. Калинин отметил, что некоторое снижение количества субъектов МСП в определенной степени может являться следствием введения в 2020 г. специального налогового режима для самозанятых¹. Ряд владельцев микропредприятий (как индивидуальных предпринимателей, так и юридических лиц) могли изменить регистрацию своего бизнеса, выбрав статус самозанятых [19]. Если в 2019 г. количество самозанятых не превышало 200 000 чел. [Там же], то в августе 2021 г. их число превысило 2,7 млн чел. [189].

Изменилась в период пандемии и структура субъектов МСП (табл. 3.6). В наибольшей степени снизилось количество субъектов МСП – юридических лиц (на 252 413), в том числе микропредприятий – на 241 743, малых предприятий – на 11 506. В то же время увеличилось количество средних предприятий (на 836). По мнению

¹ Специальный налоговый режим для самозанятых (налог на профессиональный доход) позволяет гражданам установить на смартфон мобильное приложение «Мой налог» и работать легально без посещения налоговых органов и сдачи отчетности. Налоговая ставка в рамках этого режима при работе с физическими лицами составляет 4 %, с юридическими – 6 %.

А. Калинина, на рост числа средних предприятий повлияло увеличение доли госзакупок для субъектов МСП и упрощение механизмов выхода компаний на экспорт [19].

Таблица 3.6

Динамика структуры субъектов МСП в 2020–2021 гг.

По состоянию на дату	Юридические лица			Индивидуальные предприниматели		
	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия
10.01.2020 г.	2 314 128	197 842	16 741	3 361 628	26 263	304
10.02.2020 г.	2 320 741	197 390	16 719	3 363 563	26 108	302
10.03.2020 г.	2 335 181	196 891	16 698	3 385 278	26 008	300
10.04.2020 г.	2 345 230	196 245	16 680	3 395 547	25 899	298
10.05.2020 г.	2 361 636	196 276	16 745	3 434 270	25 811	297
10.06.2020 г.	2 361 837	195 968	16 779	3 432 897	25 723	297
10.07.2020 г.	2 364 730	195 460	16 770	3 449 055	25 600	295
10.08.2020 г.	2 120 809	191 382	17 247	3 233 233	27 095	315
10.09.2020 г.	2 128 435	191 036	17 239	3 238 798	26 915	315
10.10.2020 г.	2 135 932	190 684	17 221	3 248 544	26 820	314
10.11.2020 г.	2 147 624	190 604	17 327	3 288 273	26 740	312
10.12.2020 г.	2 154 781	190 392	17 385	3 312 653	26 629	310
10.01.2021 г.	2 164 402	190 137	17 376	3 285 859	26 478	309
10.02.2021 г.	2 169 245	189 867	17 379	3 285 190	26 340	308
10.03.2021 г.	2 181 026	189 554	17 392	3 317 043	26 248	307
10.04.2021 г.	2 195 948	189 235	17 374	3 351 615	26 137	306
10.05.2021 г.	2 213 218	188 994	17 352	3 384 495	25 978	306
10.06.2021 г.	2 224 802	188 790	17 338	3 414 328	25 862	306
10.07.2021 г.	2 052 420	187 204	17 517	3 338 450	27 693	331
10.08.2021 г.	2 053 528	186 772	17 533	3 335 351	27 484	329
10.09.2021 г.	2 065 059	186 600	17 576	3 380 594	27 390	329
10.10.2021 г.	2 072 385	186 336	17 577	3 424 078	27 286	328

Источник: [48].

Число субъектов МСП – индивидуальных предпринимателей – за анализируемый период возросло на 63 497, в том числе микропредприятий – на 62 450, малых и средних предприятий – на 1 023 и 24

соответственно. Таким образом, снизилась доля субъектов МСП – юридических лиц (с 42,7 до 39,7 %), а доля ИП несколько возросла (с 57,3 до 60,3 %). Указанная тенденция наблюдается с 2017 г.

Для характеристики тенденций развития МСП рассмотрим динамику индекса деловой активности МСП – RSBI. Индекс RSBI – проводимое с 2014 г. исследование настроений в сфере МСП, организованное Промсвязьбанком совместно с Общероссийской общественной организацией МСП «Опора России» и исследовательским агентством Magram Market Research. С 2020 г. исследование проводится ежемесячно (ранее – ежеквартально). В опросе принимают участие владельцы и топ-менеджеры компаний сектора малого и среднего бизнеса из всех регионов России (около 1 800 организаций). Значение индекса выше 50 пунктов означает рост деловой активности, ниже 50 пунктов – снижение [146].

На рис. 3.2 представлена динамика индекса RSBI в 2020–2021 гг. Он опустился ниже 50 пунктов в феврале 2020 г., показав минимальное значение в апреле, когда был введен продолжительный период нерабочих дней (38,5). Это самый низкий показатель индекса за все время проведения исследований (с 2014 г.).

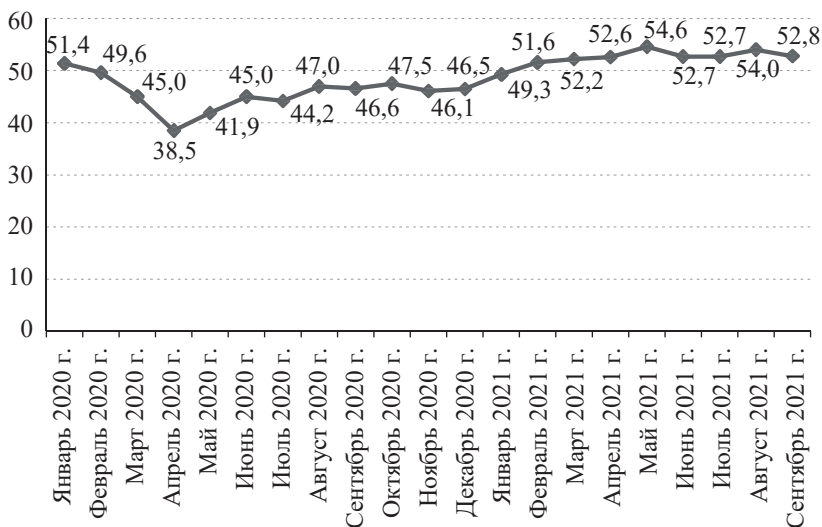

Рис. 3.2. Динамика индекса RSBI в 2020–2021 гг.

Источник: [59]

Уже в мае 2020 г. индекс стал постепенно расти, и в феврале 2021 г. его значение превысило 50 пунктов и вышло в зону роста. В марте 2021 г. значение индекса достигло 52,2 – это уровень первого полугодия «доковидного» 2019 года. Некоторое снижение индекса демонстрирует в июне – июле и сентябре 2021 г., что соответствует росту значений эпидемических показателей и, соответственно, введению в регионах ограничений экономической активности. Можно сделать вывод, что деловая активность малого и среднего бизнеса очень чутко реагирует на изменения и угрозы внешней среды – как экономической ситуации в стране, так и эпидемиологической ситуации.

В табл. 3.7 представлена динамика субиндексов RSBI в 2021 г. Наиболее низкие показатели демонстрирует субиндекс «продажи»: в течение 2021 г. этот показатель был выше 50 пунктов только в мае. Эксперты отмечают, что своего рода антирекорд предприятия сектора МСП продемонстрировали в сфере продаж. Выручка упала у 78 % респондентов, дальнейшего сокращения доходов в ближайшем будущем ожидают 60 %. Вместе с тем падение продаж в сегменте малого и среднего бизнеса отмечается еще с конца 2019 г. Больше всего от экономических последствий карантина пострадали микропредприятия, среди них падение отметили 82 % опрошенных. В секторе малого и среднего бизнеса падение составило 74 и 75 % соответственно [90].

Таблица 3.7

Динамика индекса RSBI и субиндексов в 2021 г.

Показатель	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Индекс RSBI	49,3	51,6	52,2	52,6	54,6	52,7	52,7	54,0	52,8
Субиндекс «продажи»	38,7	41,1	44,5	46,7	50,5	45,3	46,2	47,5	47,1
Субиндекс «кадры»	50,0	51,4	53,5	52,5	54,0	52,9	51,7	52,4	51,6
Субиндекс «кредиты»	55,7	58,3	54,8	56,3	55,5	56,5	56,5	59,2	56,6
Субиндекс «инвестиции»	54,9	57,6	57,5	55,9	59,2	52,7	52,7	54,0	52,8

Источник: [59].

Согласно данным, которые приводят «Известия», сильно пострадала оптовая торговля, где оборот упал с 6,7 до 5,0 трлн р. Наибольшее падение оборота малых предприятий было зафиксировано в третьем квартале 2020 г. Наиболее пострадавшей стала туристическая отрасль, где выручка предприятий снизилась на 70 % [89]. В ходе исследования выявлено, что за три года заметно выросло число малых и средних предприятий, хотя бы раз участвовавших в госзакупках (с 36 до 59 %), что может быть связано с мерами господдержки и активизацией поиска МСП новых рынков сбыта в период пандемии и ограничений [58].

Наибольшее сокращение добавленной стоимости в 2020 г. отмечено у предприятий сферы услуг: гостиниц и ресторанов (–24,5 %), учреждений культуры и спорта (–11,4 %), предприятий транспорта (–10,6 %), организаций, оказывающих прочие услуги населению (–6,9 %). Одновременно развитие электронных сервисов и ряда дополнительных услуг, включая инвестиционные счета и льготную ипотеку, обусловило увеличение добавленной стоимости в сфере финансов и страхования (+7,3 %) [165].

Субиндекс «кадры» свидетельствует о менее драматичной ситуации. Его максимальное значение было достигнуто в мае 2021 г. В то же время эксперты констатируют, что в апреле 2021 г. увеличилось число предприятий малого и среднего бизнеса, уволивших часть сотрудников. Их доля достигла 35 %, еще 31 % заявили, что планируют сокращение штата в ближайший квартал. В марте 2020 г. доля компаний, которые увольняли сотрудников, не превышала 15 % [89].

Самые высокие значения характерны для субиндекса «кредиты», что свидетельствует об эффективности мер государственной поддержки МСП, направленной на повышение доступности для его субъектов кредитных ресурсов. Максимальные значения данного субиндекса достигнуты в феврале и августе 2021 г. Действительно, по данным исследования, проведенного Комитетом «Опоры России» по финансовым рынкам, уровень кредитования МСП в первом полугодии 2021 г. показал высокие темпы прироста, что связано с частичным восстановлением активности предпринимателей, а также с повышением доступности кредитов: снизились ставки, действуют льготные программы кредитования [117]. За этот период организациям МСП выдано 4,76 трлн р., что на 36 % больше, чем за аналогичный период 2019 г., и на 46 % больше, чем в первом полугодии 2020 г. Выданные кредиты в целом по России растут не только в объемах, но

и в количестве. За шесть месяцев 2021 г. субъектам МСП было выдано 815 600 кредитов, что на 8,3 % превосходит показатели прошлого года за аналогичный период. При этом доля просроченной задолженности постепенно снижается: на 1 июля 2021 г. уровень просроченной задолженности составил 9,4 %, что соответствует значениям 2015 г. (годом ранее – 11,2 %) [117].

Субиндекс «инвестиции» характеризуется достаточно высокими показателями с положительной динамикой, наиболее высокие значения зафиксированы в феврале, марте, мае и августе 2021 г.

Оценивая развитие своего бизнеса в 2020 г., 7 % респондентов отметили, что смогли получить значительную прибыль, 51 % – небольшую прибыль, 12 % указали на небольшие убытки. Только 17 % считают, что текущий кризис открыл для бизнеса новые возможности; 66 % опрошенных отметили, что в кризисных условиях 2020 г. приобрели новые навыки, в том числе: навыки эффективной удаленной работы – 31 %, навыки управления бизнесом в кризисных ситуациях – 30 %. Отметили повышение мобильности сотрудников 15 %, цифровые методы взаимодействия с клиентами – 13 %, развитие сегмента онлайн-продаж – 10 %, повышение эффективности труда – 11 % и др. [58].

Рассматривая региональную дифференциацию процессов восстановления МСП в России, следует подчеркнуть, что, по результатам исследований, больше всего пострадал малый бизнес в крупнейших городах с населением от полумиллиона жителей и больше, а также в городах с числом жителей от 50 до 100 тыс. А вот в малых городах (с населением до 50 тыс. чел.) таковых оказалось чуть больше половины, при 57 % в выборке в целом. Вероятно, сказалось то обстоятельство, что в малых городах и на селе малый бизнес изначально приучен работать с клиентами со сравнительно ограниченной покупательной способностью [28]. Эти результаты подтверждаются оценками опрошенных ТАСС экспертов: в Сибири, Поволжье, Центральной России малый бизнес начал восстанавливаться уже летом 2020 г., после снятия части ограничений, а в Москве и Санкт-Петербурге он восстанавливался медленнее, потому что ограничения и проверки бизнеса со стороны Роспотребнадзора были строже. Кроме того, бизнес в столицах сильнее пострадал от падения туристического потока и запрета на проведение массовых мероприятий [205]. Аналитики Раффайзенбанка, оценивая ситуацию с МСП в регионах, отмечают, что меньше всего пострадали Сибирь и Урал, а сильнее всего падение ощущается в Москве [89].

С. П. Земцов и А. А. Михайлов, рассматривая причины более сильного сокращения числа субъектов МСП в крупнейших агломерациях, северных сырьевых и приграничных регионах, отмечают, что на сохранение числа субъектов МСП слабо отрицательно повлияла степень строгости карантинных мер, а положительно – сравнительно высокий уровень доходов населения, благоприятный бизнес-климат и большой размер потребительского рынка [53. С. 34].

При построении модели многофакторной регрессии подтвердилось, что число субъектов МСП быстрее сокращалось в регионах с высокой долей пострадавших отраслей, повышенной строгостью карантинных мер и близостью к границе (зарубежным рынкам). При этом меньшие масштабы сокращения сектора МСП характерны для субъектов РФ, где выше доходы населения, больше доля сельского хозяйства, крупнее рынок (столичный город) и лучше условия для ведения бизнеса. Подтвердился и «эффект низкой базы» – в регионах с меньшим числом малых и средних фирм в 2019 г. их динамика была позитивнее [Там же. С. 39].

Исследование Раффайзенбанка (апрель 2021 г.) определило основные страхи малого бизнеса в России. Главным барьером на пути открытия собственного проекта россияне считают экономическую ситуацию – 31 % респондентов назвали ее неподходящей для ведения бизнеса. На втором месте – нехватка денег, а на третьем – дефицит идей. В рейтинге психологических барьеров лидирует страх потерять все деньги и влезть в долги [89]. В целом можно согласиться с Е. М. Бухвальдом, подчеркивающим, что «трудности российского малого бизнеса, обнаружившиеся в 2020 году, во многом стали не следствием временных чрезвычайных обстоятельств, а продолжением негативных трендов его развития в предшествующие годы» [18. С. 1319]. Большинство исследователей разделяют эту точку зрения [53; 114; 157 и др.].

Результаты исследования Фонда «Общественное мнение», проведенного среди 2 927 представителей малого бизнеса весной, летом и осенью 2021 г., озвучил в своем интервью «Российской газете» А. Ю. Чепуренко. Он отметил, что «основной экономический удар пандемии приняли на себя представители малого и среднего бизнеса – владельцы небольших магазинов, мастерских, кафе. Многие из них – так называемые «вынужденные предприниматели», люди, чья жизнь вытолкнула в бизнес и которые не имеют иных источников существования» [28]. Основные выводы исследования отражают ситуацию в российском секторе МСП в 2021 г.:

1. Высока отраслевая дифференциация организаций МСП по степени ущерба в период пандемии. По данным опроса, проведенного весной 2021 г., доля субъектов МСП, на которых пандемия повлияла очень негативно, оказалась самой высокой в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений (56 %), в сфере туризма (55 %), общественного питания и ресторанного бизнеса (примерно от 40 до 50 % при показателе 26 % в среднем по выборке). В меньшей степени пострадали малые и средние предприятия, работающие в сельском, лесном и рыболовном хозяйстве, в сфере информационных технологий, связи и Интернета, в сфере торговли и ремонта автотранспортных средств (от 13 до 18 % отметили сильное негативное влияние пандемии). Высока доля малых и средних предприятий, вообще не испытывавших негативного влияния пандемии, в сферах строительства, ЖКХ, промышленности, транспорта и складского хозяйства.

2. Наиболее устойчивыми к пандемии оказались владельцы молодого бизнеса (один – два года), а владельцы бизнеса с более длительной историей и новички были менее устойчивыми к новым шокам и рискам.

3. Малый бизнес, ориентированный на крупных заказчиков, в период пандемии проявил себя более жизнестойким, чем малый бизнес, работающий с конечным потребителем, что связано со снижением платежеспособного спроса населения. Среди малых предприятий, продающих товары и услуги населению, доля тех, на которые пандемия повлияла негативно или очень негативно, оказалась выше (60 %), чем среди владельцев малых и средних предприятий, работающих в основном с крупным бизнесом и государством (53–54 %). Оптовая торговля, хотя и ощутила влияние пандемии, пострадала в меньшей мере, чем розничная [28].

Исследования показывают, что, несмотря на подверженность МСП внешним шокам, основными подходами к преодолению последствий кризиса, вызванного пандемией, стали развитие организационной устойчивости, инновации и антикризисное управление [77. С. 70]. Рассматриваются такие новые возможности для бизнеса в условиях пандемии, как уменьшение количества конкурентов, снижение стоимости аренды нежилых помещений, большой выбор недорогих высокопрофессиональных сотрудников, благоприятные возможности для использования новых инновационных направлений, возможность трансформировать привычки потребителя и создавать новые, так как последние столкнулись с невероятными жизненными изменениями

[199. С. 180]. Безусловно, главным направлением изменений МСП в условиях пандемии COVID-19 стала цифровизация [200].

Таким образом, российский сектор МСП медленно восстанавливается в условиях сохранения неблагоприятной эпидемиологической ситуации и постоянной угрозы введения ограничительных мер. Низкие темпы падения занятости и числа субъектов в секторе МСП частично были связаны с действенностью антикризисных мероприятий: в регионах с более благоприятными условиями ведения бизнеса и проактивной политикой властей занятость повысилась, а число субъектов МСП сократилось в меньшей степени [53. С. 44].

К причинам относительно небольшого по сравнению с прогнозами весны 2020 г. падения основных показателей развития сферы МСП, помимо антикризисных мер ее поддержки, относят быстрый переход многих субъектов МСП к работе в режиме онлайн, а также неточности статистического учета [126. С. 43].

Главным условием восстановления российского сектора МСП является улучшение эпидемиологической ситуации, снятие ограничений экономической активности, уменьшение угрозы их нового введения. «По нашему мнению, рост предпринимательских настроений в дальнейшем зависит от экономической стабильности без локдаунов», – отметил А. Калинин, президент «Опоры России» [42]. Важное значение имеет улучшение общей экономической динамики в стране, адекватность макроэкономической политики и мер содействия малому бизнесу [28]. Бизнес опасается сворачивания мер поддержки, особенно на фоне возможного затягивания сложной эпидемиологической ситуации и, как следствие, введения ограничительных мер [205].

Рассматривая дальнейшие перспективы малого бизнеса, следует согласиться с главой партии «Справедливая Россия – За Правду» С. Мироновым, который считает главной проблемой развития МСП в России высокий уровень бедности и региональное неравенство, а главным условием успешной работы малых и средних предприятий – высокий платежеспособный спрос населения [89].

3.3. Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Китае в 2020–2021 годах

Пандемия оказала сильное негативное влияние на состояние предприятий малого бизнеса и в Китае. Результаты онлайн-опросов, проведенных китайскими исследователями в феврале 2020 г., свиде-

тельствуют: 14 % опрошенных фирм отметили, что смогут продержаться в условиях локдауна не более месяца, а 50 % – не более трех месяцев; почти половина опрошенных не надеялись, что их бизнес сможет снова открыться [252].

Результаты другого опроса 995 малых и средних предприятий в Ухане, в наибольшей степени пострадавших от коронавирусных ограничений, еще более тревожные: 67,10 % компаний могут существовать до двух месяцев в условиях ограничений, 85,01 % компаний – до трех месяцев, и только 9,96% компаний могут существовать более шести месяцев. Считали, что эпидемия приведет к снижению суммарного дохода более чем на 50 % в 2020 г., 29,58 % компаний, а 28,47 % компаний ожидали, что их суммарный доход снизится на 20–50 %, что в итоге составляет 58,05 % компаний от их общего числа. Чтобы преодолеть трудности, 22,43 % компаний планируют сокращение штата и заработной платы, 21,23 % компаний готовятся взять кредит, 16,20 % предпочитают приостановить производство или закрыть бизнес, 13,58 % акционерных обществ увеличивают свой капитал самостоятельно (с помощью инвестиций), а 10,16 % компаний делают выбор в пользу частных кредитов [264].

К числу основных проблем представители китайского малого бизнеса отнесли сбои в логистике, ограничения мобильности рабочей силы. Ключевая проблема – нехватка финансовых ресурсов. Особенно сильно пострадали экспортные фирмы, а также сфера услуг населению (из-за сокращения спроса) [225].

Исследователи выявили наиболее востребованные МСП виды государственной поддержки в условиях пандемии: 50,2 % предприятий надеются, что государство субсидирует или сократит расходы на социальное обеспечение, аренду и заработную плату сотрудников, 21,33 % компаний рассчитывают на снижение или частичное освобождение от уплаты налогов, 12,48 % – на поддержание ликвидности, а 10,16 % компаний надеются соответственно продлить срок погашения кредита или освободиться от частичной задолженности [264].

Ограничительные меры в Китае, хотя и очень строгие, были достаточно быстро отменены. Выяснилось, что отмечаются сложности с возобновлением деятельности малых предприятий после смягчения ограничительных мер [47]. Исследования показали, что, хотя большинство китайских провинций разрешило предприятиям возобновить работу с 10 февраля 2020 г., только 22 % опрошенных предприятий смогли сделать это с указанной даты. Около 15 % ожидают, что не

смогут сделать это в течение двух недель. Даже среди тех предприятий, которым удалось возобновить работу, большинство не может работать на полную мощность и с полным составом сотрудников. Среди семи обследованных провинций и городов темпы возобновления работы субъектов МСП относительно высоки в Пекине, Шанхае и Ляонине – 40, 35 и 25 % соответственно. В провинциях Гуандун, Хэнань и Чжэцзян, где вспышка была более сильной, темпы возобновления работы составили 23, 12 и 7 % соответственно [260]. Основная проблема, с которой сталкиваются предприятия малого и среднего бизнеса, – это нехватка финансовых ресурсов после вынужденной остановки деятельности, проблемы с погашением займов. Кроме того, в числе проблем были названы сбои в операционной цепочке, сбои в логистике, снижение количества заказов, нехватка сырья и др. Выявлена сильная дифференциация ситуации по регионам страны, что требует учета местных условий при принятии решений о возобновлении работы МСП [Там же]. Исследования показали, что сектор МСП пострадал в условиях пандемии сильнее, чем крупный бизнес [212].

После отмены основных противоэпидемических ограничений условия развития МСП в Китае оставались сложными. Исследовательским институтом макроэкономики Fudan-Ping в июне 2020 г. выявлены тенденции развития сектора МСП Китая. В наибольшей степени пострадали малые и средние предприятия, работающие в сферах образования, жилищного строительства, общественного питания, ресторанного бизнеса, культуры, спорта и развлечений, а также обрабатывающей промышленности. Их выручка в первом квартале снизилась примерно на 6,7 трлн юаней и составила менее 50 % от аналогичного периода 2019 г. Оборот малых и средних предприятий в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания составил только 12,8 % в феврале и 23,5 % в марте относительно того же периода 2019 г. Оборот малых и средних предприятий в сфере культуры, спорта и развлечений в феврале и марте этого года составил менее 30 % от аналогичного периода 2019 г. Что касается производственных предприятий сектора МСП, оборот в феврале и марте 2020 г. составил менее 40 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [246].

Характеризуя восстановление малого бизнеса в Китае, приведем результаты исследований команды проекта Enterprise Survey for Innovation and Entrepreneurship in China под руководством Пекинского университета [261]. Исследование показывает, что подавляющее большинство малых и средних предприятий смогло возобновить ра-

боту и повторно нанять работников после снятия ограничений, демонстрируя V-образный подъем. В мае возобновили работу более 91 % обследованных организаций. Тем не менее значительное количество малых предприятий закрылось навсегда. Количество регистраций новых компаний резко упало в первую неделю после первой недели карантина, а к восьмой неделе после китайского Нового года количество заявок вернулось к уровню прошлых лет [261].

Официальные статистические данные о состоянии сектора МСП в Китае в 2020–2021 гг. в настоящее время отсутствуют на сайте Национального бюро статистики Китая, поэтому для анализа существующих тенденций воспользуемся информацией сайта <https://www.statista.com>, опубликованными китайскими СМИ оценками экспертов, а также данными о динамике индексов развития МСП (SMEDI и SMEI).

В целом, по данным сайта <https://www.statista.com>, число малых и средних предприятий в Китае не сократилось: в 2020 г. количество предприятий сектора МСП (включая все сферы экономики) составило 43,03 млн, что выше показателя 2019 г. (38,82 млн) [241]. По информации Государственной администрации по регулированию рынка, в первой половине 2021 г. по всей стране было создано 13,94 млн новых рыночных субъектов, которые в основном вернулись к уровню до пандемии [213]. Чен Чаншэн, генеральный директор департамента макроэкономических исследований Центра исследований развития Госсовета, отметил, что количество участников рынка *не сократилось*, а количество новых предприятий продолжало расти. В экономике более 100 млн рыночных субъектов, большинство из них составляют малые и средние предприятия, на которые приходится более 80 % всех рабочих мест в стране [263]. Таким образом, по самым разным оценкам, сокращения числа субъектов МСП в Китае не произошло.

По данным Китайской ассоциации малых и средних предприятий, индекс SMEDI¹, характеризующий эффективность деятельности малых и средних предприятий, резко упал в феврале 2020 г., но уже в марте начал постепенно восстанавливаться (табл. 3.8).

¹ Индекс SMEDI является совокупным показателем экономической деятельности малых и средних предприятий (за исключением индивидуальных предпринимателей) в восьми основных сферах национальной экономики, которые вносят наибольший вклад в формирование ВВП страны, а именно: промышленность, строительство, складское хозяйство, транспортные перевозки и почтовые операции, недвижимость, общественное питание и гостиничный бизнес, социальные услуги, информационные услуги, компьютерное обслуживание и программное обеспечение. Рассчитывается по результатам опросов субъектов МСП (более 3 000 единиц).

Таблица 3.8

Динамика индекса SMEDI в январе – апреле 2020 г.

Показатель	Январь	Февраль	Март	Апрель
Индекс SMEDI	96,2	76,4	82,5	83,1

Источник: [208].

Динамика поквартальных показателей индекса SMEDI в 2020–2021 гг. представлена в табл. 3.9. Видно, что после снижения в первом квартале 2020 г. индекс SMEDI постепенно растет, достигнув во втором квартале 2021 г. значения 87,2. В то же время допандемийный уровень пока не достигнут (значение индекса в 2017–2019 гг. – около 93).

Таблица 3.9

Динамика индекса SMEDI в 2020–2021 гг.

Показатель	2020				2021	
	Первый квартал	Второй квартал	Третий квартал	Четвертый квартал	Первый квартал	Второй квартал
Индекс SMEDI	82,0	85,5	86,8	87,0	87,1	87,2

Источник: [208].

По данным Китайской ассоциации малых и средних предприятий, во втором квартале 2021 г. индекс SMEDI увеличился в таких сферах, как промышленность, строительство, транспорт, почтовые услуги, складское хозяйство, оптовая и розничная торговля, социальные услуги, компьютерное обслуживание и программное обеспечение, ресторанный бизнес и общественное питание [208]. При этом в июле 2021 г. значение индекса SMEDI составило 87,0, что на 0,2 пункта ниже, чем в предыдущем месяце. Небольшое падение индекса продолжалось четыре месяца подряд, и темпы восстановления продолжали замедляться [248].

Отмечено, что во втором квартале 2021 г. индексы SMEDI Восточного, Центрального, Западного и Северо-Восточного регионов составили 87,0, 87,3, 85,6 и 84,7 соответственно, при этом показатели Восточного и Западного регионов увеличились, а индексы Центрального и Северо-Восточного – снизились [208]. Неравенство условий развития МСП в регионах Китая сохраняется.

Индекс SMEDI содержит несколько субиндексов для оценки результатов деятельности и ожиданий субъектов МСП. По данным Китайской ассоциации малых и средних предприятий, субиндексы макроэкономики, финансирования, затрат и рабочей силы превышали 100 в период с января по март 2021 г., в течение которого деловое доверие среди малых и средних предприятий продолжало восстанавливаться, рыночные ожидания продолжали улучшаться, а денежная нагрузка уменьшалась [208].

Для оценки состояния МСП в Китае может быть использован индекс уверенности малых и средних предприятий (SMEI; Bloomberg: SCCNSMEI «Index»), основанный на результатах опроса более 500 субъектов МСП. Данный индекс рассчитывается ежемесячно [223]. В табл. 3.10 представлена динамика индекса SMEI с июля 2020 г. по июль 2021 г.

Таблица 3.10

Динамика основного индекса и субиндексов SMEI
с июля 2020 г. по июль 2021 г.

Показатель	2020						2021						
	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
Основной индекс SMEI	53,9	54,1	54,0	52,6	52,8	52,7	52,3	51,5	53,6	55,6	54,4	54,4	53,9
Субиндекс производительности	54,3	54,6	53,8	53,1	53,1	53,5	52,9	51,4	53,7	56,1	55,3	54,9	54,5
Субиндекс ожиданий	54,5	54,3	55,2	52,6	53,3	52,9	52,1	51,5	55,7	56,7	54,9	55,2	54,6

Показатель	2020						2021						
	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
Кредитный субиндекс	52,8	53,4	53,0	52,1	52,1	51,6	52,0	51,6	51,3	54,0	53,0	53,0	52,7

Источник: [223].

При анализе динамики индекса SMEI заметны колебания: рост в марте – апреле и некоторое снижение к середине 2021 г., которое исследователи связывают с общим замедлением темпов восстановления экономики Китая. Небольшое снижение показывают и основные субиндексы. При этом замедление было более заметным для малых и средних предприятий в производственном секторе [223].

Анализ индекса SMEI в сентябре 2021 г. показывает, что деятельность МСП стабилизируется. Отмечается, что объем новых инвестиций и количество новых сотрудников предприятий малого и среднего бизнеса в различных отраслях демонстрируют тенденцию к росту. Объем новых инвестиций малых и средних предприятий в обрабатывающей промышленности и в сфере услуг увеличился на 0,2 пункта, количество новых сотрудников – также на 0,2 пункта [251].

В 2021 г. огромный сектор МСП Китая находится под давлением в условиях неопределенности глобального спроса и замедления темпов восстановления внутренней экономики. Малые и средние предприятия сталкиваются с растущими проблемами, в частности такими, как повышение цен на сырьевые товары и сохраняющиеся трудности с финансированием [213]. В то же время развитие МСП в стране стабилизируется. По мнению экспертов, перспективы роста Китая в 2021 г. будут в значительной степени зависеть от продолжения политики по увеличению потребления и более быстрому восстановлению малых и средних предприятий [263].

Восстановление и стабилизация сектора МСП в двух странах во многом связаны с реализацией комплекса мер государственной поддержки, специально разработанных и внедренных в условиях пандемии.

3.4. Сравнительный анализ государственной поддержки малого и среднего бизнеса в период пандемии в России и Китае

В большинстве стран мира, в том числе в России и Китае, приняты беспрецедентные меры поддержки бизнеса и населения в период пандемии COVID-19. Так, в России определен перечень отраслей, в наибольшей степени пострадавших в условиях пандемии. Предприятия этих отраслей получили беспроцентные кредиты на выплату заработной платы, государственное софинансирование процентных платежей по новым кредитам, отсрочку на шесть месяцев по всем налогам, кроме НДС, отсрочку страховых взносов на шесть месяцев, отсрочку арендных платежей и ряд других мер поддержки. Специальные меры поддержки получили туроператоры и авиаперевозчики. Создан список системообразующих предприятий российской экономики (1 151 предприятие), воспользовавшихся льготными кредитами на пополнение оборотных средств по ставке не выше 5 % годовых. Введен мораторий на банкротство по инициативе кредиторов, пониженная ставка страховых взносов (15 %) в отношении заработных плат, превышающих МРОТ. Приняты меры по сокращению административной нагрузки на бизнес. Введены целевые выплаты на детей, дополнительные выплаты работникам здравоохранения, работающим с больными коронавирусом [115].

В Китае предприняты меры стимулирования занятости (субсидирование найма и сохранения людей на работе, ограничение бюрократических процедур и пр.), меры поддержки потребительского спроса (акции государства и крупного бизнеса для стимулирования индивидуального потребления), капитальные инвестиции в развитие цифровой экономики, развитие транспорта и пр., меры по поддержке экспортных операций и др. [225].

Необходимо отметить, что общие меры поддержки бизнеса и населения оказали косвенное влияние и на МСП, позволяя поддерживать внутренний спрос.

И в России, и в Китае в период пандемии COVID-19 приняты специальные меры, направленные на поддержку МСП. Основные из них представлены в табл. 3.11. Характеризуя меры поддержки, следует отметить, что основные группы мер (налоговые льготы, льготное кредитование и снижение арендной платы) являются общими для двух стран и наиболее распространенными в мировой практике противодействия пандемии. В то же время следует отметить гораздо

более широкое использование в практике Китая прямого субсидирования малых предприятий. В России не получила широкого распространения прямая финансовая поддержка МСП, аналогичная мерам, принимаемым в странах ОЭСР [78. С. 69].

Таблица 3.11

Меры поддержки малого бизнеса в период пандемии COVID-19
в России и Китае, принятые в 2020 г.

Россия	Китай
<i>Льготы по налогам и страховым взносам</i>	
Полугодовая отсрочка по всем налогам, кроме НДС и НДФЛ, для организаций, относящихся к наиболее пострадавшим отраслям	Отсрочка уплаты налогов
Снижение ставок страховых взносов с 30 до 15 % на сумму заработной платы, превышающей МРОТ	Снижение ставки НДС. Политика льготного НДС, принятая 28 февраля, срок действия которой должен был истечь 31 мая, продлена до конца 2020 г.
Полугодовая отсрочка по уплате страховых взносов для микропредприятий, относящихся к сферам, наиболее пострадавшим в условиях пандемии	Льготы по взносам на социальное страхование, субсидии на социальное страхование
Введение с 1 июля во всех субъектах РФ специального налогового режима для самозанятых граждан	Возврат взносов по страхованию от безработицы
Мораторий на рост взносов индивидуальных предпринимателей до конца 2020 г.	Увеличение скидок с экспортных пошлин
Индивидуальная отсрочка (рассрочка) налоговых платежей, которую инспекция ФНС предоставляет по заявлению налогоплательщика	Снижение административных сборов (плата за экологические испытания, плата за очистку сточных вод и т. д.)
<i>Кредитно-финансовая поддержка</i>	
Безвозмездная прямая помощь малому бизнесу, работающему в наиболее пострадавших отраслях (в расчете МРОТ на одного работника при условии сохранения не менее 90 % штатной численности сотрудников)	Государственные субсидии (на цели сохранения занятости, возобновления промышленного производства, за срывы внешнеторговых контрактов, на исследования и разработки и др.)

Россия	Китай
Госпрограмма льготного кредитования для бизнеса и предпринимателей: беспроцентный кредит для выплаты заработной платы	Снижение процентной ставки по кредитам для малого бизнеса, пострадавшего в период пандемии
Программы льготного кредитования (в том числе рефинансирования) малого и среднего бизнеса, реструктуризация кредитов, факторинг	Расширение возможностей повторного кредитования и повторного дисконтирования
Кредитные каникулы для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, работающих в наиболее пострадавших отраслях	Повышение доступности финансовых услуг для малого бизнеса, введение «проекта гладкой онлайн-интеграции», цепочки поставок и долговых обязательств на основе блокчейна для малого бизнеса
Кредитные каникулы по потребительским кредитам для индивидуальных предпринимателей	Снижение текущих расходов малого бизнеса (расходы на электроэнергию, оплата коммунальных услуг), временная отмена платы за проезд транспортных средств по платным дорогам и др.
Шестимесячный мораторий на внешнее банкротство (по инициативе кредиторов)	Отмена процентов по кредитам для малых предприятий, связанных с профилактикой эпидемий и борьбой с ними, и для предприятий, серьезно пострадавших в период эпидемии
<i>Снижение арендных платежей</i>	
Отсрочка арендных платежей до конца года при аренде государственного (муниципального) имущества	Снижение арендных платежей для малых и средних предприятий
Право на отсрочку по договорам аренды при аренде имущества у частных лиц на период действия режима повышенной готовности	

Источники: [125; 225].

Помимо основных мер поддержки малого бизнеса, его субъекты и в России, и в Китае получили информационную и консультативную

поддержку, а также им было оказано содействие в участии в государственных закупках. К особенностям государственной поддержки малого бизнеса в России следует отнести снижение административной нагрузки: введение моратория на плановые и внеплановые проверки малого бизнеса по федеральному закону № 294-ФЗ.

К основным специальным мерам поддержки субъектов МСП китайским правительством следует отнести снижение административных сборов, арендных платежей на государственную недвижимость, предоставление налоговых льгот, государственных субсидий (в особенности на исследования, инновационные разработки), а также осуществление специальной финансово-кредитной политики (снижение коэффициента резервирования на 1 %) [224]. Малым и средним предприятиям была предоставлена отсрочка выплат по кредитам, а также снижена ставка НДС на 1 %. Была создана специализированная инфраструктура оказания помощи субъектам бизнеса и их консультирования через горячую линию. С целью поддержки МСП в Китае был осуществлен комплексный подход, включающий финансовые и нефинансовые меры, что позволило существенно нивелировать негативные последствия пандемии COVID-19 [232].

К особым мерам поддержки малых предприятий в Китае следует отнести меры, направленные на будущее развитие малого бизнеса: содействие внедрению малыми предприятиями новых технологий, методов ведения бизнеса и бизнес-моделей (например, беспилотный ретейл, бесконтактная доставка), ускорение цифровой трансформации малого бизнеса [225]. Кроме того, в Китае оказывается специальная помощь малым предприятиям в возобновлении их деятельности: в возвращении на работу сотрудников из других провинций, помощь в стабилизации сложившихся до пандемии традиционных цепей поставок и др. [47].

И в России, и в Китае в отдельных регионах осуществлялись дополнительные меры поддержки малого бизнеса. В России как по эпидемиологическим показателям, так и по мерам поддержки малого бизнеса лидером стала Москва, где введено субсидирование МСП, а также поддержка инновационной активности малых предприятий. В декабре 2020 г. был принят пятый пакет мер поддержки бизнеса в Москве, в частности продлена программа субсидий для МСП, предоставлены льготы на аренду городских помещений и др.

В Китае региональные меры поддержки малого и среднего бизнеса многообразны. Особые меры поддержки МСП были приняты в провинции Хубэй, в наибольшей степени пострадавшей от пандемии. Мел-

кие налогоплательщики были освобождены от уплаты НДС, снижены ставки по кредитам (до нулевых), уменьшена плата за электроэнергию, налог на землепользование и др. Пострадавшие от эпидемии малые и средние предприятия провинции Хубэй получили возможность отсрочки погашения основной суммы кредита без штрафных санкций [93. С. 160–161]. В провинции Чжэцзян для субъектов МСП снижена стоимость электроэнергии, введена отсрочка оплаты воды и газа, не взимается плата за проезд по дорогам провинции, продлевается срок выполнения малыми и средними предприятиями госконтрактов и др. [47].

С учетом того что в КНР главной проблемой субъектов МСП в условиях пандемии является финансирование, правительством со второго квартала 2020 г. были приняты поддерживающие меры, включающие упрощение получения кредитов, налоговые льготы и административную помощь [249]. На конец июля 2021 г. ссуды малым и микропредприятиям составили 17,8 трлн юаней (2,75 трлн долл.), что на 29,3 % больше, чем в 2020 г. [213].

Ряд мер поддержки МСП, принятых в России весной 2020 г. на шесть месяцев, был продлен, в частности отсрочка по налогам и страховым взносам для малых и средних предприятий из отдельных пострадавших отраслей, отсрочка по потребительским кредитам для индивидуальных предпринимателей, мораторий на проверки малого бизнеса и ряд других [88]. В январе 2021 г. стало известно о запуске Министерством экономического развития России платформы, которая легла в основу цифровой экосистемы поддержки МСП. Благодаря этому проекту компании смогут получить господдержку и необходимые им услуги по принципу одного окна [89]. В сентябре 2021 г. вновь принято решение о продлении моратория на плановые проверки малого бизнеса на 2022 г. [144].

А. Чепуренко, описывая результаты августовского (2021 г.) опроса представителей сектора МСП, указал, что наиболее широкими по охвату оказались две меры – субсидия на выплату заработной платы и отсрочка уплаты налогов (каждой из них воспользовались около 15 % опрошенных), тогда как охват сектора МСП прочими мерами колебался в диапазоне от 0,7 до 7,0 %. По эффективности явным лидером является субсидия на выплату заработной платы – половина предпринимателей отметили, что эта мера принесла пользу их бизнесу. Таким образом, в период пандемии охват малого бизнеса различными мерами поддержки значительно возрос (раньше в ходе ни одного опроса мелких предпринимателей не удавалось выявить более

1 % бенефициаров господдержки) [28]. Кредиты на выплату заработной платы для компаний, стремившихся сохранить численность своих сотрудников, были самой востребованной формой поддержки для МСП в 2020 г.: ею, по данным Минэкономразвития России, каждый месяц пользовались около 18 % всех субъектов МСП. Вместе с тем сам размер предоставляемых субсидий был гораздо меньше по сравнению, например, с размером субсидий в странах ОЭСР: в России он составлял не более 30 % от средней заработной платы по стране, тогда как за рубежом аналогичные единоразовые выплаты доходили до 50–90 % [126. С. 38].

Характеризуя меры государственной поддержки МСП в России в период пандемии, О. И. Образцова и А. Ю. Чепуренко отмечают, что, с одной стороны, государство в целом довольно оперативно отреагировало на наиболее острые проблемы сектора – выплата заработной платы, арендных и части налоговых платежей. С другой стороны, реакция эта была селективной («наиболее пострадавшие» отрасли), недостаточной по размеру (субсидии на выплату заработной платы в размере МРОТ покрывают лишь незначительную часть фонда оплаты труда), а в части налоговых послаблений – исключаяющей наиболее хорошо собираемый и легко администрируемый НДС [114. С. 84–85]. До 80 % субъектов МСП либо не смогли, либо не захотели получить господдержку в условиях пандемии, по-видимому, из-за ограниченности предложенного государством набора мер и жесткого фильтра на входе в систему [Там же. С. 87].

Отмечается, что в России из-за особенностей критериев отбора (коды ОКВЭД, реестр МСП) меры поддержки не всегда достигали целевой аудитории; отдельные компании скорректировали свой код ОКВЭД для получения поддержки, кроме того, востребованные меры были недостаточно масштабны по сравнению с мерами в более развитых странах [126. С. 36]. По результатам опроса, проведенного Российским союзом промышленников и предпринимателей, субъектами МСП были отмечены следующие проблемы в получении мер поддержки: сложность выполнения определенных условий для получения финансовой помощи (таких, как сохранение полной численности персонала), столкновение с дополнительными условиями со стороны банков, сложность процедуры отчетности. Не смогли воспользоваться финансовыми мерами поддержки 61,8 % опрошенных компаний сектора МСП, а 17,1 % опрошенных назвали меры поддержки неэффективными [157. С. 288]. Отмечается, что, несмотря на ожидания

бизнеса, значимых налоговых послаблений в жестких условиях пандемии не произошло [165. С. 1974].

Осенью 2021 г. с началом четвертой, самой масштабной волны пандемии вновь ужесточились ограничительные меры. «Опора России» выступила с инициативой введения новых мер поддержки МСП [16]. В октябре 2021 г. принято решение о запуске второго этапа льготной программы кредитования фонда оплаты труда «ФОТ 3.0» (с ноября по декабрь 2021 г. для компаний МСП в 30 российских банках предусмотрено возобновление выдачи льготных кредитов по ставке 3 % годовых). Получить поддержку смогут пострадавшие от ограничительных мер субъекты МСП – юридические лица и ИП. Ключевое условие программы – сохранение численности работников на уровне не ниже 90 %. Планируется оказание бизнесу и грантовой поддержки. Предприятия сектора МСП, которые работают в отраслях спорта, гостиничного бизнеса, общепита, в сфере дополнительного образования, бытовых услуг, культуры, организации досуга и развлечений и др., смогут подать заявления на безвозмездный грант уже с 1 ноября 2021 г. Размер гранта будет определяться в зависимости от количества работников – в расчете один МРОТ на одного занятого, включая самого индивидуального предпринимателя. Общий объем финансовой помощи составит 38,5 млрд р. Поддержка охватит около 3 млн работников в секторе МСП, включая индивидуальных предпринимателей [4]. Именно субсидии на заработную плату предприниматели считают наиболее ценной для них формой поддержки.

Продолжение пандемии в России требует оказания МСП помощи для недопущения массовых банкротств предприятий и роста безработицы. К сожалению, решение задач инновационного развития экономики в таких условиях крайне затруднительно. Отмечается, что в 2021–2022 гг. особое внимание следует уделить поддержке цифровизации бизнеса, улучшению делового климата в регионах и повышению доступности для предприятий сектора МСП крупных рынков [53. С. 34]. Также указывается на необходимость продления и расширения способов поддержки МСП в условиях сохранения противоэпидемиологических ограничений [126. С. 36].

В Китае в 2021 г., несмотря на стабилизацию экономической ситуации, поддержка МСП продолжается. В 2021 г. политика фискальной и налоговой поддержки для малых и микропредприятий была сохранена. Налоговые льготы для малого бизнеса и его целевое финансирование рассматриваются как фактор стимулирования внутрен-

него спроса. Кроме того, планируется целенаправленная поддержка развития производственных малых и средних предприятий [251]. Китай увеличил финансовую поддержку малых предприятий. Народный банк Китая предоставит банкам дешевое финансирование в размере 300 млрд юаней (46,4 млрд долл.), чтобы они могли кредитовать малые и средние компании [209].

Чен Чаншэн, генеральный директор департамента макроэкономических исследований Центра исследований развития Госсовета, отметил, что для оказания помощи МСП разработаны новаторские налогово-бюджетные и монетарные политики. К ним относится специальный механизм, предназначенный для направления дополнительных финансовых средств непосредственно правительствам уездов, а также продление выплат по инклюзивным кредитам и программам поддержки кредита для помощи малому бизнесу [263].

В октябре 2021 г. субсидии на общую сумму 10 млн юаней (1,55 млн долл.) предоставлены малым и средним предприятиям в Пекине, чтобы помочь им в инновациях и развитии. Под руководством Пекинского бюро экономики и информационных технологий субсидии предоставляются через Пекинскую платформу государственных услуг для МСП [221]. В Китае (Пекин) появилась третья фондовая биржа, призванная помочь развитию МСП. Она должна связать малых и средних предпринимателей с инвесторами. Пекинская биржа сосредоточится на вливании капитала в ориентированные на инновации компании, которые внесут вклад в развитие стратегических и высокотехнологичных отраслей китайской экономики [17].

Развитие МСП в Китае рассматривается как долгосрочная стратегия, позволяющая стимулировать внутреннее потребление, обеспечивать занятость населения. А конкуренция между малыми и средними предприятиями, уверены в руководстве страны, важна для прогресса в таких сферах, как искусственный интеллект, микрочипы, новые источники энергии [Там же]. Таким образом, сектор МСП в Китае активно восстанавливается и имеет ясные перспективы развития.

Итак, на фоне пандемии COVID-19 различия в условиях развития МСП в России и Китае усугубились. В Китае масштабы пандемии были гораздо слабее, соответственно, гораздо быстрее была стабилизирована ситуация в экономике и социальной сфере. Государственная политика Китая, направленная на борьбу с бедностью и стимулирование внутреннего спроса, оказалась весьма эффективной в условиях восстановления экономического роста и поддерж-

ки сектора МСП. В России затяжной эпидемиологический процесс продолжается, темпы восстановления экономики ниже, чем в Китае, а низкий платежеспособный спрос населения остается важным препятствием для развития МСП.

Выводы по главе 3

Сравнение ситуации в развитии МСП в России и Китае в условиях пандемии COVID-19 позволяет сделать следующие выводы:

1. Масштабы пандемии в двух странах различаются коренным образом: если КНР фактически пережила лишь одну волну пандемии в феврале 2020 г., то в России к осени 2021 г. идет уже четвертая волна. Данная ситуация отразилась на динамике макроэкономических показателей: в 2020 г. ВВП Китая вырос на 2,3 %, а ВВП России снизился на 3,0 %. Макроэкономическая ситуация в Китае более благоприятна для развития МСП. Важным фактором, определяющим преимущество условий развития МСП в Китае, является эффективная государственная политика, направленная на борьбу с бедностью и стимулирование внутреннего спроса. В России именно низкий платежеспособный спрос представляет собой главную проблему развития МСП.

2. Малый бизнес обеих стран понес серьезные потери в условиях пандемии. В то же время критического снижения числа субъектов МСП ни в России, ни в Китае не произошло, предпринимательская активность восстанавливается. Несмотря на панические настроения, которые выявляли опросы в начале пандемии, малый и средний бизнес показал свою устойчивость и адаптивность, а меры государственной поддержки помогли ему выжить.

3. Можно заключить, что для России и Китая характерна общая структура основных мер поддержки, их отраслевая и региональная дифференциация. В то же время система мер поддержки МСП в Китае была более комплексной и эффективной. Меры поддержки МСП в Китае в большей степени были ориентированы на стимулирование инновационной активности субъектов МСП. В условиях пандемии более отчетливо проявились основные тенденции развития МСП, которые сформировались до ее начала.

4. Восстановление китайской экономики после стабилизации эпидемиологической обстановки предоставляет МСП возможности не только для выживания, но и для развития. Даже в условиях стабилизации экономики государство продолжает оказывать поддержку

малому и среднему бизнесу. В России эпидемиологическая обстановка остается напряженной, и малый бизнес нуждается в продлении государственных мер поддержки и повышении их эффективности.

5. Масштабы сектора МСП в Китае несопоставимо больше, чем в России. Следовательно, в Китае благополучие сектора МСП в значительной степени определяет и рост экономики, и занятость населения, и инновационное развитие, делая политику поддержки МСП необходимым условием существования социально-экономической системы. Соответственно, руководство КНР просто не могло допустить краха сектора МСП, оказывая ему системную помощь. В России вклад МСП в экономический рост и занятость значительно ниже, а восстановление экономики обеспечивает крупный бизнес, в том числе государственные компании, поэтому поддержка МСП в России в период пандемии направлена прежде всего на решение социальных задач – недопущение роста числа банкротств, безработицы и пр. Развитие МСП в России после окончания пандемии будет зависеть от общих темпов роста экономики и потребительского спроса, а также государственной политики в отношении данного сектора экономики.

6. Динамика развития МСП в России и Китае свидетельствует о том, что в Китае ввиду огромных масштабов и высокой значимости сектора малого предпринимательства созданы более благоприятные условия для поддержки малых и средних предприятий, повышения их конкурентоспособности и инновационности. Для поступательного развития МСП в России особенно важна стабильность экономического развития, институциональных условий, повышение уровня жизни населения и потребительского спроса. Значит, решение проблемы развития МСП невозможно без преодоления пандемии COVID-19 и ее последствий и комплексного улучшения социально-экономической ситуации в стране. Только тогда будут созданы благоприятные условия для формирования экономического самоопределения предпринимателей в сфере МСП и роста их экономической активности.

Заключение

Комплексный анализ внешних социально-экономических условий развития малого и среднего предпринимательства в России и Китае позволил выявить их существенные различия, которые повлияли на процессы экономического самоопределения предпринимателей и их активность. Воздействие внешней среды на развитие предпринимательства проявляется через восприятие и осознание субъектами предпринимательства сложившихся условий, их субъективную оценку.

В числе базовых условий развития МСП были проанализированы исторические условия формирования предпринимательства, определяющие культурные нормы и направленность экономической активности, государственная политика в отношении малого бизнеса и меры его государственной поддержки, характеристики институциональной среды бизнеса и его нормативное регулирование, а также макроэкономическая ситуация в России и Китае.

Анализ исторических особенностей возрождения предпринимательства в России и Китае в конце XX в. позволяет заключить, что в Китае период прерывания предпринимательских традиций был значительно короче, чем в России. Соответственно, изменение общественного сознания и укоренение в нем представлений о нелегитимности предпринимательской деятельности проявились в России в гораздо большей степени, что отразилось в темпах развития предпринимательской культуры, отношении к предпринимателям в обществе, а также сузило социальную базу развития бизнеса. Исторические особенности возрождения предпринимательства в двух странах во многом определили и масштабы сектора МСП, и его отраслевую структуру, и роль в создании валового внутреннего продукта в РФ и КНР, которые принципиально различаются по масштабам.

В начале XXI в. и в России, и в Китае продолжается процесс институционализации МСП, развивается система поддержки малого бизнеса, а развитие МСП рассматривается как приоритетная зачала государственной политики. Выявлены общие черты и особенности нормативного регулирования МСП в РФ и КНР. Налоговая нагрузка

на МСП в Китае выше, чем в России. Структура основных направлений государственной поддержки МСП в России и Китае очень близка и соответствует мировому опыту. В то же время государственная поддержка МСП в Китае в большей степени ориентирована на стимулирование инновационной активности бизнеса.

Малый и средний бизнес в России и Китае сталкивается с рядом проблем, затрудняющих его развитие. К общим для двух стран относятся такие проблемы, как высокие процентные ставки по кредитам и недостаточная их доступность для МСП, высокая налоговая нагрузка, сложность получения государственной поддержки, недостаток квалифицированных кадров. К специфическим проблемам развития МСП в России можно отнести нестабильность законодательства, угрозы ухудшения условий ведения бизнеса, негативные условия развития бизнеса в виде падения спроса, роста инфляции, снижения курса рубля, а также последствия для экономики РФ, связанные с антироссийскими санкциями. Барьеров для развития и расширения бизнеса в России больше, чем в Китае. Можно отметить, что именно нестабильность институциональной среды оказывает наиболее сильное негативное влияние на экономическое самоопределение предпринимателей: уменьшает уровень рациональности при принятии решений, подрывает доверие к государству и препятствует постановке долгосрочных стратегических целей, снижает привлекательность предпринимательской деятельности, ухудшает условия формирования идентичности и предпринимательской культуры.

Анализ международных рейтингов, фиксирующих условия и уровень предпринимательской активности, свидетельствует, что нормативное регулирование предпринимательства в России и Китае имеет примерно одинаковую степень жесткости, но при этом нормативные условия в Китае реформируются в сторону повышения легкости ведения бизнеса быстрее, чем в России. Показатель, характеризующий предпринимательские намерения, в России более чем в 2 раза ниже, чем в Китае, что можно объяснить затянувшимся периодом социально-экономической нестабильности. В России субъективное восприятие открывающихся предпринимательских возможностей значительно ниже, чем в Китае, несмотря на отсутствие значительных различий между странами в жесткости нормативного регулирования. Соответственно, на предпринимательскую активность оказывает влияние не только институциональная среда, но и общее состояние экономики, динамика уровня жизни, уверенность в завтрашнем дне.

Характеризуя наиболее значимые для развития МСП особенности макроэкономической ситуации в двух странах, можно отметить, что преимуществами Китая являются и достаточно высокие темпы экономического роста, и ориентация экономики на развитие внутреннего потребления и инновации. Низкие темпы экономического роста, ресурсная направленность экономики и нестабильность экономической ситуации в России формируют менее благоприятную среду для развития МСП. Темпы роста реальных доходов населения в Китае также более высоки, что способствует повышению покупательной способности и развитию малого бизнеса.

Существующая социально-экономическая ситуация воспринимается экономическими агентами, оценивается и влияет на их активность. Поступательное экономическое развитие открывает перед предпринимателем разнообразные возможности роста, поэтому темпы экономического роста учитываются экономическими агентами при принятии решения заняться предпринимательской деятельностью и при выборе сферы и форм экономической активности. Нестабильность экономической ситуации, характерная для России, препятствует принятию предпринимателями решений на основе рационального выбора, постановке стратегических целей, снижает привлекательность предпринимательства как формы активности.

Результатом экономического самоопределения предпринимателей выступает их экономическая активность, поэтому результаты развития МСП в России и Китае в XXI столетии характеризуют степень успешности протекания процессов экономического самоопределения предпринимателей малого и среднего бизнеса.

Достигнутый уровень развития МСП (около 20 % ВВП – в России, около 60 % ВВП – в Китае) является стабильным показателем, который практически не меняется в 2000–2020 гг. Данный уровень обусловлен историческими предпосылками и соответствует сложившейся в каждой стране структуре экономики. Значительного увеличения числа малых и средних предприятий и их доли в экономике России можно добиться только при условии проведения структурных реформ и повышения уровня жизни населения. Следует учесть опыт Китая в повышении конкурентоспособности предприятий сектора МСП и их привлечении к решению стратегических задач инновационного развития страны.

Необходимо отметить, что критическое ухудшение основных параметров экономической и социальной среды происходит в период

кризисов. При этом в наибольшей степени кризисные условия воздействуют именно на малый и средний бизнес. Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что в условиях пандемии COVID-19 различия в условиях развития МСП в России и Китае усилились. Государственная политика Китая, направленная на борьбу с бедностью и стимулирование внутреннего спроса, оказалась весьма эффективной в условиях восстановления экономического роста и поддержки сектора МСП. Малый бизнес России и Китая понес серьезные потери в условиях пандемии. В то же время критического снижения числа субъектов МСП ни в России, ни в Китае не произошло, предпринимательская активность восстанавливается. Можно заключить, что принятые в России и КНР меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса были достаточно эффективными. При этом быстрое восстановление китайской экономики после стабилизации эпидемиологической обстановки предоставляет МСП возможности не только для выживания, но и для развития. В России эпидемиологическая обстановка остается напряженной, и малый бизнес нуждается в продлении государственных мер поддержки.

В целом динамика развития МСП в России и Китае свидетельствует о том, что в Китае ввиду огромных масштабов и высокой значимости сектора малого предпринимательства созданы более благоприятные условия для поддержки малых и средних предприятий, повышения их конкурентоспособности и инновационности. Для поступательного развития МСП в России особенно важна стабильность экономического развития, институциональных условий, повышение уровня жизни населения и потребительского спроса. Такие условия будут способствовать формированию экономического самоопределения предпринимателей.

Список использованной литературы

1. Абалакина Т. В. Источники финансирования бизнеса в России и Китае: сравнительный аспект / Т. В. Абалакина, К. Д. Гвасалия, До Хыонг Куен // Наукoведение : интернет-журн. – 2017. – Т. 9, № 2. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/109EVN217.pdf> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 17–20.
3. Андрюхин Е. А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в. / Е. А. Андрюхин // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-2 (68). – С. 9–12.
4. Антикризисные меры поддержки малого и среднего бизнеса в наиболее пострадавших отраслях. – URL: <https://opora.ru/news/andrey-belousov-provel-soveshchaniya-po-zapusku-antikrizisnykh-mer-podderzhki-malogo-i-srednego-bizn.html> (дата обращения: 02.11.2021).
5. Арекеева А. Ю. Концептуальный подход к совершенствованию организационно-экономического механизма развития предпринимательских структур региона / А. Ю. Арекеева. – DOI 10.18334/gr.18.22.38579 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 22. – С. 3495–3506.
6. Арекеева А. Ю. Методологический базис развития предпринимательских структур / А. Ю. Арекеева. – DOI 10.18334/gr.19.4.38978 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 881–894.
7. Афанасьев В. Малый бизнес: проблемы становления / В. Афанасьев // Российский экономический журнал. – 1993. – № 2.
8. Ахметов Л. А. Проблемы развития предпринимательства в экономике страны / Л. А. Ахметов, А. М. Чернопятав // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2015. – № 45. – С. 7–19.
9. Ахметов Л. А. Развитие предпринимательской среды в Российской Федерации / Л. А. Ахметов, А. М. Чернопятав // Путеводитель предпринимателя. – 2017. – № 34. – С. 36–46.

10. Баженов С. И. Теория развития малых и средних предприятий на основе создания благоприятной предпринимательской среды / С. И. Баженов, А. М. Платонов. – DOI 10.17150/2500-2759.2018.28(2).240-248 // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28, № 2. – С. 240–248.

11. Баринаева В. А. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? / В. А. Баринаева, С. П. Земцов, Ю. В. Царева. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116 // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 92–116.

12. Башмаков И. А. Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики / И. А. Башмаков. – DOI 10.32609/0042-8736-2020-7-51-74 // Вопросы экономики. – 2020. – № 7. – С. 51–74.

13. Безогодов А. В. Очерки социологии предпринимательства / А. В. Безогодов. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Петрополис», 1999. – 224 с.

14. Бессолицын А. А. Предпринимательство в современной России (формирование российского предпринимательства в условиях зарождения рыночной экономики 1991–1998 гг.) / А. А. Бессолицын // Вопросы новой экономики. – 2010. – № 4 (16). – С. 91–96.

15. Бессонова Е. В. Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009–2015 гг.) / Е. В. Бессонова. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-7-96-118 // Вопросы экономики. – 2018. – № 7. – С. 96–118.

16. Бизнес попросил новых мер поддержки из-за коронавирусных ограничений. – URL: <https://opora.ru/news/biznes-poprosil-novykh-mer-podderzhki-iz-za-koronavirusnykh-ogranicheniy.html> (дата обращения: 10.11.2021).

17. Большая помощь малому бизнесу. Как МСП двигают экономику Китая // РИА Новости. – 2021. – 28 сент. – URL: <https://ria.ru/20210928/ekonomika-1752184664.html> (дата обращения: 06.11.2021).

18. Бухвальд Е. М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? / Е. М. Бухвальд. – DOI 10.18334/err.10.5.110134 // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 1319–1336.

19. В России сократилось число малых и средних предприятий // Ведомости. – 2020. – 11 авг. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/08/11/836350-v-rossii-sokratilos-chislo-malih-predpriyatii> (дата обращения: 10.11.2021).

20. Ван Мэнкуй. Экономика Китая / Ван Мэнкуй ; пер. с кит. Чжэн Яохуа. – [Пекин] : Межконтинент. изд-во Китая, 2005. – 194 с.

21. Верховская О. Р. Предпринимательская активность в России: результаты проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» 2006–2016 гг. / О. Р. Верховская, Е. А. Александрова // Российский журнал менеджмента. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 3–26.

22. Винслав Ю. Б. Год 2020-й: о сохраняющихся воспроизводственных угрозах и об их нейтрализации на путях совершенствования стратегического планирования и промышленной политики, разветвления национальной инновационной системы и ее отраслевых и региональных подсистем / Ю. Б. Винслав. – DOI 10.33983/0130-9757-2020-1-3-53 // Российский экономический журнал. – 2020. – № 1. – С. 3–53.

23. Вишневский А. Г. Демографические тормоза экономики / А. Г. Вишневский, Е. М. Щербакова. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-6-48-70 // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 48–70.

24. Власов Г. Ю. Российский малый бизнес сегодня: условие выживания – действенная поддержка / Г. Ю. Власов // Российское предпринимательство. – 2011. – № 6 (2). – С. 44–50.

25. Воронов А. С. Инновационная устойчивость как характеристика регионального развития / А. С. Воронов, Л. С. Леонтьева. – Москва : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. – 116 с.

26. Воронов А. С. Функциональное обеспечение региональных программ инновационного развития / А. С. Воронов // Статистика и экономика. – 2016. – № 2. – С. 22–26.

27. Всемирный банк предсказал сильнейший отскок мировой экономики за 80 лет // РБК. – 2021. – 8 июня. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/06/2021/60bf66eb9a79477665332047> (дата обращения: 04.11.2021).

28. Выжutowич В. Как малый бизнес перенес нашествие коронавируса / [интервью с А. Ю. Чепуренко] // Российская газета. – 2021. – 19 окт. – URL: <https://rg.ru/2021/10/19/kak-perenes-malyj-biznes-nashestvie-koronavirusa.html> (дата обращения: 02.11.2021).

29. Гаврилюк А. Г. Влияние социокультурных факторов на предпринимательскую активность / А. Г. Гаврилюк. – DOI 10.18334/гп.19.12.39681 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 9, № 12. – С. 3913–3924.

30. Гачегов М. А. Малое и среднее предпринимательство в России в 2017 году: состояние сектора, система государственной поддержки / М. А. Гачегов, А. В. Охрименко. – DOI 10.18334/гп.19.12.39654 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 12. – С. 3887–3902.

31. Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – Москва : Кн. мир, 2018. – 768 с.

32. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики в 2018 году // Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике : офиц. сайт. – URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8%202018.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).

33. Годовой отчет акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» по итогам работы за 2019 г. // Corpmsp. – URL: <https://corpmsp.ru/about/info/years-2019> (дата обращения: 04.10.2021).

34. Гончарова О. Ю. Управление развитием малого предпринимательства в РФ: специфика объекта управления / О. Ю. Гончарова. – DOI 10.18334/gr.18.16.38219 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 16. – С. 2289–2300.

35. Горелов Н. А. Интенсивность и производительность труда в контексте сокращения рабочей недели в России / Н. А. Горелов, В. В. Никитина. – DOI 10.18334/et.6.4.41341 // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 1285–1298.

36. Горошков И. А. К вопросу о проблемах развития малого и среднего бизнеса в России / И. А. Горошков. – DOI 10.18334/gr.18.4.37533 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 4. – С. 659–670.

37. Готовский А. В. Вклад импортозамещения в экономический рост России / А. В. Готовский. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-4-58-78 // Вопросы экономики. – 2021. – № 4. – С. 58–78.

38. Григорьев Л. М. Падение в мировую рецессию 2020... / Л. М. Григорьев, В. А. Павлюшина, Е. Э. Музыченко. – DOI 10.32609/0042-8736-2020-5-5-24 // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 5–24.

39. Гринкевич А. М. Сравнительный анализ налоговой поддержки малого бизнеса в Российской Федерации и Китайской Народной Республике / А. М. Гринкевич, Д. Д. Каримова // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 3 (116). – С. 115–118.

40. Давыдова А. А. Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов / А. А. Давыдова // Проблемы развития территории. – 2017. – Вып. 3 (89). – С. 32–45.

41. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. / С. М. Дробышевский, Г. И. Идрисов, А. С. Каукин и др. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-9-5-31 // Вопросы экономики. – 2018. – № 9. – С. 5–31.

42. Деловая активность бизнеса в сентябре снизилась на фоне сезонности // Коммерсант. – 2021. – 19 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5039971> (дата обращения: 10.11.2021).

43. Доронина И. Э. Роль соблюдения приоритетов в развитии предпринимательского потенциала регионов / И. Э. Доронина. – DOI 10.18334/rp.18.3.37287 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 3. – С. 223–230.

44. Дорошенко С. В. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях / С. В. Дорошенко, А. Г. Шеломенцев // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 212–221.

45. Драгунова Е. В. Анализ качества предпринимательской среды для развития российских быстрорастущих технологических фирм / Е. В. Драгунова. – DOI 10.18334/rp.18.21.38507 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 21. – С. 3135–3150.

46. Дубина И. Н. Инновационно-предпринимательские экосистемы как фактор устойчивости регионального развития / И. Н. Дубина, О. В. Кожевина, А. А. Чуб // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 4 (451). – С. 4–19.

47. Е Симэн. Государственная политика КНР в отношении китайских малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19 / Е Симэн, М. Ю. Шерешева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – Вып. 79 (апр.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-knr-v-otnoshenii-kitayskih-malyh-i-srednih-predpriyatij-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения: 10.11.2020).

48. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics> (дата обращения: 10.10.2021).

49. Ермашкевич Н. С. Комплексный анализ государственных мер поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России / Н. С. Ермашкевич // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 13–38.

50. Ерошенко Е. П. Развитие экосистемы предпринимательства в регионах Российской Федерации как основа создания успешных стартапов / Е. П. Ерошенко. – DOI 10.18334/errp.9.2.40772 // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 123–134.

51. Заболоцкая В. В. Исследование проблем государственного регулирования малого и среднего предпринимательства в России в контексте обеспечения экономической безопасности / В. В. Заболоцкая, А. В. Карапетян // Экономика: теория и практика. – 2015. – № 4 (40). – С. 71–76.

52. Завьялов Д. В. Проблемы и задачи развития малого и среднего предпринимательства в России / Д. В. Завьялов, О. В. Сагинова, Н. Б. Завьялова. – DOI 10.18334/гр.18.3.37285 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 3. – С. 203–214.

53. Земцов С. П. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса / С. П. Земцов, А. А. Михайлов // Экономическое развитие России. – 2021. – № 28 (4). – С. 34–45.

54. Земцов С. П. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса / С. П. Земцов, Ю. В. Царева // Экономическое развитие России. – 2020. – № 27 (5). – С. 71–82.

55. Зимовец А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации / А. В. Зимовец, Ю. В. Сорокина, А. В. Ханина // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 10 (5). – С. 1337–1350.

56. Иванова Е. А. Влияние российской системы образования на развитие институциональной предпринимательской среды / Е. А. Иванова, М. А. Довлетмурзаева // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2020. – № 2 (70). – С. 125–133.

57. Изменения и оценки уходящего года. Пресс-выпуск. – URL: <https://www.levada.ru/2019/12/23/izmeneniya-i-otsenki-uhodyashhego-goda> (дата обращения: 10.11.2021).

58. Индекс Опоры RSBI. Доклад Комитета МСБ АБР. Март 2021 г. – URL: <https://asros.ru/upload/iblock/14b/RSBI-fevral-2021.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

59. Индекс RSBI. – URL: <https://www.psbank.ru/Business/RSBI> (дата обращения: 10.10.2021).

60. Институциональная конфигурация региональной деловой среды как фактор конкурентоспособности предпринимательских структур / Р. В. Гибадуллин, Р. И. Маликов, К. Е. Гришин и др. – DOI 10.18334/гр.18.17.38282 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 17. – С. 2505–2526.

61. Институциональные преобразования в экономике // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57717> (дата обращения: 02.11.2021).

62. Итоги экономического развития КНР в первом полугодии 2020 г. // Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике : офиц. сайт. – URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/about-china_-new/economy (дата обращения: 10.10.2021).

63. Калмыков Н. Н. О совершенствовании механизмов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства / Н. Н. Калмыков и др. // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 789–806.

64. Карлусов В. В. Частное предпринимательство в Китае / В. В. Карлусов. – Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 384 с.

65. Кириллов Ю. Г. Исследование факторов развития предпринимательской деятельности на ее ранней стадии в условиях российского общества / Ю. Г. Кириллов, Е. Павента. – DOI 10.18334/гр.19.9.39324 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 9. – С. 2593–2604.

66. Кирсанов Р. Г. Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР / Р. Г. Кирсанов // Российская история. – 2017. – № 1. – С. 181–194.

67. Климова Н. В. Инновационное предпринимательство в Китае / Н. В. Климова, О. С. Глущенко // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 10. – С. 74–78.

68. Климович М. А. Институциональные факторы в системе структурных трансформаций российской экономики / М. А. Климович. – DOI 10.18334/гр.19.10.39446 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 10. – С. 2787–2802.

69. КНР: экономика регионов / отв. ред. А. В. Островский. – Москва, 2015. – 660 с.

70. Кобяк О. В. Феномен предпринимательства как объект социологических исследований / О. В. Кобяк, И. А. Андрос // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2018. – № 1. – С. 64–72.

71. Козина И. М. Защищенность труда и удовлетворенность работой в малом бизнесе / И. М. Козина, И. К. Зангиева // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 19–29.

72. Комиссаров А. Г. Господдержка малого бизнеса: зарубежный опыт / А. Г. Комиссаров // Российское предпринимательство. – 2012. – № 2 (200). – С. 92–96.

73. Корогодин И. Т. Предпринимательство как социально-экономическая система / И. Т. Корогодин // Экономика и предпринимательство. – 2015. – URL: <http://naukarus.com/predprinimatelstvo-kak-sotsialno-ekonomicheskaya-sistema> (дата обращения: 10.09.2021).

74. Косьмин А. Д. О пагубных последствиях антироссийских санкций / А. Д. Косьмин, О. П. Кузнецова, Е. А. Косьмина. – DOI 10.18334/eo.9.4.41237с. 2808 // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 2810–2811.

75. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_02/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

76. Кудин А. П. Частные предприятия в Китае: политика и экономика. Ретроспективный анализ развития в 1980–2010-е годы / А. П. Кудин ; отв. ред. В. В. Карлусов. – Москва : Дашков и К°, 2017. – 494 с.

77. Ласковая А. К. Выживаемость фирм малого и среднего бизнеса в период пандемии COVID-19: библиометрический анализ исследований / А. К. Ласковая, К. А. Богатырева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 70–79.

78. Левашенко А. Меры финансовой и нефинансовой поддержки МСП в условиях ситуации с COVID-19 / А. Левашенко, А. Коваль // Экономическое развитие России. – 2020. – № 27 (5). – С. 66–70.

79. Левченко Т. А. Система государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Китае: современное состояние и пути развития / Т. А. Левченко // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 235–238.

80. Левченко Т. П. Формирование концептуальных подходов к исследованию предпринимательства как социально-экономической системы / Т. П. Левченко, А. Ю. Яковлева-Чернышева // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. – 2012. – № 5 (13).

81. Леонтьева Л. С. Конкурентоспособность предпринимательских структур в условиях информационного общества / Л. С. Леонтьева, Ю. И. Башкатова, А. С. Воронов. – Москва : МЭСИ, 2015. – 155 с.

82. Линь Ифу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа : пер. с кит. / Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. – Москва : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2001. – 367 с.

83. Логинов Д. М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов / Д. М. Логинов. – DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-41-61 // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 41–61.

84. Лю Сяомэй. Динамика развития малого и среднего бизнеса в Китае / Лю Сяомэй // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (95). – С. 116–125.

85. Лю Сяомэй. Малый и средний бизнес в Китае и в Республике Беларусь: сравнительный анализ условий развития / Лю Сяомэй // Белорусский экономический журнал. – 2014. – № 2. – С. 116–127.

86. Маликов Р. И. Инновационные аспекты проектирования контуров благоприятной институциональной конфигурации региональной деловой среды / Р. И. Маликов, К. Е. Гришин, Д. Д. Мухаметова. – DOI 10.18334/гр.18.7.3769 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 7. – С. 1159–1175.

87. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019 // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

88. Малый бизнес в России: современное состояние и особенности учетной системы / И. А. Бабалыкова, Д. А. Коровин, А. В. Пономаренко и др. – DOI 10.24411/2309-4788-2020-10301 // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 29 (3). – С. 421–429.

89. Малый бизнес России. Малое предпринимательство // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. – 2021. – 13 окт. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 10.11.2021).

90. Малый и средний бизнес в России в 2010 году // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/tom1.html (дата обращения: 02.11.2021).

91. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России / Ин-т экон. политики им. Е. Т. Гайдара. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 308 с.

92. Малый и средний бизнес: особенности функционирования на современном этапе / Люй Хуньюй, Г. И. Хохлова, Н. В. Кретьева, Е. И. Коршунова. – DOI 10.18334/гп.20.4.40594 // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 865–872.

93. Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы / А. А. Маслов ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : РИПОЛ классик, 2021. – 367 с.

94. Мау В. А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. / В. А. Мау. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-3-5-28 // Вопросы экономики. – 2019. – № 3. – С. 5–28.

95. Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития / Д. А. Медведев. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-10-5-28 // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 5–28.

96. Медведев Д. А. Шесть уроков одной пандемии / Д. А. Медведев // Российская газета. – 2021. – 1 нояб. – URL: <https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html> (дата обращения: 02.11.2021).

97. Миллер А. Е. Шумпетерский и кейнсианский подходы к исследованию предпринимательского поведения / А. Е. Миллер // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2017. – № 1. – С. 71–76.

98. Миронов В. В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста / В. В. Миронов. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-2-5-35 // Вопросы экономики. – 2019. – № 2. – С. 5–35.

99. Миронова Е. А. Социальное предпринимательство: факторы, влияющие на развитие / Е. А. Миронова, Н. М. Смирнова // Социально-экономические преобразования и проблемы : сб. науч. тр. – Нижний Новгород : НИСОЦ, 2015. – Вып. 5. – С. 63–80.

100. Мозиас П. М. Экономика Китая: погружение в «новую нормальность» / П. М. Мозиас // Вопросы экономики. – 2015. – № 5. – С. 134–158.

101. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Январь 2020 г. – URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/01-2020-monitoring.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

102. Мотовиц Т. Г. История развития малого и среднего бизнеса в Китае / Т. Г. Мотовиц, Лю Цзюньхао // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 121–125. – URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_18.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

103. Мухина И. В. Проблемы финансирования и развития малого бизнеса в России / И. В. Мухина // Российское предпринимательство. – 2015. – № 3 (273). – С. 485–496.

104. Новоселова Л. В. Государственная антивирусная политика: поучительная китайская практика / Л. В. Новоселова. – DOI 10.33983/0130-9757-2021-2-77-90 // Российский экономический журнал. – 2021. – № 2. – С. 77–90.

105. Новоселова Л. В. Новые координаты развития китайской экономики / Л. В. Новоселова // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / отв. ред. А. В. Островский ; сост. П. Б. Каменнов. – Москва : ИДВ РАН, 2019. – С. 40–54.

106. Носенко Н. В. Развитие предпринимательской среды: социокоммуникативный аспект / Н. В. Носенко // Человеческий капитал. – 2015. – № 6 (78). – С. 52–55.

107. Нугуманова Г. Р. Направления совершенствования государственной политики по формированию инновационной системы в России и за рубежом / Г. Р. Нугуманова. – DOI 10.18334/vines.9.4.41238 // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 1193–1204.

108. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2015 г. № 156-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506300006> (дата обращения: 10.10.2021).

109. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 10.09.2021).

110. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. – URL: <https://rulaws.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-24.07.2007-N-209-FZ> (дата обращения: 10.10.2021).

111. О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации,

Федеральный фонд обязательного медицинского страхования : федер. закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ. – URL: https://legalacts.ru/doc/212_FZ-o-%20%20strahovyh-vznosah-v-PF (дата обращения: 10.10.2021).

112. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485 (дата обращения: 10.12.2020).

113. Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре – ноябре 2021 года : указ Президента РФ от 25 окт. 2021 г. № 595. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66973> (дата обращения: 02.11.2021).

114. Образцова О. И. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? / О. И. Образцова, А. Ю. Чепуренко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 3. – С. 71–95.

115. Озерникова Т. Г. Малый бизнес России и Китая в период пандемии COVID-19 / Т. Г. Озерникова // Корреляционное взаимодействие науки и практики в новом мире : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., 25–26 дек. 2020 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 295–299.

116. Озерникова Т. Г. Сравнительный анализ исторических условий развития малого предпринимательства в России и Китае / Т. Г. Озерникова, Н. В. Терехова // Синергия науки и практики в контексте инновационных прорывов в развитии экономики и общества: национальный и международный аспекты : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., 9–10 дек. 2019 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 269–273.

117. «Опора России» выпустила исследование, посвященное результатам кредитования МСП. – URL: <https://opora.ru/news/opora-rossii-vypustila-issledovanie-posvyashchennoe-rezultatam-kreditovaniya-msp.html> (дата обращения: 10.11.2021).

118. Орлова Н. В. Потенциальный рост как отражение перспектив российской экономики / Н. В. Орлова, Н. А. Лаврова. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-4-5-20 // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 5–20.

119. Основы коммерческого права Китайской Народной Республики : учеб. пособие / под ред. В. Ф. Попондопуло, О. А. Макаровой. – Москва : Проспект, 2018. – 208 с.

120. Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой / А. В. Островский. – Москва : Ин-т Дальнего Востока РАН : ООО «Издательство МБА», 2020. – 496 с.

121. Островский А. В. 40 лет экономических реформ в КНР (1978–2018): итоги, проблемы / А. В. Островский // 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П. Б. Каменнов ; отв. ред. А. В. Островский. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 5–21.

122. Островский А. В. Экономика Китая до пандемии коронавируса: сможет ли Китай построить «общество сяокан» к 100-летию КПК – 2021 г. / А. В. Островский // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; сост. П. Б. Каменнов ; отв. ред. А. В. Островский. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 41–56.

123. Островский А. В. Экономика Китая после XIX съезда КПК: движение вверх (по материалам XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва) / А. В. Островский // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / отв. ред. А. В. Островский ; сост. П. Б. Каменнов. – Москва : ИДВ РАН, 2019. – С. 5–20.

124. Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ осуществления мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2014–2017 годах». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/885/885ad15daa0fc02d056818db2075daa5.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

125. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/government> (дата обращения: 02.10.2021).

126. Оценки влияния кризиса на развитие малого и среднего бизнеса по итогам 2020 г.: сбылись ли прогнозы начала года? / В. А. Баринова, К. В. Демидова, С. П. Земцов, Ю. В. Царева // Экономическое развитие России. – 2021. – № 28 (7). – С. 36–48.

127. Павента Е. Факторы, способствующие интернационализации и выходу на внешние рынки для предпринимателей в условиях пандемии COVID-19 / Е. Павента, Ю. Г. Кириллов. – DOI 10.18334/errp.11.7.112339 // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 7. – С. 1795–1808.

128. Паспорт Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на 2018–2024 гг. – URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

129. Паспорт Национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». – URL: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIхH3BQ6YFADA.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).

130. Паспорт Приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» («Индивидуальное и малое предпринимательство (ИМП)») на 2016–2019 гг. – URL: <http://static.government.ru/media/files/e1egS3zz2HIKdsXJbh2WAMMIwZLzyWCZ.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

131. Перфильев С. В. К вопросу об определении понятия «предпринимательская среда» / С. В. Перфильев, С. В. Авилкина. – DOI 10.18334/гп.20.2.39964 // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 559–574.

132. Петров М. А. Девиантное экономическое поведение в России в период нэпа и в 1990-е годы: сравнительно-исторический анализ / М. А. Петров, К. А. Прозоровская // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 3 (32). – С. 174–181.

133. Пискунов А. И. Новая индустриализация России: пути преодоления отставания / А. И. Пискунов, В. Б. Главацкий. – DOI 10.18334/vines.9.2.40579 // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 287–300.

134. Плеслов А. А. Факторы и возможности развития малого предпринимательства / А. А. Плеслов. – DOI 10.18334/гп.19.2.38772 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 507–518.

135. Плешаков Г. Г. Теоретические аспекты развития предпринимательской деятельности / Г. Г. Плешаков, В. В. Кабанов // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2016. – № 13 (192). – С. 101–106.

136. Подольская Т. В. Проблемы обеспечения глобальной конкурентоспособности и устойчивого экономического развития в условиях пандемии COVID-19 (опыт Китая) / Т. В. Подольская, М. А. Сингх, Ф. Е. Шкель. – DOI 10.18334/ео.11.2.111959 // Экономические отношения. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 265–280.

137. Полбин А. В. Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России / А. В. Полбин, С. Г. Синельников-Мурылев, П. В. Трунин. – DOI 10.32609/0042-8736-2020-6-5-21 // Вопросы экономики. – 2020. – № 6. – С. 5–21.

138. Половина малых и средних компаний назвали свое положение катастрофой // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/business/22/05/2020/5ec742969a79470ab2d31eb9?fbclid=IwAR3WkkjHb9dPofib_rfZyQpFXlPOvtE47r9uGoWyWwRC7M3f9D1GFeppuhs (дата обращения: 10.06.2020).

139. Полянина А. В. Основные тенденции развития института уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в России / А. В. Полянина // Общество и право. – 2009. – № 1 (23). – С. 205–208.

140. Пономарева О. Роль государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства: опыт экономик АТЭС / О. Пономарева // Вестник АТЭС. Издание Российского центра исследований АТЭС. – 2017. – № 5. – С. 16–21.

141. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 20.09.2021).

142. Последние данные по коронавирусу в России и мире // Коммерсантъ. – 2021. – 2 нояб. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4314405?from=doc_widget (дата обращения: 02.11.2021).

143. Постшоковый рост российской экономики: опыт кризисов 1998 и 2008–2009 гг. и взгляд в будущее / И. Б. Воскобойников, Э. Ф. Баранов, К. В. Бобылёва и др. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-4-5-31 // Вопросы экономики. – 2021. – № 4. – С. 5–31.

144. Принято решение о продлении моратория на плановые проверки малого бизнеса на 2022 год. – URL: <https://opora.ru/news/pravitelstvo-reshilo-prodlit-moratoriy-na-proverki-malogo-biznesa.html> (дата обращения: 10.11.2021).

145. ПСБ Аналитика & Стратегия, Magram Market Research. – URL: https://www.magram.ru/about_us/articles/#lg=1&slide=0 (дата обращения: 10.11.2021).

146. ПСБ – Индекс RSBI: деловая активность бизнеса вышла в зону роста. – URL: <https://bankinform.ru/news/111615> (дата обращения: 10.11.2021).

147. Рамазанов И. А. Малый бизнес в сфере торговли в контексте институциональных перемен и глобализации российской экономики / И. А. Рамазанов, А. Н. Струнгар. – DOI 10.18334/гр.19.11.39596 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 11. – С. 3479–3492.

148. Романенко Е. В. Малый бизнес: эволюция и перспективы. Сектор малого предпринимательства: особенности формирования взаимосвязей / Е. В. Романенко // Российское предпринимательство. – 2010. – № 7 (162). – С. 11–16.

149. Российский статистический ежегодник – 2020 // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

150. Россия в цифрах. 2004 : стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/B03_11/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

151. Россия в цифрах. 2020 : крат. стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

152. Рубе В. А. Малый бизнес. История. Теория. Практика / В. А. Рубе. – Москва : Теис, 2000. – 231 с.

153. Рубцова О. Л. Проблемы государственной поддержки российского малого бизнеса / О. Л. Рубцова. – DOI 10.18334/rp.16.17.1848 // Российское предпринимательство. – 2015. – № 16 (17). – С. 2697–2706.

154. Руденко М. Н. Социальная и экономическая адаптации населения региона к современным условиям предпринимательской деятельности / М. Н. Руденко. – DOI 10.18334/rp.20.4.40530 // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 833–846.

155. Система мер по восстановлению экономического роста России / В. В. Ивантер, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев и др. // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1. – С. 3–9.

156. Смирнов А. Ю. Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России / А. Ю. Смирнов. – DOI 10.19181/population.2021.24.2.7 // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 76–86.

157. Смирнова А. А. О мерах государственной поддержки малого предпринимательства в период пандемии COVID-19 в России / А. А. Смирнова. – DOI 10.18334/err.11.2.111588 // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 285–298.

158. Соболева И. В. Возможности накопления человеческого капитала в секторе малого бизнеса / И. В. Соболева // Социологические исследования. – 2017. – № 4. – С. 60–72.

159. Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе / И. В. Соболева. – DOI 10.31857/S013216250004586-7 // Социологические исследования. – 2019 – № 4. – С. 57–69.

160. Современное состояние и перспективы развития экономики Китая / С. А. Влазнева, Н. А. Мишина, Л. Н. Крапчина и др. – DOI 10.18334/rp.19.10.39466 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 10. – С. 3253–3268.

161. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2019 гг. // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13pr/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

162. Социально-экономическое положение России : доклад // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

163. Сплошное статистическое наблюдение малого и среднего бизнеса за 2010 и 2015 годы // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/small_business (дата обращения: 02.11.2021).

164. Статистический обзор по Российской Федерации за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_06/Main.htm (дата обращения: 02.11.2021).

165. Степаненкова Н. М. Особенности развития предпринимательского сектора и налоговая политика государства в условиях пандемии / Н. М. Степаненкова. – DOI 10.18334/epp.11.8.113157 // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 8. – С. 1967–1978.

166. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).

167. Субъекты малого и среднего предпринимательства – 2021 г. // Корпорация МСП: Институт развития в сфере малого и среднего предпринимательства. – URL: https://corpmssp.ru/upload/iblock/a72/Subekty-malogo-i-srednego-predprinimatels_tva-2021.pdf (дата обращения: 26.07.2021).

168. Султанова Л. Ф. Малое предпринимательство в странах-участниках Шанхайской организации сотрудничества: критерии, факторы, влияющие на ведение бизнеса, и особенности налогообложения / Л. Ф. Султанова // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 174–186.

169. Суханова Т. В. Социальные аспекты экономического роста России / Т. В. Суханова. – DOI 10.18334/eo.9.2.40621 // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 881–894.

170. Телегина О. В. Методология исследования феномена предпринимательства: международный опыт / О. В. Телегина // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2019. – № 1. – С. 14–19.

171. Трифонов Е. В. Развитие малого и среднего бизнеса – основа демократизации собственности / Е. В. Трифонов // Российское предпринимательство. – 2012. – № 1 (199). – С. 46–52.

172. Тропникова В. А. Культура рынка как фактор и потенциал развития российской экономики / В. А. Тропникова // Инновационная экономика и общество. – 2017. – № 3 (17). – С. 20–28.

173. Тышта Е. В. Создание нормативно-правовой основы деятельности кооперативов в СССР (1987–1989 гг.) / Е. В. Тышта // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 210–214.

174. Урузбаева Н. А. Проблемы и пути улучшения делового климата в регионах / Н. А. Урузбаева. – DOI 10.17059/2016-1-11 // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 150–161.

175. Устинова К. А. Склонность к предпринимательству: роль внутренних и внешних факторов / К. А. Устинова. – DOI 10.18334/gr.19.9.39391 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 9. – С. 2559–2580.

176. Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>.

177. Фихтнер О. А. Предпринимательская среда: факторы развития бизнес-структур в регионе / О. А. Фихтнер // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 2 (18). – С. 60–68.

178. Хаблак В. В. Государственная политика по развитию малого бизнеса в Китае / В. В. Хаблак, Чжуан Сяожань // Вестник Дальрыбвтуза. – 2015. – № 6. – С. 84–87.

179. Хадасевич Н. Р. К вопросу о содержании и сущности понятий деловой и инвестиционный климат / Н. Р. Хадасевич, А. А. Гардт // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. – 2018. – № 10 (116). – С. 31.

180. Хамидуллин Ф. Ф. Развитие методологии исследования малого бизнеса / Ф. Ф. Хамидуллин // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 3/4 (19/20).

181. Харзинов А. Б. Малый бизнес как фактор устойчивого регионального развития / А. Б. Харзинов, С. А. Махошева, С. В. Галачиева // Вопросы экономики и права. – 2010. – № 30. – С. 378–382.

182. Харсеева Н. В. Хозяйственная культура и предпринимательство в СССР / Н. В. Харсеева // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – С. 1792–1796.

183. Цедилин Л. И. Современная модель социально-экономического развития Китая: идентификация и анализ / Л. И. Цедилин. – DOI 10.24411/2073-6487-2019-10036 // Вестник ИЭ РАН. – 2019. – № 3. – С. 126–136.

184. Цёхла С. Ю. Механизм формирования и развития потенциала малого предпринимательства в сфере создания новых рабочих мест на региональном рынке труда / С. Ю. Цёхла, Е. А. Полищук. – DOI 10.18334/гп.18.17.38283 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 17. – С. 2587–2598.

185. Цигелкова Е. Компаративный анализ поддержки малых и средних предприятий ЕС и Китая в целях повышения создаваемой ими добавленной стоимости / Е. Цигелкова, И. Н. Платонова, Е. Д. Фролова // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 1. – С. 256–269.

186. Чепуренко А. Ю. Теория предпринимательства: важность контекста / А. Ю. Чепуренко, А. А. Яковлев // Российский журнал менеджмента. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 51–60.

187. Чернопятав А. М. Процесс трансформации институциональных условий в предпринимательской среде России / А. М. Чернопятав // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2015. – № 45. – С. 150–158.

188. Чижова Л. А. Экономика предпринимательства: поведенческий аспект / Л. А. Чижова // Аллея науки : науч.-практ. электрон. журн. – 2018. – № 10 (26). – С. 549–553.

189. Число зарегистрированных самозанятых в России превысило 2,7 миллиона // РИА Новости. – 2021. – 18 авг. – URL: <https://ria.ru/20210818/samozanyaty-1746195937.html> (дата обращения: 10.11.2021).

190. Чуванкова В. В. Анализ развития мелкого и среднего предпринимательства в КНР в свете решений XVIII съезда КПК / В. В. Чуванкова // Экономика КНР в свете решений XVIII съезда КПК / отв. ред. А. В. Островский ; сост. П. Б. Каменнов. В 2 ч. Ч. 1. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – С. 34–52.

191. Чуванкова В. В. Индивидуальное и частное предпринимательство / В. В. Чуванкова // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010–2011. – Москва : ИД «ФОРУМ», 2011. – С. 146–157.

192. Чуванкова В. В. Малое и среднее предпринимательство в экономике / В. В. Чуванкова // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018. – Москва : ИД «ФОРУМ», 2018. – С. 198–205.

193. Чуванкова В. В. Малые и средние предприятия в экономике КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020): итоги 4-й Всекитайской экономической переписи / В. В. Чуванкова // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; сост. П. Б. Каменнов ; отв. ред. А. В. Островский. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 41–56.

194. Чуванкова В. В. Мелкий и средний бизнес в КНР: итоги 12-й пятилетки и перспективы развития до 2020 года / В. В. Чуванкова // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / отв. ред. А. В. Островский ; сост. П. Б. Каменнов. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 221–228.

195. Чуванкова В. В. Мелкое и среднее предпринимательство / В. В. Чуванкова // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. – Москва : ИД «ФОРУМ», 2013. – С. 190–202.

196. Чуванкова В. В. Развитие малого и среднего предпринимательства в КНР за 40 лет экономических реформ: итоги и перспективы / В. В. Чуванкова // 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П. Б. Каменнов ; отв. ред. А. В. Островский. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 222–237.

197. Шавалеева Л. С. Малый бизнес в современной России: проблема источников финансирования / Л. С. Шавалеева. – DOI 10.18334/gr.18.4.37549 // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 4. – С. 551–560.

198. Шеина Е. Г. Проблемы кредитования сектора малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / Е. Г. Шеина, А. Ю. Серебрякова. – DOI 10.18334/gr.19.12.39528 // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 12. – С. 39–58.

199. Шкляр Т. Л. Пандемия как шанс для становления организаций / Т. Л. Шкляр. – DOI 10.18334/lim.8.1.111615 // Лидерство и менеджмент. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 175–184.

200. Шпилёва А. А. Процессы цифровизации в компаниях малого и среднего бизнеса в условиях пандемии / А. А. Шпилёва. – DOI 10.18334/err.11.2.111637 // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 299–312.

201. Шулуc А. Субъекты малого предпринимательства и система его государственной поддержки / А. Шулуc // Российский экономический журнал. – 1997. – № 5–6.

202. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. А. Шумпетер ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с.

203. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер ; пер. с англ. В. С. Автономова. – Москва : Директ-Медиа Паблишинг, 2008. – 435 с.

204. Щепакин М. Б. Модель антикризисного управления предприятием как инструмент его инновационного развития в условиях априорной нестабильности / М. Б. Щепакин, В. А. Губин. – DOI 10.18334/vines.9.2.40709 // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 467–488.

205. Эксперты: малый бизнес смог выжить в пандемию, но говорить о полном восстановлении рано // ТАСС. – 2021. – 29 янв. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10575241> (дата обращения: 10.11.2021).

206. Analysis of e-WTP Platform Influence on Small and Medium Enterprises (SMEs) Development / Wen Xiaoying, Luo Ya, Xia Huqian, Lan Min, Chen Siting // Discussion on Chinese Business. – 2019. – № 21. (In Chinese).

207. Carsrud A. Entrepreneurial motivations: What do we still need to know? / A. Carsrud, M. Brannback // Journal of Small Business Management. – 2012. – № 1. – P. 9–26.

208. China Association of Small and Medium Enterprises. – URL: https://www.ca-sme.org/search/Search/index/mid/1/cid//stat/2/keywords/smedi/hiddens/1/search_type/1 (accessed: 07.09.2021).

209. China Steps Up Monetary Support for Economy Hit by Virus // Bloomberg News. – 2021. – 1 Sept. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-01/china-offers-funds-to-banks-to-boost-loans-to-small-firms> (accessed: 03.11.2021).

210. China's industrial SME development index up in Q4 : report. – URL: https://sme.miit.gov.cn/photo/keyeconomicindicatorsof-china/art/2020/art_b1a2997028384751aaf7baa01e8ffce6.htm (accessed: 10.09.2021).

211. China's small, medium enterprises important contributors to economy : report // Xinhua. – 2019. – 28 Dec. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-12/28/c_138663819.htm (accessed: 10.09.2021).

212. China's SMEs Had a Tough 2020; Underperform Larger Peers. Fitch Ratings-Shanghai-26 February 2021. – URL: <https://www.fitchratings.com/research/corporate-finance/china-smes-had-tough-2020-underperform-larger-peers-26-02-2021> (accessed: 06.11.2021).

213. Chu Daye. China to offer more policies to support financing for SMEs / Chu Daye. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233614.shtml> (accessed: 06.11.2021).

214. Doing Business 2020. – URL: <https://www.doingbusiness.org/en/data> (accessed: 20.10.2021).

215. Drakopoulou Dodd S. D. Mumpsimus and the mything of the individualist entrepreneur / S. D. Drakopoulou Dodd, A. R. Anderson // *International Small Business Journal*. – 2007. – № 25 (4).

216. European Commission. COSME. Europe's programme for small and mediumsized enterprises // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme_en (accessed: 02.08.2021).

217. European Commission. What is an SME? – URL: http://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/sme-definition_en (accessed: 02.08.2021).

218. Global Economic Prospects. January 2021 / International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. – URL: <file:///C:/Users/203B~1/AppData/Local/Temp/9781464816123.pdf> (accessed: 02.11.2021).

219. Global economy on firmer ground, but with divergent recoveries amid high uncertainty // Review of the International Monetary Fund. – 2021. – Apr. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (accessed: 12.11.2021).

220. Global Entrepreneurship Monitor. – URL: <https://www.gemconsortium.org/data> (accessed: 18.10.2021).

221. Government to support SMEs with subsidies and mechanism innovation // China Daily. – 2021. – Sept. – URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202109/22/WS614a5b47a31019b029ba0849.html> (accessed: 06.11.2021).

222. Hoffmann R. SMEs in China / R. Hoffmann // *ECOVIS Beijing*. – URL: <http://www.ecovis-beijing.com/en/blog-en/articles/smes-in-china> (accessed: 03.08.2021).

223. Hunter Chan. China SMEI – Weaker momentum in July / Hunter Chan, Shuang Ding // *Global Research*. – 2021. – 21 July. – URL: <https://av.sc.com/cn/content/docs/cn-sme-confidence-202107-en.pdf> (accessed: 06.11.2021).

224. Improvement of approaches to the strategic development management of enterprise / V. M. Repnikova, O. N. Bykova, P. V. Stroeve, D. E. Morkovkin, S. N. Kurbakova // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. – 2020. – № 1. – P. 301–312.

225. International Monetary Fund. Policy Responses to COVID-19. Policy Tracker. – URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#C> (accessed: 10.10.2021).

226. Jia Chen. Development of Chinese small and medium-sized enterprises / Jia Chen. – DOI 10.1108/14626000610665854 // Journal of Small Business and Enterprise Development. – 2006. – Apr. – P. 140–147.

227. Jing Tao. China's Integration into the Liberal International Economic Order and Its Changing Policies on Legalized Bilateral Investment Treaties / Jing Tao. – New York Univ., 2015. – P. 22.

228. Kaufmann P. Locus of control and entrepreneurship in the Russian Republic / P. Kaufmann, D. Welsh // Entrepreneurship: Theory and Practice. – 1995. – № 1. – P. 43–56.

229. Lin Hanchuan. Innovation and Sustainable Development of Chinese Small and Medium-sized Businesses / Lin Hanchuan. – Shanghai : Shanghai Univ. of Finance and Economics Press, 2006. – 411 p. (In Chinese).

230. Lin Hanchuan. Report on the Development of Chinese Small and Medium Enterprises (SMEs) in China / Lin Hanchuan, Qin Zhihui, Chi Renyong. – Beijing : Beijing State Univ. Press, 2017. – 428 p. (In Chinese).

231. Liu Xiangfeng. SME Development in China: A Policy Perspective on SME Industrial Clustering / Liu Xiangfeng. – URL: http://www.eria.org/SME%20Development%20in%20China_A%20Policy%20Perspective%20on%20SME%20Industrial%20Clustering.pdf (accessed: 06.11.2021).

232. Model system of financial support for small and medium-sized enterprises / L. Rudenko, O. Bykova, S. Goryachikh, R. Livanova, S. Lapteva // Advances in Engineering Research: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference 'Anthropogenic Transformation of Geospace: Nature, Economy, Society' (ATG 2019). – 2020. – P. 245–248.

233. Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201912/t20191220_1718680.html (accessed: 06.11.2021). (In Chinese).

234. National Bureau of Statistics of China. Communiqué on Major Data of the Third National Economic Census. – URL: <http://www.stats.gov.cn/english/StatisticalCommunique> (accessed: 06.11.2021).

235. National Bureau of Statistics of China. Preliminary Accounting Results of GDP for the Third Quarter of 2021. 2021-10-20. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202110/t20211019_1823616.html (accessed: 06.11.2021).

236. National Bureau of Statistics of China. Statistical Communiqué (2000–2020). – URL: <http://www.stats.gov.cn/english/StatisticalCommunique> (accessed: 06.11.2021).

237. National Bureau of Statistics of China. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed: 06.11.2021).

238. National Bureau of Statistics of China. The Overall National Economy Maintained the Recovery Momentum in the First Three Quarters. 2021-10-18. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202110/t20211018_1822968.html (accessed: 06.11.2021).

239. National Bureau of Statistics of China. The Profit of Industrial Enterprises above Designated Size from January to September in 2021. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202110/t20211028_1823886.html (accessed: 06.11.2021).

240. National Bureau of Statistics of China. Yearbook. 2001–2019. – URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData> (accessed: 06.11.2021).

241. Number of small to medium-sized enterprises in China from 2012 to 2020 (in millions). – URL: <https://www.statista.com/statistics/783899/china-number-of-small-to-medium-size-enterprises> (accessed: 10.09.2021).

242. OECD Economic Outlook, Interim Report. September 2021. – URL: <https://www.oecd.org/economic-outlook> (accessed 12.11.2021).

243. OECD. Small, Medium, Strong. Trends in SME Performance and Business Conditions / OECD. – Paris, 2017.

244. Ozernikova T. G. Entrepreneurship in Russia and China in the 21st Century in the Context of International Ratings / T. G. Ozernikova, N. V. Terekhova. – DOI 10.34660/INF.2019.22.43442 // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration : Materials of the International Conference. Pt. 1 : Reports in English. – Beijing : PRC, 2019. – P. 11–16. – URL: <http://naukarus.ru/conf> (accessed: 10.10.2021).

245. Parker S. C. The Economics of Self-employment and Entrepreneurship / S. C. Parker. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004.

246. Ping An: China's SMEs Amid the Pandemic Are Facing Cash Flow Problems // Ping An Group. – 2020. – 2 Jun. – URL: <https://group.pingan.com/media/news/News-2020/Ping-An-Chinas-SMEs-Amid-the-Pandemic-Are-Facing-Cash-Flow-Problems.html> (accessed: 06.11.2021).

247. Ratings // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration : Materials of the International Conference. Pt. 1 : Reports in English. – Beijing : PRC, 2019. – P. 11–16. – DOI 10.34660/INF.2019.22.43442.

248. Recovery of China's SMEs continues to slow. Chinadaily.com.cn. 2021-08-09. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202108/09/WS6110e1f0a310efa1bd667ada.html> (accessed: 05.11.2021).

249. Related Fitch Ratings Content: China Corporates Snapshot – February 2021: Small Enterprises Underperform; Policies Support Recovery // Fitch Ratings. – 2021. – 26 Febr. – URL: <https://www.fitchratings.com/research/corporate-finance/china-smes-had-tough-2020-underperform-larger-peers-26-02-2021> (accessed: 06.11.2021).

250. Report on the development of e-commerce for small and medium-sized enterprises in the BRICS countries / Institute of Economics, Shanghai Academy of Social Sciences, United Nations Industrial Development Organization. – 2017. – URL: <https://books.google.ru/books?id=rOvFDwAAQBAJ&pg=PT76&lpg=PT76&dq=Small+and+Medium+Enterprises+Development+Index,+SMEDI&source> (accessed: 10.09.2021).

251. SME Index Hits a New High in Recent 20 Months. Postal Saving Bank of China. – URL: https://www.psbc.com/en/products_and_services/corporate/samseoi/202110/t20211021_130708.html (accessed: 06.11.2021).

252. The Impact of COVID-19 on Small and Medium-sized Enterprises (SMEs): Evidence from Two-wave Phone Surveys in China / Ruochen Dai, Junpeng Hu, Xiaobo Zhang et al. // CGD Working Paper 549. – Washington, DC : Center for Global Development, 2020. – URL: <https://www.cgdev.org/publication/impact-covid-19-small-and-mediumsized-enterprises-evidence-two-wave-phone-surveys-china> (accessed: 10.12.2020).

253. The World Bank. Data: GDP growth. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed: 12.11.2021).

254. Tracy Yang. Strategies for the People's Republic of China's Small and Medium Enterprise Development within the National Innovation System / Tracy Yang, Jamus Jerome Lim, Toshiki Kanamori // ADB Institute Research Paper Series. – 2008. – Nov. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/157222/adb-irp73.pdf> (accessed: 12.11.2021).

255. Vesalainen J. Motivation structure and entrepreneurial intentions. Fusionmx / J. Vesalainen, T. Pihkala. – URL: http://fusionmx.babson.edu/entrep/fer/papers99/II/II_B/IIB.html (accessed: 12.11.2021).

256. Ward E. Motivation of expansion plans of entrepreneurs and small business managers / E. Ward // Journal of Small Business Management. – 1993. – № 1. – P. 32–38.

257. World Bank Group to Discontinue Doing Business Report. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/09/16/world-bank-group-to-discontinue-doing-business-report> (accessed: 18.10.2021).

258. World Health Organization. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. – URL: <https://covid19.who.int/table?tableChartType=heat> (accessed: 02.11.2021).

259. Xi Jinping announces China's eradication of extreme poverty // CGTN. – 2021. – 25 Febr. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-02-25/Xi-Jinping-announces-China-s-eradication-of-extreme-poverty-YaaPRcrJiE/index.html> (accessed: 04.10.2021).

260. Xiaobo Zhang. Reconciling SME Production in China with Coronavirus Control / Xiaobo Zhang, Ruixin Wang ; Centre for Global Development // CGD Note. – 2020. – 28 Febr. – URL: <https://www.cgdev.org/publication/reconciling-sme-production-china-coronavirus-control> (accessed: 06.11.2021).

261. Xiaobo Zhang. Survey: China's small and medium-sized enterprises rebounded after the COVID-19 lockdown, but economic problems linger / Xiaobo Zhang // International Food Policy Institute. – 2020. – 22 Oct. – URL: <https://www.ifpri.org/blog/survey-chinas-small-and-medium-sized-enterprises-rebounded-after-covid-19-lockdown-economic> (accessed: 06.11.2021).

262. Xueli Huang. Innovation in China's high-tech industries: barriers and their impact on innovation performance / Xueli Huang, Renyong Chi // International Journal of Technology Management. – 2013. – Vol. 62, iss. 1. – P. 35–55.

263. Zhang Yue. Consumption, healthy SMEs vital for 2021 growth / Zhang Yue // China Daily. – 2021. – URL: <http://global.chinadaily.com.cn/a/202102/04/WS601b463aa31024ad0baa7240.html> (accessed: 06.11.2021).

264. Zhu Wuxiang. Impact of coronavirus infection (or COVID-19) on small and medium-sized enterprises and measures to combat it / Zhu Wuxiang, Liu Jun, Wei Wei. – URL: https://www.sohu.com/a/370723042_498715 (accessed: 07.09.2021). (In Chinese).